

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

39 2026
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 39 (642) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Конфуций (около 551 г. до н. э. — 479 г. до н. э.), древний китайский мыслитель и философ.

Родился Конфуций около 551 года до нашей эры в царстве Лу. Отец Конфуция Шулян Хэ был храбрым воином из знатного княжеского рода Кун. В первом браке у него родилось девять дочерей, а наследника не было. Во втором браке столь долгожданный мальчик родился, но, к несчастью, был калекой. Тогда в возрасте 63 лет он решился на третий брак, и его женой согласилась стать молодая девушка из рода Янь. Видения, которые посещали ее после свадьбы, предвещали появление великого человека.

Рождению ребенка сопутствовало множество чудесных обстоятельств. По легенде, незадолго до рождения Конфуция его матери, Янь Чжэнцзай, явилось мифическое существо — цилинь (единорог). Оно держало в пасти нефритовую пластину, на которой было начертано пророчество о том, что младенец станет «царем без трона», который спасет приходящую в упадок династию Чжоу. Конфуций родился с заметной впадиной на темени. Согласно китайской физиогномике, такие особенности строения черепа указывали на выдающийся интеллект и связь с высшими силами. Так появился на свет Кун-фу-цзы, или Учитель из рода Кун, известный на Западе под именем Конфуция. Отец Конфуция умер, когда мальчику было три года, и молодая мать вместе с маленьким сыном была вынуждена покинуть дом мужа из-за неприязни старших жен и поселиться в бедности в Цюйфу. Она посвятила свою жизнь воспитанию сына.

Маленький Конфуций был далек от игр, свойственных мальчикам его возраста; главным его развлечением стали беседы с мудрецами и старцами. В возрасте семи лет его отдали в школу, где обязательным было освоение шести умений: выполнять ритуалы, слушать музыку, стрелять из лука, управлять колесницей, писать и считать.

Конфуций родился с потрясающей восприимчивостью к учению, живой ум заставлял его читать и, самое главное, усваивать все знания, изложенные в классических книгах той эпохи, поэтому впоследствии о нем говорили: «Он не имел учителей, но лишь учеников». При окончании школы Конфуций один из всех учащихся сдал самые сложные экзамены со стопроцентным результатом. В 17 лет он уже занимал должность государственного чиновника, хранителя амбаров. «Мои счета должны быть верны — вот единственное, о чем я должен заботиться», — говорил Конфуций. Позже в его ведение поступил и скот царства Лу. «Быки и овцы должны быть хорошо откормлены — вот моя забота», — таковы были слова мудреца. «Не беспокойся о том, что не занимаешь высокого поста. Беспокойся о том, хорошо ли служишь на том месте, где находишься».

Одним из кульминационных моментов в его жизни стало приглашение благородного правителя посетить сто-

лицу Поднебесной. Это путешествие позволило Конфуцию в полной мере осознать себя наследником и хранителем древней традиции (таким считали его и многие современники). Он решил создать школу, основанную на традиционных учениях. Конфуций хотел видеть своих учеников «целостными людьми», полезными государству и обществу, поэтому учил их различным областям знания, основанным на разных канонах.

Слава о нем распространилась далеко за пределы соседних царств. Вскоре он занял пост министра правосудия — в те времена самую ответственную должность в государстве.

Он сделал так много для своей страны, что соседи стали опасаться быстрого развития государства усилиями одной личности. Клевета и наветы привели к тому, что правитель Лу перестал внимать советам Конфуция. Мудрец оставил свой высокий пост и отправился в путешествие по стране, наставляя правителей и нищих, князей и пахарей, молодых и стариков. Везде, где он проходил, его умоляли остаться, однако он неизменно отвечал: «Мой долг распространяется на всех людей без различия, ибо я считаю всех, кто населяет землю, членами одной семьи, в которой я должен исполнять священную миссию наставника».

Для Конфуция знание и добродетель были неразделимы, и поэтому жизнь в соответствии со своими философскими убеждениями являлась неотъемлемой частью самого его учения. Философия была для него не моделью идей, выставляемых для человеческого осознания, но системой заповедей, неотъемлемых от поведения философа.

Конфуций не любил говорить о себе и весь свой жизненный путь описал в нескольких строчках: «В 15 лет я обратил свои помыслы к учению. В 30 лет я обрел прочную основу. В 40 лет я сумел освободиться от сомнений. В 50 лет я познал волю Неба. В 60 лет я научился отличать правду от лжи. В 70 лет я стал следовать зову моего сердца и не нарушал ритуала».

Умер мудрец в 479 году до нашей эры; свою смерть он предсказал ученикам заранее. Однажды ранним утром Конфуций проснулся и направился к двери, напевая: «Большая гора должна разрушиться, сильное течение должно пресечься, мудрый человек должен завянуть, как растение». Один из учеников, услышав пение, появился перед ним. Учитель рассказал ему сон, который, по его мнению, предвещает скорую смерть. Затем он посветовал: «Не нашлось ни одного умного правителя, который захотел бы стать моим учеником. Пора мне умереть».

Он слег в постель и через неделю тихо скончался. Говорят, что его последними словами было: «Кто после моей смерти возьмет на себя труд продолжать мое учение?»

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА И PR

Betekhtina V. V.

Local brand advertising as a tool for territorial development67

Мерзлякова Е. Д.

Современные аспекты спонсорских интеграций на российском телевидении71

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Аманжолова Э. Е.

Авторские права и искусственный интеллект: коллизии правового регулирования на современном этапе76

Анохина М. В.

Особенности уголовной ответственности за мошенничество по законодательству СССР ...79

Арестова Д. И.

Цифровые права в системе естественного и позитивного права.....81

Арестова Д. И.

Злоупотребление семейными правами при осуществлении корпоративных прав.....84

Ачилов Ж. А.

Правовая культура и преодоление правового нигилизма в цифровую эпоху: теоретико-правовой и сравнительный анализ88

Баркова А. Н.

К вопросу о выплате действительной стоимости доли ООО при разделе совместно нажитого имущества супругов90

Бдиев Р. М.

Порядок исполнения наказания в виде штрафа91

Брютова В. Н.

Актуальные проблемы законодательного регулирования права на труд беременных женщин93

Варварычев А. А.

Актуальные проблемы финансового и налогового контроля в государственном управлении96

Волкова В. А.

Основания прекращения сервитутов в гражданском и земельном законодательстве.....99

Волкова В. А.

Особенности способов приобретения ограниченных вещных прав..... 103

Воробьев С. С.

Структура, диагностирование признаков лжи в показаниях и ее изобличение..... 106

Гринина В. В.

Место противоправности в конструкции состава гражданского правонарушения 112

Гудкова Д. Д.

Применение адвокатом цифровых платформ в уголовном судопроизводстве 115

Дзевенис А. И.

Некоторые особенности криминалистической характеристики лиц, совершающих преступления в сфере незаконного оборота оружия при использовании сети «Интернет» 117

Долина Н. Ю.

Формирование суда присяжных в России в постреформенный период до современного этапа 120

Дымко А. М.

Проблемы судебного контроля за деятельностью органов предварительного расследования..... 121

Дымко А. М.

Судебный контроль в уголовном процессе
на этапе досудебного расследования:
сущность и значение 125

Евлоев М. Т.

Эволюция административной
ответственности за нарушение требований
пожарной безопасности в контексте
реформы контрольно-надзорной
деятельности (2024–2026 гг.) 127

Евлоев М. Т.

Соотношение дисциплинарной,
административной и уголовной
ответственности в системе обеспечения
пожарной безопасности объектов защиты 129

Еремян А. А.

Особенности правового статуса дочерних
акционерных обществ с преобладающим
государственным участием 131

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА И PR

Local brand advertising as a tool for territorial development

Betekhtina Valeriya Vasilyevna, master's degree student
Tyumen Industrial University

The article examines advertising of local brands as a tool not only for promoting individual products and services but also for the socio-economic development of territories. It demonstrates that a local brand can connect a product, its place of origin, cultural memory and the tourist image of a territory. In this context, advertising communication becomes part of a broader territorial marketing system: it increases regional recognition, supports small and medium-sized businesses, creates incentives for travel, and contributes to the preservation of local traditions. Particular attention is paid to gastronomic brands and their role in tourism promotion. The study considers the cases of Kolomna, Lukh, and the national competition of regional food brands "Tastes of Russia". The social function of local brands is also analyzed separately. The results show that advertising communication for local brands is effective when it is integrated into a broader territorial marketing system: it increases regional recognition, supports small and medium-sized businesses, and simultaneously stimulates demand for local products. The study emphasizes the need to move from narrowly commercial promotion toward a model in which advertising a local product promotes the territory, while promoting the territory generates demand for the local product.

Keywords: local brands, regional advertising, territorial branding, tourism, gastronomic tourism, small and medium-sized businesses, regional economy, social impact, territorial promotion.

Реклама местного бренда как инструмент территориального развития

Бетехтина Валерия Васильевна, студент магистратуры
Тюменский индустриальный университет

В статье рассматривается реклама локальных брендов как инструмент продвижения не только отдельных товаров и услуг, но и социально-экономического развития территорий. Показано, что локальный бренд способен связывать продукт, место его происхождения, культурную память и туристический образ территории. В этом случае рекламная коммуникация становится частью более широкой системы территориального маркетинга: она формирует узнаваемость региона, поддерживает малый и средний бизнес, создает поводы для поездок и способствует сохранению локальных традиций. Особое внимание уделено гастрономическим брендам и их роли в туристическом продвижении. Рассмотрены кейсы Коломны, Луки и национального конкурса региональных брендов продуктов питания «Вкусы России». Отдельно проанализирована социальная функция локальных брендов. Результаты показывают, что рекламная коммуникация локальных брендов эффективна тогда, когда она встроена в более широкую систему территориального маркетинга: она формирует узнаваемость региона, поддерживает малый и средний бизнес и одновременно стимулирует спрос на местную продукцию. В исследовании подчёркивается необходимость перехода от узкокоммерческого продвижения к модели, при которой реклама локального продукта продвигает территорию, а продвижение территории создаёт спрос на локальный продукт.

Ключевые слова: локальные бренды, региональная реклама, территориальный брендинг, туризм, гастрономический туризм, малый и средний бизнес, региональная экономика, социальный эффект, продвижение территории.

Regional specificity in Russian advertising is increasingly coming to the forefront, no longer serving as a secondary adjustment but rather becoming an independent tool of influence. Brands can significantly increase the effectiveness of their campaigns by taking into account local characteristics: from

mentality and language to standard of living and media habits. A targeted approach to residents of specific regions works considerably better than addressing an abstract mass audience [1].

While a national brand can exist independently of its place of production, a local brand, by contrast, derives a significant

share of its value precisely from its connection to a particular territory. Vologda butter, Tula gingerbread, Altai honey, Ossetian pies, Kamchatka products, and Kolomna pastila are perceived not merely as goods. They become symbols of place through which consumers learn about the culture, history, and way of life of a particular region. Studies of territorial branding demonstrate that such a connection can be used to enhance the tourist appeal and recognition of a territory [1; 2].

Local marketing works in two directions: it promotes a product and at the same time popularizes the territory of its origin. A mutually beneficial connection arises between them: the success of a brand increases the attractiveness of the place, and the recognition of the location is converted into growth in sales of the local product.

The connection between advertising and the regional economy.

Local advertising acts as a driver of the regional economy:

- Increased demand supports not only the brand itself but also the entire ecosystem surrounding it.
- The promotion of local goods contributes to keeping capital within the region.
- The success of a local producer stimulates the development of suppliers, logistics, the food service industry, and other service sectors.

This characteristic is particularly important for small businesses. For a small-scale producer, advertising often performs several functions simultaneously: it helps build brand awareness, explains the origin of the product, establishes a reputation, and facilitates access to new sales channels. According to the SME Corporation, in 2025, entrepreneurs attracted more than 40 billion rubles through the services of the digital platform SME.RF; the platform itself brings together support measures provided by federal authorities, regions, and partners [3]. At the same time, a separate study published by the SME Corporation in 2026 shows that 83 % of small and medium-sized businesses had already used interactive advertising, with the most common tools being social media advertising, SMM, and advertising in messaging platforms [4]. These figures are important not so much as a characterization of the advertising market itself, but rather as evidence of a changing environment in which local brands have an opportunity to communicate directly with consumers.

However, advertising begins to function as a factor of territorial development only when it explains why a product is unique to a particular place. When an advertisement refers to local traditions, family history, nature, or distinctive recipes, the product becomes a story about the region. In this way, an ordinary purchase becomes a means of experiencing the culture and distinctive features of a particular territory.

The proposed approach is based on the theory of geobranding, in which a regional brand is regarded as a system of unique values that shape long-term consumer loyalty [2]. Consequently, a local product can serve as a kind of “carrier” of the territorial brand. It materializes the image of the region: tourists can not only see a place but also take it home with them in the form of a product, package, souvenir, or experience.

An important economic consequence is an increase in the duration of consumers’ interaction with the territory. Advertising local products can encourage tourists to stay in a destination longer: what begins with purchasing food can gradually lead to visits to museums, excursions, and hotels. Gastronomic tourism plays a key role in this process, transforming a product into an integral part of the overall tourist experience. According to experts from the National Research University Higher School of Economics, gastronomic brands are an effective way to make the region more attractive to travelers [5].

Tourism as part of a regional advertising strategy

Domestic tourism creates favorable conditions for promoting local brands. Tourists seek unique experiences and are therefore more likely to respond to offers that cannot be replaced by standardized national alternatives, such as local cuisine, traditional crafts, and local festivals. These elements become powerful tools of regional marketing.

The importance of tourism for the Russian economy is also reflected at the state level. The Tourism Development Strategy through 2035 provides for the comprehensive development of domestic and inbound tourism, the creation and promotion of a competitive tourism product, as well as strengthening the social role of tourism [6]. According to the Government of Russia, the number of tourist trips within the country reached approximately 90 million in 2024 and 82.9 million during the first 11 months of 2025 [7; 8]. In this article, these figures are used solely as a general indicator of the market’s scale, without attempting to directly associate overall tourist flows with any individual advertising project.

The economic value of tourism lies in its multiplier effect: a tourist’s spending supports several sectors of the economy at once. In this regard, the promotion of a local brand goes beyond a single product category, stimulating the development of the entire territory.

Key principles of effective territorial marketing:

1. Integration into experience: A brand must be part of the tourist scenario (excursions, tastings, festivals), not merely an object of advertising;
2. Synergy of efforts: Territorial marketing is the result of joint work
 - Region: infrastructure and route logistics;
 - Municipalities: event agenda and a comfortable urban environment;
 - Business: quality service and a unique product.
3. A unified image: Advertising acts as the connecting link that turns disparate services into a coherent offering for tourists.

Tourism and local brands: Russian cases

1. A product becomes part of a city’s image

One of the most illustrative Russian examples is Kolomna pastila. The Kolomna tourism portal describes it as a gastronomic brand of the Moscow Region and a symbol of the city

[9]. In this case, product promotion is not limited to selling the confectionery itself. A system of museum and excursion formats has been developed around it, with the historical recipe serving as the basis for the tourist experience.

The distinctive feature of this case lies in the combination of three levels of communication. The first is the product level, where visitors are offered the product itself. The second is the cultural level, which tells the story of traditional production and the city's historical environment. The third is touristic: the visit is connected to an excursion, a theatrical program, and other formats.

The Kolomensky Posad website emphasizes that the development of projects centered around pastila has contributed to the creation of new jobs and opportunities for the professional development of its team; approximately 200 people work across the organization's divisions [10]. This makes it possible to view the socio-economic effect not as an abstract increase in brand awareness, but as the emergence of sustainable employment infrastructure built around a local brand.

2. A local product as the basis for event tourism

Another example is Lukh onion from the Ivanovo Region. Materials from the development project for the Lukh Municipal District identify the development of event tourism through the creation and promotion of local brands as one of its objectives. In particular, the “Luk-Luchok” brand is promoted as a basis for creating festivals, museum exhibitions, and themed tourist routes [11].

The essence of this strategy is not to present onion as a unique product in itself. Its advertising appeal is created through the history of the place, local traditions, and an emotional image.

The “Luk-Luchok” Festival is described as an event that brings together residents and visitors, while the “Onion Tower” serves as a space where history, cuisine, and folklore are combined into a tourist experience [11].

For a small settlement, this is particularly important. When a local brand becomes an event, it creates additional opportunities for cafés, guesthouses, shops, artisans, and event organizers.

“Tastes of Russia”: a promotion system

At the national level, the “Tastes of Russia” competition has become an important tool for promoting local products. It is organized by the Ministry of Agriculture of the Russian Federation. Its catalog includes hundreds of brands distributed across categories according to their contribution to territorial development. Of particular interest is the “Drop in for a taste” category, which includes products that contribute to the growth of tourist flows, ranging from Karelian trout to Ossetian pies [12]. This project clearly demonstrates how local gastronomic brands can become an important tool for tourism development.

The competition also performs an advertising function. It creates a media opportunity, gives small producers the chance to gain exposure at the federal level, and provides a unified cat-

alog through which consumers can learn about local products. According to the official catalog of the first competition, more than 1,000 producers participated in 2020, while more than one million people took part in the public voting [12]. At the same time, the competition does not replace commercial advertising but lowers the entry barrier for small businesses seeking visibility in the public sphere. Thus, a national platform can serve as a connecting link between a local product and territorial branding.

The social mission of local brands

The economic effect of local branding becomes sustainable only when it is supported by a strong social dimension.

The first social function is the preservation of cultural memory. If a traditional product is used in modern advertising not as a decorative symbol but as a real part of production and the tourist experience, the tradition gains an economic incentive to continue.

The second function is support for employment. A local brand can create jobs not only directly in production but also through the service infrastructure that develops around it: retail, food services, excursion services, event projects, design, transportation, and hospitality. The experience of Kolomensky Posad, where the development of tourism projects centered around local products has been accompanied by the creation of new jobs, demonstrates this relationship in practice [10].

The third function is strengthening the identity of a territory. A local brand makes it possible to make a territory meaningfully recognizable. Residents gain an opportunity to perceive their city not as a peripheral part of the national market, but as a source of a product and history that are interesting to other people.

A practical model for promoting a local brand

Based on the cases examined, a step-by-step model can be proposed in which advertising for a local brand simultaneously benefits both the business and the territory.

1. Identifying local value.

It is necessary to determine what specifically connects the product to the place: raw materials, production technology, history, craft, natural conditions, or cultural tradition.

2. Developing a narrative.

The advertising message should explain not only the product's characteristics but also the origin of its uniqueness. Real people, places, and practices are important, rather than a collection of abstract regional symbols.

3. Linking the product to the tourist experience.

Production facilities, shops, museums, workshops, tastings, and festivals should become parts of a unified tourist route.

4. Joint promotion.

Businesses, municipalities, tourism organizations, and cultural venues can use a shared set of meanings and visual references without erasing the individuality of individual brands.

5. Digital distribution.

For local businesses, social media, maps, messaging platforms, tourism portals, and video content are especially important. Advertising should allow a person not only to learn about the product but also to immediately understand where it can be bought or tried.

6. Measuring the impact.

It is important to measure not only sales but also visitor numbers at tourist attractions, repeat visits, participation in events, accommodation occupancy, and the emergence of new partnership projects. Only such a comprehensive set of indicators makes it possible to identify the territorial impact of advertising.

Conclusion

The promotion of local brands today addresses objectives that extend far beyond simply increasing sales. In the con-

text of domestic tourism development, such brands become a link between the economy, culture, and distinctive identity of a region.

The examples of Kolomna pastila, festivals in Lukh, and the “Tastes of Russia” project demonstrate that a product can become a driver of tourism by transforming into a museum experience, an event-based attraction, or part of a nationwide strategy for promoting territories. However, it is important to recognize that advertising is only one factor contributing to success. Tourist flows are shaped by a combination of factors, including infrastructure, service quality, and logistics.

The most promising model is one in which the promotion of a local product and the promotion of the territory take place simultaneously. The product serves as an “entry point” for the tourist, while the territory creates an emotional connection. Thus, a local brand becomes a strategic asset that contributes to the sustainable development of the region.

References:

1. Marmilova E. P., Sizova I. A. Lokal'nye kul'turno-istoricheskie brendy sub»ektov Rossiyskoy Federatsii kak faktor razvitiya vnutrennego turizma [Local Cultural and Historical Brands of the Constituent Entities of the Russian Federation as a Factor in the Development of Domestic Tourism] [Electronic resource] // Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal. — 2023. — Vol. 19. — No. 3. — P. 108–122. — URL: <https://publications.hse.ru/articles/865598331> (accessed: 11.09.2026).
2. Timofeev M. Yu. Turisticheskiy brending regionov Rossii. Dal'niy Vostok [Tourism Branding of Russian Regions: The Russian Far East] 2024. — № 3. pp.23–31. DOI: 10.70202/2949–074X-2024–3-3–23–31 (accessed: 11.09.2026).
3. Korporatsiya MSP. V 2025 godu predprinimateli privlekli bolee 40 mlrd rubley s pomoshch'yu platformy MSP.RF [In 2025, Entrepreneurs Attracted More Than 40 Billion Rubles Through the MSP.RF Platform] [Electronic resource] // Korporatsiya MSP. — Moscow, 2026. — February 27. — URL: <https://corpmsp.ru/about/press/news/novosti-korporatsii/v-2025-godu-predprinimateli-privlekli-bolee-40-mlrd-rubley-s-pomoshchyu-platformy-msp-rf/> (accessed: 14.09.2026).
4. Korporatsiya MSP. Issledovanie ARIR: 66 % kompaniy MSB uvelichili raskhody na interaktivnuyu reklamu v 2025 godu [ARIR Study: 66 % of SME Companies Increased Spending on Interactive Advertising in 2025] [Electronic resource] // Korporatsiya MSP. — Moscow, 2026. — April 3. — URL: <https://www.corpmsp.ru/about/press/news/novosti-msp/issledovanie-arir-66-kompaniy-msb-uvelichili-raskhody-na-interaktivnuyu-reklamu-v-2025-godu-chitayte/> (accessed: 12.09.2026).
5. Gordin V. E., Trabskaya Yu. G. Rol' gastronomicheskikh brendov v prodvizhenii turistskikh destinatsiy [The Role of Gastronomic Brands in Promoting Tourist Destinations] [Electronic resource] // Kul'turnoe nasledie i tvorcheskie industrii: vremya, mesto, deystvie. — St. Petersburg: Levsha, 2012. — P. 109–140. — URL: <https://publications.hse.ru/chapters/76943090> (accessed: 19.09.2026).
6. Pravitel'stvo Rossii. Strategiya razvitiya turizma v Rossiyskoy Federatsii na period do 2035 goda. V redaktsii ot 29.05.2025 [Tourism Development Strategy of the Russian Federation for the Period Until 2035. As Amended on May 29, 2025] [Electronic resource]. — Moscow, 2025. — URL: <https://government.ru/docs/all/123838/> (accessed: 12.09.2026).
7. Pravitel'stvo Rossii. Dmitry Chernishenko: 2024 god — rekordnyy po chislu turisticheskikh poezdok po Rossii [Dmitry Chernyshenko: 2024 Was a Record Year in Terms of the Number of Tourist Trips Across Russia] [Electronic resource] // Pravitel'stvo Rossii. — Moscow, 2025. — January 8. — URL: <https://government.ru/news/53924/> (accessed: 19.09.2026).
8. Pravitel'stvo Rossii. Dmitry Chernishenko: za 11 mesyatsev chislo turisticheskikh poezdok po strane dostiglo 82,9 mln [Dmitry Chernyshenko: The Number of Tourist Trips Across the Country Reached 82.9 Million in 11 Months] [Electronic resource] // Pravitel'stvo Rossii. — Moscow, 2025. — December 30. — URL: <https://government.ru/news/57463/> (accessed: 16.09.2026).
9. Turistsko-informatsionnyy portal gorodskogo okruga Kolomna. Kolomenskaya pastila [Kolomna Pastila] [Electronic resource]. — URL: <https://kolomnavisit.ru/ru/guide-block/kolomna-local-food/pastila/> (accessed: 16.09.2026).
10. Kolomenskiy Posad. Tsentr poznavatel'nogo turizma [Kolomensky Posad: Educational Tourism Center] [Electronic resource]. — URL: <https://kolomnaposad.ru/?ysclid=mucxo58uct577644878#smi> (accessed: 14.09.2026).
11. Luk-Luchok [Electronic resource] // visitivanovo.ru: [website]. — URL: <https://visitivanovo.ru/luk-luchok> (accessed: 20.09.2026).

12. Ob'yavleny pobediteli pervogo natsional'nogo konkursa regional'nykh brendov produktov pitaniya «Vkusy Rossii» [Winners of the first national competition of regional food brands “Tastes of Russia” announced] [Electronic resource]. mcx.gov.ru: [website]. — Moscow, [2020]. — URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/obyavleny-pobediteli-pervogo-natsionalnogo-konkursa-regionalnykh-brendov-produktov-pitaniya-vkusy-ro/> (accessed: 21.09.2026)

Современные аспекты спонсорских интеграций на российском телевидении

Мерзлякова Елена Дмитриевна, студент

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

Спонсорские интеграции являются важным инструментом современных маркетинговых коммуникаций и активно используются в телевизионных проектах. В условиях высокой конкуренции за внимание аудитории бренды стремятся переходить от прямой рекламы к более нативным форматам взаимодействия с потребителями. В статье рассматриваются современные особенности спонсорских интеграций на российском телевидении на примере шоу «Маска». Особое внимание уделяется роли спонсорства в формировании имиджа бренда, повышении узнаваемости и создании эмоциональной связи с аудиторией. Также рассматривается сочетание телевизионных и цифровых каналов коммуникации, позволяющее расширять охват и повышать вовлечённость зрителей.

Ключевые слова: спонсорство, спонсорская интеграция, телевидение, TV-шоу, шоу Маска, маркетинговые коммуникации, бренд, аудитория, digital-коммуникации.

Modern aspects of sponsorship integrations on Russian television

Sponsorship integrations are an important tool of modern marketing communications and are widely used in television projects. In a highly competitive environment for audience attention, brands increasingly seek to move away from direct advertising toward more native forms of consumer engagement. This article examines current approaches to sponsorship integration on Russian television using the show The Mask as a case study. Particular attention is paid to the role of sponsorship in shaping brand image, increasing brand awareness, and creating an emotional connection with the audience. The article also considers the combination of television and digital communication channels, which helps expand audience reach and increase viewer engagement.

Введение

Современная медиасреда характеризуется высокой конкуренцией за внимание аудитории и постоянным развитием новых каналов коммуникации. В этих условиях традиционная реклама постепенно дополняется более гибкими и нативными форматами продвижения, которые позволяют брендам органично взаимодействовать с потребителями и формировать устойчивую эмоциональную связь с ними.

Одним из таких инструментов является спонсорство. В системе интегрированных маркетинговых коммуникаций оно занимает особое место, поскольку позволяет бренду не только повысить узнаваемость, но и связать себя с определёнными событиями, проектами, ценностями и эмоциональным опытом аудитории. В отличие от прямой рекламы спонсорская интеграция может восприниматься как естественная часть медиапродукта, что делает коммуникацию менее навязчивой и более эффективной. Спонсорство выполняет несколько функций, среди которых можно выделить имиджевую, коммуникационную и коммерческую [2].

Особенно активно спонсорские интеграции применяются в развлекательных телевизионных проектах. TV-шоу

обладают высокой степенью эмоциональной вовлечённости аудитории, яркой визуальной составляющей и широкими возможностями для взаимодействия с брендами. Современное продвижение телевизионных проектов всё чаще строится на сочетании традиционных и digital-инструментов, включая социальные сети, интерактивные механики, пользовательский контент и брендовые интеграции [1].

Показательным примером подобного подхода является российское шоу «Маска», выходящее на телеканале НТВ.

Актуальность исследования заключается в том, что современные спонсорские интеграции всё реже ограничиваются только размещением логотипа или формальным упоминанием партнёра. Они становятся частью контента, дополняются digital-активностями, конкурсами, интерактивами и специальными форматами взаимодействия с аудиторией. Поэтому изучение подобных интеграций позволяет лучше понять роль спонсорства в современной телевизионной и маркетинговой коммуникации.

Цель статьи — рассмотреть современные особенности спонсорских интеграций на российском телевидении на примере шоу «Маска» и определить их роль в продвижении бренда и взаимодействии с аудиторией. В ра-

боте использован метод кейс-анализа материалов, посвящённых спонсорским интеграциям в шоу «Маска».

Спонсорство как инструмент интегрированных маркетинговых коммуникаций

В современных условиях компании стремятся использовать такие инструменты маркетинговых коммуникаций, которые позволяют не только продвигать товар или услугу, но и выстраивать долгосрочные отношения с целевой аудиторией. Одним из таких инструментов является спонсорство, которое занимает важное место в системе интегрированных маркетинговых коммуникаций.

Спонсорство представляет собой форму сотрудничества между компанией и объектом поддержки, при которой бренд предоставляет финансовые, материальные или иные ресурсы и получает коммуникационный эффект в виде повышения узнаваемости, укрепления имиджа и формирования положительных ассоциаций у аудитории [2]. Спонсорство позволяет компании формировать эмоциональную связь с потребителями и связывать бренд с определёнными событиями, проектами и ценностями.

В отличие от благотворительности, спонсорская деятельность предполагает получение маркетингового эффекта и ориентирована на достижение конкретных коммуникационных и коммерческих целей. При этом эффективность спонсорства заключается не только в самом факте поддержки проекта, но и в том, насколько органично бренд включён в коммуникационную среду мероприятия или медиапродукта.

Одной из ключевых функций спонсорства является имиджевая. Участие компании в спортивных, культурных, социальных и медийных проектах позволяет формировать у аудитории устойчивые ассоциации с определёнными ценностями, стилем жизни и образом бренда. Поддержка значимых для аудитории проектов способствует повышению доверия и укреплению репутации компании.

Не менее важной является коммуникационная функция. Спонсорство позволяет бренду взаимодействовать с целевой аудиторией в эмоционально благоприятной среде, где коммерческое сообщение воспринимается менее навязчиво, чем традиционная реклама. Это особенно важно в условиях информационной перегрузки, когда потребители всё чаще игнорируют прямые рекламные сообщения.

Также спонсорство может выполнять коммерческую функцию, поскольку участие бренда в популярных проектах способствует расширению клиентской базы, повышению интереса к продукту и увеличению числа контактов с потенциальными потребителями. Особенно заметный эффект достигается при сочетании спонсорства с digital-коммуникациями, социальными сетями и другими каналами продвижения.

Современное спонсорство всё чаще становится частью общей бренд-стратегии. Компании стремятся не просто разместить логотип или упомянуть название партнёра,

а интегрироваться в содержание проекта, создавать совместный контент, интерактивные механики и дополнительные точки взаимодействия с аудиторией [1]. Таким образом, спонсорская интеграция перестаёт быть отдельным рекламным элементом и превращается в часть общей коммуникационной системы бренда.

Важной особенностью современного спонсорства является его цифровизация. Бренды активно используют социальные сети, видеоплатформы, стриминговые сервисы и работу с медийными личностями, что позволяет расширять охват и поддерживать контакт с аудиторией за пределами основного события или телевизионного эфира [1].

Таким образом, спонсорство в системе интегрированных маркетинговых коммуникаций сочетает в себе имиджевую, коммуникационную и коммерческую функции. Его эффективность во многом зависит от того, насколько естественно бренд включён в содержание проекта и насколько спонсорская активность соответствует интересам и ценностям целевой аудитории.

Современные форматы спонсорских интеграций на телевидении

Современные спонсорские интеграции на телевидении отличаются разнообразием форматов и стремлением к более естественному присутствию бренда в медиаконтенте. Если раньше спонсорство часто ограничивалось размещением логотипа, упоминанием партнёра или заставкой перед программой, то сегодня бренды стремятся становиться частью самого контента и взаимодействовать с аудиторией в более органичной форме.

Одним из наиболее распространённых форматов остаётся визуальное присутствие бренда. Оно может выражаться в размещении логотипа в студии, на декорациях, реквизите, экранах или других элементах телевизионного пространства. Такой формат обеспечивает постоянный контакт зрителя с брендом, однако его эффективность зависит от того, насколько органично фирменная символика встроена в визуальную среду проекта.

Другим важным форматом является product placement — интеграция товара или бренда непосредственно в содержание программы. В этом случае продукт может использоваться участниками, ведущими или героями шоу, становясь частью происходящего. Подобный формат является одним из способов коммерциализации развлекательного контента, при котором реклама становится частью нарратива, а не отдельным рекламным блоком [1].

Также активно используются нативные интеграции. Их особенность заключается в том, что бренд включается в контент максимально естественно и не воспринимается зрителем как отдельное рекламное сообщение. Это могут быть упоминания ведущего, использование продукции в рамках задания, участие бренда в сценарной механике или создание специального сегмента программы. Такие интеграции позволяют компании взаимодействовать

с аудиторией без прямого рекламного давления и воспринимаются как более естественная часть медиаконтента [3].

Отдельным направлением являются брендированные рубрики и специальные механики. В таких случаях партнёр становится частью конкретного элемента телевизионного шоу: конкурса, задания, голосования, приза или дополнительного контента. Подобный подход позволяет не только повысить заметность бренда, но и связать его с эмоциями, возникающими у аудитории в процессе просмотра.

В современных телевизионных проектах важную роль играет и digital-продолжение спонсорской интеграции. Бренд может присутствовать не только в эфире, но и в социальных сетях, на сайте программы, в конкурсах, онлайн-трансляциях и дополнительном видеоконтенте. Такой подход увеличивает количество точек контакта с аудиторией и позволяет продлить взаимодействие со зрителем за пределами телевизионного выпуска. К числу таких инструментов относятся интерактивы, UGC, кросс-медийность и брендовые интеграции, которые могут работать как элементы единой коммуникационной системы проекта [1].

Одной из форм такого digital-продолжения являются интерактивные спонсорские механики. Они могут включать конкурсы, голосования, промокоды, онлайн-квесты и специальные задания для зрителей. В этом случае аудитория становится не просто получателем рекламного сообщения, а участником коммуникации. Такой формат повышает вовлечённость и делает контакт с брендом более запоминающимся [1].

Таким образом, современные спонсорские интеграции на телевидении развиваются в сторону большей нативности, интерактивности и кросс-медийности. Эффективная интеграция строится не только на визуальном присутствии бренда, но и на его включении в содержание проекта, эмоциональный контекст и коммуникацию с аудиторией.

Шоу «Маска» как площадка для спонсорских интеграций

Шоу «Маска» является одним из наиболее показательных примеров современного развлекательного телевизионного проекта, в котором спонсорские интеграции выходят за рамки стандартного размещения логотипа или упоминания партнёра. Формат программы строится на интриге, ярких визуальных образах, участии известных артистов и высокой эмоциональной вовлечённости аудитории, что создаёт широкие возможности для органичного включения бренда в содержание шоу.

Одним из наиболее заметных примеров стала интеграция бренда «Азерчай». В рамках проекта ведущий и члены жюри рассказывали о продукте в нативной форме, делились впечатлениями от напитка и включали бренд в собственное общение. В финале продукция спонсора была представлена ещё более необычным спо-

собом — в шоу появился отдельный персонаж в костюме традиционного чайного стакана армуду. Представители НТВ отмечали, что задачей интеграции было повышение узнаваемости бренда, и после участия в проекте рекламодатель зафиксировал рост узнаваемости и положительные отзывы аудитории [4].

Данный пример показывает переход от прямого рекламного сообщения к нативной спонсорской интеграции. Бренд не прерывал содержание программы, а становился частью визуального и коммуникационного пространства шоу. Это позволяло сохранить развлекательный характер проекта и одновременно сформировать у зрителей устойчивую связь между продуктом и самим шоу.

Другим примером является интеграция бренда Felix. Персонаж бренда был фактически включён в механику программы: кот находился рядом с членами жюри, появлялся на сцене и взаимодействовал с участниками шоу. В одном из выпусков Felix даже был использован в сюжетной механике спасения участника от выбывания. При появлении персонажа визуальное оформление сцены менялось на фирменный синий цвет бренда [5].

Подобный формат можно рассматривать как сюжетно-игровую интеграцию, при которой бренд становится полноценным элементом медиапродукта. В этом случае зритель сталкивается не с отдельным рекламным сообщением, а с персонажем, встроенным в привычную структуру шоу. Такой подход позволяет сделать коммерческое присутствие более заметным, но при этом сохранить его связь с развлекательным содержанием программы.

Отдельного внимания заслуживает интеграция бренда «Нанопласт форте». В рамках шоу была реализована интерактивная рекламная кампания с использованием технологий HbbTV и IPTV. Во время эфира зрителям предлагался специальный виджет с изображениями участников, через который они могли голосовать за любимых исполнителей. Таким образом, спонсорская коммуникация была непосредственно связана с одной из главных механик проекта — возможностью аудитории участвовать во взаимодействии с проектом и выбирать наиболее понравившихся героев [4].

Кампания показала значительный уровень вовлечённости: количество показов составило 923,7 тыс., охват — 398,5 тыс. домохозяйств, а взаимодействие с виджетом произошло 11,7 тыс. раз. При этом 76 % пользователей, открывших виджет, приняли участие в голосовании. Это позволяет рассматривать данную интеграцию не только как спонсорское присутствие, но и как пример объединения телевизионного контента с интерактивными цифровыми технологиями [4].

В рамках первого сезона также использовались более традиционные форматы спонсорского присутствия. Продукция и логотипы брендов «Фосфоглив» и «Некст» появлялись в заставках программы, а ведущий рассказывал об их применении в контексте поддержания здоровья участников проекта. Таким образом, внутри одного телевизионного шоу применялись сразу несколько уровней инте-

грации — от классического визуального присутствия до нативных, сюжетных и интерактивных механик [4].

Важной особенностью проекта является и развитая digital-среда. В третьем сезоне телеканал НТВ объединил сайт шоу и социальные сети в единую коммуникационную систему. Пользователи могли собирать карточки с персонажами, искать специальные коды, участвовать в конкурсах и получать фирменные призы. Digital-кампания была построена таким образом, чтобы поддерживать интерес между выпусками и одновременно возвращать аудиторию к телевизионному эфиру [6].

Таким образом, на примере шоу «Маска» можно выделить несколько форм современных спонсорских интеграций: нативное упоминание продукта, включение бренда в сюжетную механику, интерактивное взаимодействие со зрителями и классическое визуальное присутствие. При этом наиболее заметной тенденцией становится стремление превратить бренд из внешнего рекламодателя в полноценный элемент медиапродукта. Именно сочетание телевизионного контента, интерактивности и digital-коммуникации позволяет сделать спонсорское присутствие более органичным и увеличить количество точек контакта бренда с аудиторией.

Особенности и эффективность спонсорских интеграций в телевизионных проектах

Эффективность спонсорской интеграции определяется не только заметностью бренда, но и степенью его соответствия содержанию проекта, интересам аудитории и общей логике медиапродукта. Чем естественнее бренд включён в телевизионный формат, тем ниже риск того, что интеграция будет восприниматься как навязчивая реклама.

Одним из ключевых факторов эффективности является соответствие спонсора тематике программы и характеристикам её аудитории. В этом случае бренд получает возможность формировать устойчивые ассоциации с ценностями, эмоциями и образом жизни, которые транслирует сам проект. Для развлекательных TV-шоу это особенно важно, поскольку зритель взаимодействует с контентом прежде всего на эмоциональном уровне [3].

При оценке эффективности спонсорства необходимо учитывать как количественные, так и качественные показатели. К количественным могут относиться охват, количество взаимодействий, просмотры дополнительного контента и участие аудитории в интерактивах. К качественным показателям относятся изменение узнаваемости бренда, отношение к нему и уровень лояльности аудитории [3].

При этом оценка спонсорских интеграций имеет определённые ограничения. В отличие от некоторых digital-инструментов, где результат можно напрямую связать с количеством кликов, переходов или покупок, эффект спонсорства часто проявляется в долгосрочной перспек-

тиве. Он может выражаться в формировании положительных ассоциаций, повышении узнаваемости и укреплении имиджа бренда [3].

Отдельным риском является чрезмерное присутствие рекламодателя в содержании программы. Если коммерческий элемент начинает нарушать логику проекта или вытеснять развлекательную составляющую, это может вызвать негативную реакцию зрителей. Поэтому важным условием эффективности становится баланс между задачами спонсора и целостностью медиаконтента.

Таким образом, результативность спонсорской интеграции зависит от совокупности факторов: соответствия бренда аудитории проекта, органичности присутствия, многоканальности коммуникации и возможности измерения эффекта. Наиболее устойчивый результат достигается в тех случаях, когда коммерческое присутствие не нарушает содержание программы, а дополняет зрительский опыт.

Заключение

В ходе работы были рассмотрены современные аспекты спонсорских интеграций на российском телевидении на примере шоу «Маска». Анализ показал, что спонсорство в современных условиях является важным элементом интегрированных маркетинговых коммуникаций и выполняет сразу несколько функций: имиджевую, коммуникационную и коммерческую.

Современные спонсорские интеграции значительно отличаются от традиционного размещения логотипа или упоминания партнёра. Бренды стремятся становиться частью контента, использовать нативные форматы, digital-инструменты и интерактивные механики. Такой подход позволяет сделать коммуникацию менее навязчивой и увеличить количество точек контакта с аудиторией.

Анализ шоу «Маска» показал использование нескольких уровней спонсорского присутствия: нативных упоминаний, сюжетно-игровых интеграций, интерактивных механик и классического визуального размещения. Это демонстрирует переход телевизионного спонсорства от простого присутствия бренда в кадре к его включению в структуру медиапродукта.

Особое значение имеет сочетание телевизионных и цифровых каналов коммуникации. Социальные сети, интерактивы, конкурсы и дополнительный контент позволяют продлевать контакт зрителя с проектом и одновременно расширять возможности присутствия спонсора. Такой подход соответствует общей тенденции развития современного спонсорства, которое постепенно превращается в полноценный элемент бренд-стратегии.

При этом эффективность интеграции зависит от степени её органичности. Чем лучше бренд соответствует тематике проекта и интересам его аудитории, тем выше вероятность положительного восприятия. Избыточное рекламное присутствие, напротив, может снизить доверие и вызвать негативную реакцию зрителей.

Таким образом, спонсорские интеграции на современном телевидении представляют собой комплексный инструмент маркетинговых коммуникаций. Их дальнейшее развитие связано с усилением нативности, интер-

активности и digital-составляющей. Шоу «Маска» демонстрирует, что наиболее перспективным становится подход, при котором бренд не просто присутствует в кадре, а становится частью общей коммуникационной среды проекта.

Литература:

1. Голубкова Е. Н. Интегрированные маркетинговые коммуникации: учебник и практикум для вузов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 363 с. — ISBN 978-5-534-04357-0.
2. Madube P. M., Isenah T. E. Sponsorship as a Marketing Communications Tool: A Theoretical Reflection of Concept and Dimensions // BW Academic Journal. — 2023. — URL: <https://bwjournal.org/index.php/bsjournal/article/view/1162> (дата обращения: 12.09.2026).
3. Wakefield L., Wakefield K., Keller K. L. Understanding Sponsorship: A Consumer-Centric Model of Sponsorship Effects // Journal of Advertising. — 2020. — Vol. 49, № 3. — P. 320–343. — DOI: 10.1080/00913367.2020.1751011.
4. Кейс: Как адаптация музыкального телешоу помогла НТВ достичь рекордных рейтингов и повысила узнаваемость брендов-спонсоров // AdIndex. — 01.06.2020. — URL: <https://adindex.ru/case/2020/05/29/282275.phtml> (дата обращения: 13.09.2026).
5. Тимур Вайнштейн, НТВ: «Я не сторонник противопоставления телевидения и digital: они двигаются навстречу друг другу» // AdIndex. — 03.09.2021. — URL: <https://adindex.ru/publication/interviews/media/2021/09/2/297806.phtml> (дата обращения: 12.09.2026).
6. Кейс НТВ и шоу «Маска»: как создать свою мультивселенную и привлечь пользователей во все социальные сети // AdIndex. — 27.05.2022. — URL: <https://adindex.ru/case/2022/05/25/304574.phtml> (дата обращения: 12.09.2026).

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Авторские права и искусственный интеллект: коллизии правового регулирования на современном этапе

Аманжолова Эльмира Ермухановна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Статья посвящена комплексному анализу проблемных аспектов взаимодействия авторского права и технологий искусственного интеллекта. Исследуются три ключевых блока вопросов: определение правового режима объектов, созданных с использованием генеративных нейросетей; допустимость использования охраняемых произведений в процессе обучения ИИ-моделей; распределение ответственности за генерацию контента, нарушающего исключительные права. На основе анализа российского законодательства, актуальной судебной практики и международного опыта обосновывается необходимость дифференцированного подхода к регулированию, учитывающего степень творческого вклада человека и уровень автономности технологической системы. Особое внимание уделяется анализу Федерального закона от 26.07.2026 № 243-ФЗ и его значению для баланса интересов правообладателей и разработчиков ИИ.

Ключевые слова: авторское право, искусственный интеллект, генеративные нейросети, авторство, исключительное право, обучение ИИ, гражданско-правовая ответственность, правовое регулирование.

Развитие технологий генеративного искусственного интеллекта поставило перед правовой системой вопросы, не имеющие аналогов в предшествующей юридической практике. Нейросети, способные создавать тексты, изображения, музыкальные произведения и видеоконтент, размывают традиционные границы между инструментальным использованием технических средств и самостоятельным творчеством. Как отмечается в доктрине, базовые принципы авторского права не позволяют на современном этапе наделить правосубъектностью искусственный интеллект, что порождает фундаментальную коллизию между технологическими возможностями и правовыми конструкциями. [1, с. 45–58]

Российский законодатель предпринял первую попытку системного регулирования данной сферы, приняв Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», положения которого вступили в силу с 1 сентября 2026 года. Данный нормативный акт закрепляет понятие искусственного интеллекта, вводит статусы суверенных и национальных ИИ-моделей, устанавливает требования к маркировке генерированного контента и регулирует использование объектов авторского права в процессе обучения нейросетей.

Вместе с тем принятие рамочного закона не снимает концептуальных противоречий, а в определенной степени обостряет их. Как справедливо отмечает председатель Российского центра оборота прав на результаты творче-

ской деятельности А. Кричевский, закон об ИИ вводит в правовое поле новый случай свободного использования произведений, «которого ст. 1229 Гражданского кодекса не знает и по своей архитектуре знать не может», что создает риски для стабильности всей конструкции интеллектуальной собственности. [3, с.45]

Центральным вопросом правового регулирования в рассматриваемой сфере является определение субъекта, имеющего право претендовать на авторство в отношении объекта, созданного с использованием генеративной нейросети. В цивилистической доктрине сформировались несколько конкурирующих подходов. Согласно машиноцентрической концепции, авторство может признаваться за разработчиком ИИ, создавшим технологическую основу для генерации. Теория «нулевого» авторства предполагает отказ от признания авторских прав на такие объекты с созданием особой категории охраняемых результатов. Наконец, модель отказа в охране исходит из необходимости перевода ИИ-генерируемых объектов в общественное достояние. [2, с.64–75]

Представляется, что выбор конкретной модели не может быть универсальным и должен основываться на дифференцированном подходе, учитывающем степень творческого участия человека, наличие творческого замысла, уровень контроля над процессом генерации и степень автономности системы. Использование искусственного интеллекта само по себе не должно исключать возникновение авторского права, однако необходимым

условием его признания является наличие творческого вклада человека.

Статья 1257 ГК РФ содержит презумпцию, согласно которой автором произведения признается гражданин, творческим трудом которого оно создано, — иное должно быть доказано в установленном порядке. Таким образом, российское законодательство исходит из концепции человеческого авторства, не предусматривая возможности признания автором искусственного интеллекта.

Формирующаяся судебная практика демонстрирует осторожный, но вместе с тем прагматичный подход. Показательным является дело «Рифейс Технолоджис», в рамках которого Арбитражный суд Москвы защитил права на дипфейк-видео с актером Киану Ривзом, созданное с использованием нейросети. [7] Ключевым обстоятельством стало то, что контент создавался командой специалистов, а применение ИИ не лишило результат правовой охраны. Однако остается открытым вопрос о правовом режиме контента, сгенерированного минимальным творческим усилием — буквально одним запросом к нейросети.

Федеральный закон № 243-ФЗ предусматривает, что сервисы, использующие ИИ, обязаны сообщать пользователям о владельцах прав на сгенерированные материалы и условиях доступа к ним. Крупные онлайн-платформы с ежедневной аудиторией более 500 000 человек должны предоставить пользователям техническую возможность маркировать контент, созданный с помощью нейросетей. Данные положения представляют собой первый шаг к формированию прозрачной системы правоотношений в сфере ИИ-генерируемого контента, однако они не решают концептуального вопроса о том, кому принадлежат исключительные права на такой контент.

Второй блок правовых коллизий связан с допустимостью использования охраняемых авторским правом произведений для обучения нейросетей без согласия правообладателей. Как справедливо отмечается в руководящих принципах Международной ассоциации по охране интеллектуальной собственности, качество генерируемого нейросетью контента в значительной степени зависит от качества материала, на котором она обучалась. Учитывая, что материалы, защищенные авторским правом, зачастую имеют более высокое качество, провайдеры нейросетей стремятся использовать именно их, что создает риски нарушения исключительных прав.

В российской доктрине длительное время доминировала позиция, согласно которой процесс обучения ИИ сам по себе не является использованием произведения в смысле ст. 1270 ГК РФ. Однако данная позиция подвергается обоснованной критике. Как отмечает А. Кричевский, «любое «извлечение фрагментов» и «обучение на произведении» — это, если называть вещи своими именами, использование объекта авторского права. Не абстрактное, не метафорическое, а вполне конкретное — с точки зрения имущественных прав автора и, что не менее важно, его личных неимущественных прав».

Федеральный закон № 243-ФЗ закрепил принципиально важное положение: обработка информации из книг, фильмов, музыкальных произведений и других защищенных материалов не будет считаться нарушением прав, если ведется исключительно в целях обучения суверенных и национальных ИИ-моделей и при условии правомерного получения экземпляра произведения. Таким образом, российский законодатель избрал модель, близкую к американской доктрине добросовестного использования (fair use), ограничив ее, однако, целями обучения национальных моделей и требованием правомерного доступа к исходным материалам.

Знаковым событием в мировой практике стало утверждение 20 июля 2026 года федеральным судом Сан-Франциско мирового соглашения между компанией Anthropic и группой правообладателей на сумму 1,5 млрд долларов США. Суд признал допустимость использования для обучения ИИ только правомерно полученных произведений, квалифицировав применение «пиратских» копий книг как нарушение исключительных прав. С учетом того, что незаконно использовались около 500 000 произведений, каждый правообладатель получит компенсацию в размере 3 000 долларов США.

Примечательно, что аналогичные идеи — разграничение правомерно и неправомерно полученных произведений — заложены в российский закон об ИИ. Как отмечает В. Калужский, данное дело позволяет сформулировать важные практические выводы: для ИИ-компаний критически важно документирование происхождения данных, поскольку именно разработчику придется доказывать правомерность их получения в случае спора.

Третий блок проблем связан с распределением гражданско-правовой ответственности в случаях, когда сгенерированный ИИ контент нарушает исключительные права третьих лиц. В российской доктрине преобладает позиция, согласно которой субъектом ответственности следует считать фактически использовавшее сгенерированный объект лицо, а не разработчика или владельца системы. Данный подход основан на традиционном понимании деликтной ответственности, однако он не учитывает специфику распределения контроля над процессом генерации между пользователем и провайдером.

Как отмечают А. А. Карцхия и В. И. Родионов, при использовании нейросети в предпринимательских целях представляется обоснованным установление строгой ответственности пользователя, тогда как ответственность провайдера может быть ограничена случаями виновного нарушения. Вместе с тем предъявление регрессных требований к провайдеру может быть ограничено условиями пользовательских соглашений, что создает дисбаланс в защите интересов добросовестных пользователей. [2, с. 64–75]

Судебная практика демонстрирует формирование дифференцированного подхода к оценке нарушений. В деле о защите прав на сгенерированные карточки товаров Четырнадцатый арбитражный апелляционный суд

и Суд по интеллектуальным правам существенно снизили размер компенсации — с первоначально заявленных 922 500 рублей до 10 000 рублей. Данный подход свидетельствует о стремлении судов учитывать специфику ИИ-генерируемого контента при определении меры ответственности.

Международный опыт демонстрирует значительное разнообразие подходов к регулированию отношений на пересечении авторского права и ИИ. В США судебная практика развивается в направлении признания обучения ИИ «добросовестным использованием» в соответствии со ст. 107 Закона об авторском праве. Министерство юстиции США в 2026 году официально заявило, что «обучение ИИ-моделей на защищенном авторским правом материале, само по себе, не нарушает законы об авторском праве».

В Европейском союзе сохраняется более консервативный подход, основанный на концепции оригинальности как «собственного интеллектуального творчества автора». Как отмечается в доктрине, гармонизированная европейская правовая база, построенная на этой концепции, сталкивается с серьезными вызовами применительно к ИИ-генерируемым результатам. Европейский парламент в марте 2026 года принял резолюцию о авторском праве и генеративном ИИ, в которой обозначил как возможности, так и проблемы, связанные с развитием технологий.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, существующие правовые конструкции, основанные на парадигме человеческого творчества, не в полной мере приспособлены к реалиям генеративных технологий. Концепция авторства как исключительно человеческой прерогативы, будучи теоретически обоснованной, сталкивается с практическими трудностями при определении круга лиц, имеющих право претендовать на охрану объектов, созданных с использованием ИИ. Представляется целесообразным дальнейшее развитие дифференцированного подхода, учитывающего степень

творческого вклада человека и уровень автономности технологической системы.

Во-вторых, российский законодатель избрал модель, близкую к американской доктрине добросовестного использования, закрепив допустимость применения охраняемых произведений для обучения национальных ИИ-моделей при условии правомерного доступа к ним. Данное решение представляет собой обоснованный компромисс, однако требует дальнейшей доктринальной разработки критериев «правомерного получения» и механизмов контроля за соблюдением установленных ограничений.

В-третьих, распределение ответственности за генерацию контента, нарушающего исключительные права, требует более нюансированного подхода, учитывающего специфику взаимодействия между пользователем и провайдером нейросети. Простое возложение ответственности на фактического пользователя не учитывает степень контроля провайдера над процессом генерации и не создает стимулов для разработки эффективных технических решений, предотвращающих нарушения.

В-четвертых, назрела необходимость международной гармонизации регулирования в рассматриваемой сфере. Разнообразие национальных подходов создает правовую неопределенность и затрудняет трансграничный оборот ИИ-генерируемого контента. Разработка общих принципов под эгидой ВОИС могла бы способствовать формированию более предсказуемой и сбалансированной правовой среды.

Таким образом, правовое регулирование отношений на пересечении авторского права и искусственного интеллекта находится на начальном этапе своего формирования. Дальнейшее развитие технологий потребует от законодателя гибкости и готовности к постоянной адаптации правовых механизмов к меняющимся технологическим реалиям, при сохранении фундаментального принципа человеческого авторства как основы авторско-правовой охраны.

Литература:

1. Ермаков А. Е. Правовой режим результатов, созданных при помощи искусственного интеллекта // экономика. Право. Общество. 2025. Т. 10, № 3. С. 45–58.
2. Карцхия А. А., Родионов В. И. Распределение гражданско-правовой ответственности между провайдером и пользователем нейросети при генерации контента, нарушающего исключительное право на произведение // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 4. С. 64–75.
3. Кричевский А. Творцы и купцы // Ведомости. 2026. 12 августа.
4. Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации».
5. Copyright in the Time of Change: Present and Future // Jurist. 2026. № 03. P. 2–12.

Особенности уголовной ответственности за мошенничество по законодательству СССР

Анохина Мария Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Тулиглович Максим Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Хабаровск)

В статье рассматривается ретроспектива становления норм института привлечения к уголовной ответственности за совершение мошеннических действий в период становления советского государства, а также особенности уголовной ответственности за совершение мошенничества в Советском Союзе.

Ключевые слова: право, уголовное право, мошенничество, уголовная ответственность, советское уголовное право.

Features of criminal liability for fraud under USSR legislation

Anokhina Maria Vladimirovna, master's degree student

Scientific advisor: Tuliglovich Maksim Anatolyevich, candidate of law, associate professor
Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Khabarovsk)

This article examines the development of criminal liability for fraudulent acts during the early years of the Soviet state, as well as the specifics of criminal liability for fraud in the Soviet Union.

Keywords: law, criminal law, fraud, criminal liability, Soviet criminal law.

В период советской России собственность являлась одним из основных элементов государственной системы, на что прямо ссылается Декрете СНК «Об отмене права частной собственности на городские недвижимости» от 23 ноября 1917 года, где указывается, что вся недвижимость, которая находилась на территории городских поселений является «достоянием всего народа». А в дальнейшем в марте 1918 года Народный комиссариат юстиции РСФСР создал проект Уголовного уложения. Документ опирался на Уголовное уложение 1903 года и декреты, выпущенные после Октябрьской революции (с 25 октября 1917 г.).

Чуть позже, 10 июля 1918 года, вторая глава Конституции РСФСР закрепила переход в государственную собственность ключевых ресурсов: земли, сельхозпредприятий, недр, лесов и банков.

Глава 25 закрепляла в себе нормы статей 269–274, которые определяли основания для наступления уголовной ответственности за совершение мошеннических действий. Дефиницию указанные статьи не содержали, поскольку нормы носили казуистичный характер, однако определяли обман как общий способ совершения указанного состава преступления. Хотя указанные нормы заимствованы из Уголовного уложения 1903 года, проект следующего Уголовного уложения 1918 года остался не реализованным, а сам документ не был опубликован в связи с участием в его разработке левых партий, которые стремились к реставрации прежнего уголовного права, когда, в свою очередь, коммунистическая партия сочла невозможным принятие подобного закона.

21 октября 1919 года был принят Декрет СНК «О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогами и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах», который

ужесточил нормы уголовной ответственности за совершения хищения посредством создания особого Революционного трибунала при Всероссийской чрезвычайной комиссии, что говорили об внимании со стороны государства к указанному социальному аспекту.

Однако сам термин «мошенничество» впервые появился лишь в декрете СНК от 5 мая 1921 года «Об ограничении права по судебным приговорам», не закрепляя при этом в себе самой дефиниции, а позже посредством принятия 1 июня 1921 года СНК и ВЦИК Декрета «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» уголовная ответственность за совершение хищения любым способом ужесточалась и вводились специальные субъекты указанной категории преступлений. В системе наказаний предусматривалась строгая изоляция продолжительностью не менее трёх лет, при установленииотягчающих обстоятельств суд мог назначить высшую меру наказания. Процессуальной особенностью являлось право революционных трибуналов на рассмотрение данных дел в рамках упрощённого судопроизводства и вне установленной очереди.

В 1922 году появилось определение «мошенничество», посредством закрепления его в положениях нормы ст. 187 Уголовного кодекса РСФСР, устанавливая уголовную ответственность за получение корыстной целью имущества или права на имущество посредством злоупотребления доверием или обмана. Само же определение обмана давалось в примечании к ст. 187 УК РСФСР «как сообщение ложных сведений, так и заведомое сокрытие обязательств, сообщение о которых обязательно».

Доктринальное понимание обмана в советском уголовном праве включало обе его основные формы совер-

шения — активную и пассивную. При этом законодатель не давал развернутой дефиниции понятия «злоупотребление доверием». Также важно отметить, что рассматриваемые положения не имели указания на то, что должно быть совещание хищения чужого имущества, в связи с чем можно сделать вывод, что предметом преступления могло выступать и имущество самого виновного, если третьи лица обладали на него определенными правами.

В зависимости от того, кому причинялся ущерб, мошенничество подразделялось на два вида:

- Мошенничество, направленное против интересов частных лиц, нормы которого регулировались положениями ст. 187 УК РСФСР;
- Мошенничество, причинившее убыток государственному или общественному учреждению, нормы которого регулировались положениями ст. 188 УК РСФСР.

В 1926 году принимается новая редакция Уголовного кодекса РСФСР, где была пересмотрена структура уголовно-правовой нормы, регламентирующей ответственность за мошенничество. Простое и тяжкие виды мошенничества были объединены в положениях одной нормы. Подчеркивание приоритета охраны государственной и общественной собственности перед частной продолжает говорить об основных аспектах уголовной политики советских.

В части 1 статьи 169 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года мошенничество трактовалось как злоупотребление доверием либо обман, направленный на приобретение имущества, прав на имущество или иных личных выгод. В дальнейшем норма подверглась ряду изменений: расширение круг предметов преступления и модификация объективной стороны. Новеллой, которая в последующем получила негативную доктринальную оценку, является установление того, что мошенничество может преследовать цель получения любых выгод, а не исключительно имущества или прав на него.

28 октября 1935 года издано Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 52 «О квалификации преступлений, связанных со скупкой облигаций массовых государственных займов по резко пониженным против номинала ценам», содержащее первые рекомендации (судебную практику) высшего судебного органа по квалификации мошенничества. Стоит отметить, что на данном этапе Верховный Суд четко разграничил спекуляцию и мошенничество [1, с. 30].

2 января 1936 года Пленум Верховного Суда СССР издал Постановление № 53 о подделке номеров серий на облигациях госзаймов для обманного получения выигрышей. Это второе разъяснение по квалификации мошенничества.

В п. 2 постановления указано: единичные подделки облигаций (не в виде промывла) является мошенничеством. Также в документе разграничены мошенничество и фальшивомонетничество. Помимо этого, было указано на обязательность применения содержания под стражей за хищение форм социалистической собственности.

После Великой Отечественной войны был издан ряд указов, усиливающих ответственность за хищения. В этих указах мошенничество не выделялось в качестве отдельной формы хищения, в отличие от кражи, разбоя, присвоения и растраты, а относилось к понятию «иное хищение». Указом от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан»¹⁹ было усилено наказание за кражу личной собственности граждан и разбой, а мошенничество, причиняющее ущерб в отношении частных лиц, должно было подлежать ответственности по ч. 1 ст. 169 УК РСФСР 1926 г.

После войны вышли указы об усилении ответственности за хищения. Мошенничество не считалось отдельной формой хищения (как кража, разбой, присвоение и растрата), а относилось к «иному хищению». Указ от 4 июня 1947 года усилил наказание за кражу и разбой, мошенничество против частных лиц квалифицировалось по ч. 1 ст. 169 УК РСФСР 1926 г.

Кроме того, положения Указа от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» вновь повысил санкции за все виды хищения. Однако позже, в 1954 году Верховный Суд СССР изменил свою позицию и указал, что мошеннические действия, причинившие ущерб государственным или общественным учреждениям, или организациям, нужно квалифицировать по ч. 2 ст. 169 УК РСФСР. Таким образом, по мнению высшего судебного органа страны, мошенничество не являлось хищением, и Указ 1947 г. не распространялся на ст. 169 УК РСФСР.

Следующей вехой развития уголовной ответственности за мошенничество в советский период является принятие Уголовного кодекса 1960 года, в котором выделялось два вида мошенничества:

- Мошенничество против социалистической собственности, регламентированное положениями ст. 93;
- Мошенничество против личной собственности граждан, регламентированное положениями ст. 147.

Именно на данном этапе мошенничество как самостоятельный состав преступления окончательно утвердился как преступление против собственности. В новом уголовном законе мошенничество определялось как «завладение» — «завладение государственным или общественным имуществом путем обмана или злоупотребления доверием (мошенничество)» [2, с. 255].

Мошенничество получило квалифицирующие признаки:

- 1) Повторность;
- 2) группа по сговору;
- 3) особо опасный рецидивист;
- 4) крупный ущерб государству/организации/потерпевшему.

Санкции смягчили: за крупный ущерб государству теперь давали 5–15 лет лишения свободы (с конфискацией или без), а не 10–25 лет с обязательной конфискацией (как по Указам 1947 г.).

После принятия УК РСФСР 1960 г. за мошенничеством окончательно закрепились признаки хищения. Ха-

ракторный для мошенничества способ совершения преступления (обман или злоупотребление доверием) на протяжении длительного периода создавал трудности для правоприменительной практики. Правоохранительные органы зачастую интерпретировали мошенничество не как самостоятельный состав преступления, а как способ совершения иных посягательств на собственность. Анализ судебной практики демонстрирует наличие формулировок вроде «кража, совершённая путём мошенничества», которые сегодня однозначно трактуются как кража, реализованная через механизм обмана.

Стоит отметить, что последний раз Верховный Суд СССР дал разъяснения по вопросам квалификации мошенничества в 1989 г. в Постановлении Пленума № 13 «О квалификации некоторых видов преступных посягательств на личное имущество граждан», в котором обратил внимание что если в сделке купли-продажи продавец полагалась дополнительная сумма (сверх суммы сделки), а покупатель заведомо не намеревался исполнить

обязательство, имитируя различными способами выплату этой суммы, то содеянное следовало рассматривать как мошенничество.

Вследствие прекращения существования СССР 26 декабря 1991 года и закрепления в Конституции РФ 1993 года принципа равенства всех форм собственности Федеральным законом РФ от 1 июля 1994 года из Уголовного кодекса РСФСР 1960 года была исключена глава «Преступления против социалистической собственности». В результате статья 93 утратила силу, а статья 147 была изменена: ее нормы стали обеспечивать охрану любой формы собственности [3, с. 23].

Таким образом, положения института наступления уголовной ответственности за совершение мошеннических действий в период советской России претерпели неоднократные изменения, что было вызвано уголовной политикой исторической эпохой. Важным элементом является становления государственной охраны всей собственности как одного из признаков правового государства.

Литература:

1. Клепичский И. А. Собственность и имущество в уголовном праве // Государство и право. 2017. № 5.
2. Пионтковский А. А. Преступления против личности, ее прав. Хозяйственные преступления: Курс советского уголовного права: В 6 т. М., 1971.
3. Чиркин К. В. Уголовная ответственность за мошенничество в советский период // Вестник Московского университета. 2017 № 11.

Цифровые права в системе естественного и позитивного права

Арестова Дарина Игоревна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье исследуется правовая природа цифровых прав в контексте классической дихотомии естественного и позитивного права. Анализируется доктринальная дискуссия о происхождении виртуальных правомочий: выступают ли они органичным продолжением неотчуждаемых благ человека в киберпространстве или являются искусственным конструктом законодателя. С позиций юснатурализма обосновывается, что базовые свободы объективизируются в глобальной сети, требуя защиты человеческого достоинства от влияния технологических корпораций. В рамках позитивистского подхода рассматривается конструирование государством легальных рамок для новых имущественных отношений и оборота данных. Отмечается, что отставание консервативного права от технологической динамики стимулирует конвергенцию двух школ и зарождение алгоритмического права. Сделан вывод о необходимости комплексной регуляторной модели, объединяющей гуманистический вектор и позитивистский инструментарий.

Ключевые слова: цифровые права, естественное право, позитивное право, киберпространство, алгоритмическое право, конвергенция права.

Digital rights within the system of natural and positive law

Arestova Darina Igorevna, master's degree student

North-West Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (St. Petersburg)

The article examines the legal nature of digital rights within the classical dichotomy of natural and positive law. It analyzes the doctrinal debate on whether virtual entitlements act as an organic extension of inalienable human rights in cyberspace or serve as an artificial construct of the legislator. From the perspective of jusnaturalism, fundamental freedoms acquire a new form of objectification in the global network, requiring the protection of human dignity from technological corporations. The positivist approach is viewed

through the state's construction of a legal framework for new property relations and data circulation. The lag of conservative law behind technological dynamics stimulates the convergence of both schools and the emergence of algorithmic law. The author concludes on the necessity of a comprehensive regulatory model integrating the humanistic vector and positivist tools.

Keywords: digital rights, natural law, positive law, cyberspace, algorithmic law, convergence of law.

Развитие информационных технологий и повсеместная цифровизация общественных отношений, как следует подчеркнуть из отдельных суждений С. Ядава, обусловили необходимость концептуального переосмысления фундаментальных правовых категорий [1, с. 299–301]. Проникновение виртуальной среды во все сферы человеческой жизнедеятельности, отмеченное в работе М. В. Клементьевой вне рамок права [2, с. 63], в то же время неизбежно порождает вопрос о природе так называемых «цифровых прав»¹ и их месте в классической дихотомии естественного и позитивного права.

Доктринальная дискуссия, как представляется верным понимать, разворачивается вокруг понимания новых правомочий, задавая обобщенный вопрос: являются ли они органичным продолжением неотчуждаемых благ человека в киберпространстве или представляют собой исключительно искусственный конструкт, созданный волей законодателя для регулирования оборота данных?

Решение данной проблемы в рамках основной цели настоящей статьи требует глубокого теоретико-правового анализа, выходящего за рамки простой констатации появления новых объектов гражданского оборота.

В плоскости естественно-правовой доктрины, исходя из основных тезисов М. Альшарифа и Х. Хнита, виртуальные права рассматриваются сквозь призму базовых человеческих ценностей, получивших свое выражение в новой технологической реальности [3]. Следовательно, фундаментальные свободы, присущие индивиду от рождения, не исчезают при переходе в цифровую плоскость, а лишь приобретают иную форму объективизации, так, например, право на неприкосновенность частной жизни трансформируется в требование защиты персональных данных и выделенную еще в прошлом десятилетии Л. Флориди, концепцию «права быть забытым» [4], свобода слова же, как показало исследование Н. Луччи, перерастает в право на беспрепятственный доступ к глобальной сети и сетевой нейтралитет [5].

На сегодняшний день такие приверженцы юснатурализма, как например, Л. Белли или М. Хильдебрандт, настаивают, что упомянутые выше притязания имеют договорной характер [6; 7]. Государство таким образом не «дарует» человеку право на защиту его цифровой идентичности, а лишь признает объективно существующую потребность в охране человеческого достоинства в условиях алгоритмического общества. Соответственно, сам базис цифровых прав следует рассматривать, как формирующийся за счет естественных потребностей личности в усло-

виях прежде всего сохранении автономии воли при взаимодействии с глобальными информационными системами.

Вместе с тем специфика киберпространства бросает серьезный вызов традиционному пониманию естественных свобод, так, исторически концепция неотчуждаемых прав (в частности, по Роберту Нисбету), формировалась как инструмент защиты индивида от произвола суверена [8, с. 46–47]; в современной же архитектуре информационных систем, как верно следует понимать из материалов В. В. Гончарова и соавторов, главная угроза приватности и автономии исходит чаще всего не от публичной власти, а от транснациональных технологических корпораций [9, с. 203–205].

Указанные выше субъекты устанавливают собственные правила поведения посредством пользовательских соглашений и архитектуры программного кода, фактически формируя квази-правовую систему. В этом моменте возникает парадоксальная ситуация, поскольку базовые свободы нуждаются в защите от негосударственных акторов, чье влияние основывается на контроле над потоками данных. Философского обоснования неотчуждаемости виртуальных свобод, равно как и иных, становится недостаточно для их реального обеспечения, что диктует острую необходимость их интеграции в формально-юридическую плоскость.

С позитивистской точки зрения, в российском законодательстве, согласно работе Н. А. Сваловой и Е. В. Елфимовой, цифровые права приобретают юридическую силу исключительно в момент их официального закрепления в нормативно-правовых актах [10, с. 653–654]. В рамках данного подхода наиболее обоснованным видится понимание того, что виртуальные правомочия конструируются законодателем для упорядочивания новых видов общественных отношений, прежде всего имущественного характера.

Яркой иллюстрацией обозримого вопроса служит имплементация соответствующих норм в гражданское законодательство РФ (статья 141.1 Гражданского кодекса РФ), где цифровые права определяются как «особые обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых регламентируются правилами информационной системы» [15]; позитивное право здесь стремится «облечь» технологические алгоритмы в понятные юридические формы, создавая легальные рамки для оборота:

1. утилитарных цифровых прав,
2. криптовалют,
3. токенов,
4. смарт-контрактов.

¹ В рамках настоящего исследования под цифровыми правами понимается сложная, многоуровневая юридическая конструкция, отражающая процесс адаптации классических правовых институтов к условиям информационной реальности.

Развивая тезис, данный ранее, выходит, что законодатель выступает здесь в роли в некотором смысле архитектора, конструирующего новые объекты гражданских прав исходя из потребностей экономического развития и необходимости обеспечения стабильности оборота.

Анализ процессов позитивации выявляет также существенные противоречия между динамикой технологического развития и консервативной природой права, в виду того, что институционализация новых норм, по мнению Ж. Белик и соавторов, часто запаздывает, оставляя «обширные пробелы в правовом поле» [11, с. 507–510]. Нормативистский подход, опирающийся на строгую иерархию законов и территориальный принцип действия права, как следует подчеркнуть из некоторых суждений Е. И. Клочко и соавторов, сталкивается с экстерриториальным и децентрализованным характером глобальной сети [12, с. 407].

Ввиду изложенного происходит своеобразный возврат к естественно-правовым идеалам, выражаясь иначе, сами суды и международные организации при разрешении коллизий все чаще апеллируют к общим принципам справедливости, разумности и добросовестности, восполняя тем самым недостатки действующего законодательства, как это было, например в деле *Hurbain v. Belgium* (2023), где суд подтвердил «право быть забытым» в отношении старых газетных архивов [16]; подводя промежуточный итог, прослеживается сложный процесс конвергенции, при котором позитивное право вынуждено «черпать» свои смыслы и критерии оценки из «арсенала юснатурализма».

Формирование правового режима киберпространства сопровождается также появлением гибридных форм регулирования, не вписывающихся в классическую парадигму, так, например, на стыке естественных требований справедливости и позитивных государственных предписаний зарождается алгоритмическое право (*lex informatica*), где программный код, исходя из суждений М. В. Мажориной, начинает выполнять функцию правовой нормы [13, с.

109–110]. Архитектура сети таким образом выступает регулятором поведения пользователей, устанавливая границы дозволенного на уровне программных протоколов.

В сложившихся условиях традиционное позитивное право рискует утратить монополию на регулирование общественных отношений, поскольку любому государству приходится искать новые механизмы взаимодействия с технологическим сектором, внедряя концепцию встроенной приватности (*privacy by design*), согласно которой этические и правовые принципы закладываются непосредственно в алгоритмы на стадии разработки программного обеспечения [14].

Обобщая все вышесказанное, взаимодействие двух фундаментальных правовых школ в контексте цифровизации демонстрирует их неразрывную связь и взаимодополняемость.

Естественное право задает гуманистический вектор развития, определяя высшую ценность человеческой личности, ее автономии и приватности в условиях тотальной прозрачности информационного общества.

В свою очередь, позитивное право предоставляет необходимый инструментарий для формализации указанных ценностей, перевода философских максим на язык конкретных субъективных прав, обязанностей и мер юридической ответственности. Гармоничная интеграция цифровых прав в правовую систему возможна лишь при условии преодоления дуализма и создания комплексной регуляторной модели.

Подобная модель, как представляется верным понимать, должна базироваться на признании объективной необходимости защиты человеческого достоинства в виртуальной среде при одновременном конструировании эффективных, гибких и технологически нейтральных позитивных норм, способных адаптироваться к стремительным инновационным изменениям без ущерба для базовых свобод личности.

Литература:

1. Yadav S. Jurisprudence in the digital age: Adapting legal theories to emerging technologies // *Int J Law Justice Jurisprudence*. 2024. № 4 (2). P. 299–305
2. Клементьева М. В. Виртуальная среда как жизненное пространство современного человека // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022. Т. 12. № 5. С. 63–69
3. Alsharif M., Hnit H. Digital human rights: Legal debates and emerging foundations under the international bill of human rights // *Social Sciences & Humanities Open*. 2025. Vol. 12. 102160
4. Floridi L. ‘The Right to be Forgotten’: A Philosophical View // *SSRN Electronic Journal*. 2015.
5. Lucchi N. The Role of Internet Access in Enabling Individual’s Rights and Freedoms // *European University Institute — RSCAS Working Paper*. 2013. № 2013/47
6. Belli L. Network Self-Determination and the Positive Externalities of Community Networks // *SSRN Electronic Journal*. 2021.
7. Hildebrandt M. Algorithmic regulation and the rule of law // *Philos Trans A Math Phys Eng Sci*. 2018. № 376 (2128). P. 20170355
8. Руткевич Е. Д. Социологическая концепция Роберта Нисбета // *Социологический журнал*. 1999. № 1–2. С. 46–62
9. Гончаров В. В., Поярков С. Ю., Савченко М. С. Цифровой конституционализм: эволюция правовых принципов в условиях цифровизации современного общества // *Общество: политика, экономика, право*. 2025. № 8. С. 203–215

10. Свалова Н. А., Елфимова Е. В. Понятие, юридическая природа и особенности гражданского оборота цифровых прав по российскому законодательству // Право и государство: теория и практика. 2025. № 7. С. 653–656
11. Belic J., Canfield M., Griffin R., Lahmann H., Sander B. Human rights in the governance of digital platforms: introduction to the special issue // Transnational Legal Theory. 2025. Vol. 16. № 4. P. 507–518
12. Клочко Е. И., Колпакова Л. Ю., Кулик Ю. А. Соотношение права и цифровых технологий в системе социальной регуляции // Право и управление. 2024. № 2. С. 407–420
13. Мажорина М. В. Киберпространственные подсистемы *lex mercatoria* // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2025. № 3 (127). С. 109–123
14. Kum H. C., Ahalt S. Privacy-by-Design: Understanding Data Access Models for Secondary Data // AMIA Jt Summits Transl Sci Proc. 2013. P. 126–130
15. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025), ст. 141.1 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 26.11.2025).
16. Case of Hurbain v. Belgium (Application no. 57292/16) : Judgment [Grand Chamber] of 4 July 2023 // HUDOC: European Court of Human Rights. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-225814> (дата обращения: 10.02.2025).

Злоупотребление семейными правами при осуществлении корпоративных прав

Арестова Дарина Игоревна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Статья посвящена исследованию проблемы злоупотребления правом, возникающей на стыке семейного и корпоративного законодательства. Анализируются способы, с помощью которых участники семейных отношений используют институты семейного права для неправомерного влияния на корпоративные правоотношения, обхода императивных норм корпоративного законодательства либо причинения ущерба кредиторам. Рассматриваются такие явления, как использование режима общей совместной собственности супругов, брачных договоров, алиментных обязательств и соглашений о разделе имущества для дестабилизации корпоративного управления, блокирования сделок и вывода активов. Предлагаются критерии разграничения добросовестного осуществления прав и злоупотребления ими в указанной сфере, а также формулируются рекомендации по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова: злоупотребление правом, общая совместная собственность супругов, корпоративный контроль, брачный договор.

Нынешняя правовая система России, основанная на принципе дуализма частного права, предполагает дифференциацию правового регулирования имущественных отношений в зависимости от их субъектного состава и цели. При этом на практике происходит постоянное взаимодействие и столкновение норм различных подотраслей, в частности, семейного и корпоративного права. Участники гражданского оборота, стремясь к достижению своих экономических целей, нередко используют юридические конструкции одной отрасли для оказания влияния на отношения в другой. В этом контексте особую актуальность приобретает проблема злоупотребления семейными правами для получения неправомерных преимуществ в сфере корпоративных отношений [3, с. 173].

Общий запрет злоупотребления правом, закрепленный в пункте 1 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации [2], является, в целом, сквозным принципом всего частного права. Как справедливо отмечает в своих исследованиях известный российский цивилист Е. А. Суханов: «злоупотребление правом есть особый

тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволённых конкретных форм в рамках дозволенного ему общего типа поведения» [17, с. 514]. Это определение подчеркивает, что злоупотребление всегда сопряжено с обходом закона, с использованием его формальных предписаний в противоречии с их смыслом и целью.

Применительно к теме настоящего исследования ключевое значение имеет научная работа Я. А. Смирновой, которая указывает, что «злоупотребление правом в корпоративных отношениях часто маскируется под реализацию иных, смежных прав, в том числе вытекающих из семейных, трудовых или иных обязательств» [16, с. 97]. Безусловно, подобное создает значительные сложности для доказывания неправомерности действий участника правоотношений.

Особую роль в развитии правоприменительной практики играет презумпция добросовестности, которая закреплена в пункте 5 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [2]. Данная норма

устанавливает, что участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, и никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Семейный кодекс Российской Федерации (далее — СК РФ) также реализует ограничительную функцию принципа добросовестности, устанавливая, что права граждан в семье могут быть ограничены только на основании федерального закона и что осуществление членами семьи своих прав не должно нарушать права и законные интересы других членов семьи [15]. При этом в семейно-корпоративных спорах, где одно из лиц находится в более выгодном положении (например, единоличный участник общества с ограниченной ответственностью) и действует в условиях уже начавшегося брачного развода или спора о разделе имущества, суды все чаще отказываются от простого применения презумпции добросовестности. Именно в данных ситуациях суд обязан проводить более тщательную проверку целей и мотивов действий, поскольку наличие конфликта интересов само по себе и свидетельствует о снижении уровня добросовестности.

Проблема злоупотребления семейными правами, как подчеркивает О. Е. Захарова, является одной из наиболее сложных для квалификации, ввиду того, что семейные права по своей природе тесно связаны с личностью участника, реализуются в ситуации эмоционального конфликта и нередко пересекаются с публичным интересом защиты детства [6, с. 3]. Семейное законодательство оперирует понятием «охрана прав», что предполагает более широкий, превентивный подход, в то время как гражданское законодательство говорит о «защите прав», акцентируя внимание именно на восстановительных механизмах [4]. Логично, это различие обусловлено самой природой семейных отношений, для которых характерен превентивный характер правового регулирования, направленный на предотвращение нарушений, а не только на их устранение.

Верховный Суд Российской Федерации в своей практике последовательно развивает подход, согласно которому для признания сделки недействительной или действий недобросовестными судам необходимо анализировать не только формальные признаки, но еще и экономическое содержание операции.

Принцип экономической целесообразности становится ключевым критерием для оценки корпоративных решений, влияющих на семейные права [3, с. 173]. В деле № А40–91941/2022 Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ указала, что согласие супруга на увеличение уставного капитала требуется только в случае, если это приведет к неэквивалентному вкладу и уменьшению действительной стоимости доли второго супруга [10]. При оценке целесообразности инвестиций суды стабильно применяют три основных критерия: рост активов общества, соразмерность размера доли и размера вклада, а также наличие реальной экономической цели. Если сделка совершается без очевидной экономической

необходимости и единственной ее целью является уменьшение доли супруга, она может быть расценена как действие в обход закона с противоправной целью, следовательно, является оспоримой.

Практика показывает, что суды все чаще отказываются от формализма и признают недобросовестными действия, направленные исключительно на создание препятствий для реализации прав другого лица. Так, в деле № А12–26592/2022 Верховный Суд РФ квалифицировал изменения в устав общества с ограниченной ответственностью, внесенные единственным участником в период спора о разделе имущества с целью воспрепятствовать вступлению бывшей супруги, как злоупотребление правом по пункту 1 статьи 10 ГК РФ [11]. Суд в решении подчеркнул, что такие действия недопустимы даже если они формально разрешены уставом, поскольку нарушают пределы осуществления гражданских прав и права бывшей супруги на долю, установленные решением суда общей юрисдикции. При этом бывшая супруга, которой судом присуждена доля, вправе оспаривать такие изменения как лицо, чьи права нарушены, несмотря на то, что она еще не являлась участником общества и не была внесена в ЕГРЮЛ, что следует из пункта 5 статьи 181.4 ГК РФ [2].

Одной из наиболее распространенных форм злоупотребления является ситуация, когда доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, принадлежащая одному из супругов, в силу закона (статья 34 СК РФ) [15] является их совместной собственностью. Хотя прямое корпоративное право (право голоса) осуществляется именно участником общества, сделки по распоряжению этой долей (продажа, залог) требуют нотариально удостоверенного согласия второго супруга (пункт 3 статьи 35 СК РФ) [15]. На практике это приводит к злоупотреблениям, когда супруг — не участник, действуя в сговоре с одним из контрагентов или преследуя личные цели, необоснованно отказывает в даче такого согласия. Следует отметить, что это блокирует возможность продажи доли и, в свою очередь, может парализовать деятельность общества, особенно если речь идет о стратегическом инвесторе или необходимости срочного привлечения капитала. Также К. А. Леточная по этому поводу в своем научном труде отмечала, что «согласие супруга, формально являясь актом реализации семейного права, по своей сути может превращаться в инструмент корпоративного шантажа» [8, с. 41]. Суды, как правило, не могут принудить супруга дать такое согласие, так как это является его личным правом.

Как отмечает Н. В. Летова, отсутствие в законе закрепленного правового статуса за такими формами ведения предпринимательской деятельности, как «семейный бизнес» и «семейное предпринимательство», не позволяет точно дифференцировать сделки супругов-предпринимателей, осуществляемые в сфере семейных и гражданских отношений, что не позволяет обеспечить их участникам системную защиту [7, с. 84]. Специфика семейного биз-

неса обусловлена сущностным влиянием юридического факта семейного вида, а именно регистрации брака, связывающего владельцев такого бизнеса между собой. На практике прослеживается некоторое преимущественное доминирование сугубо семейных норм над корпоративными, поскольку законодатель акцентирует внимание на сущностном влиянии юридического факта семейного вида на такие отношения, что наглядно проявляется не столько в момент их возникновения, сколько на период их изменения или дальнейшего прекращения [7, с. 87].

Часто встречающимся веянием в судебной практике Верховного Суда РФ является расширение круга лиц, которые могут обращаться в суд с иском о признании действий (или бездействия) контролирующего супруга злоупотреблением правом. До недавнего времени право на иск в корпоративных спорах было прерогативой самих участников общества. При этом в делах, связанных с разделом имущества и вступлением в состав участников, Верховный Суд РФ сделал важный шаг, позволив лицам, которые еще не имеют статуса участника, но чьи права нарушены, оспаривать корпоративные решения [3, с. 174]. Это нововведение значительно усиливает защитные механизмы для бывших супругов и других лиц, чьи права на долю в бизнесе были установлены решением суда общей юрисдикции.

Верховный Суд РФ также подтвердил, что лица, не являющиеся участниками, вправе оспаривать корпоративные решения, если они воспрепятствовали реализации их прав на участие в обществе, тем самым расширяя традиционное понимание круга лиц, имеющих право на иск по пункту 1 статьи 43 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [18]. Это особенно важно в делах, где устав содержит жесткие ограничения. В деле № А27–615/2021 бывшая жена получила право на 50 % доли, но из-за положения устава, запрещающего переход доли третьим лицам, она обратилась в суд с требованием взыскать действительную стоимость доли [12]. Верховный Суд РФ указал, что в подобной ситуации требование о выплате действительной стоимости доли может быть заявлено без ожидания отказа других участников, если устав прямо запрещает переход доли к третьим лицам.

Важно отметить, что защита интересов общества и других участников также является весомым доводом при квалификации злоупотребления правом. Судебная практика показывает, что корпоративные решения, направленные исключительно на личную выгоду контролирующего участника без учета разумного корпоративного интереса, являются злоупотреблением. В деле № А49–11694/2023 Верховный Суд РФ указал, что решение об увеличении уставного капитала, не имеющее разумного экономического обоснования и направленное преимущественно на изменение соотношения долей участников и перераспределение корпоративного контроля, может быть признано недействительным [13]. В этом контексте, если действия контролирующего супруга направлены на

ущемление прав его бывшей супруги, это автоматически ведет к нарушению интересов общества, так как создает внутренний конфликт и нестабильность.

Следует отметить, брачный договор (статья 40 СК РФ) и соглашение о разделе общего имущества супругов (статья 38 СК РФ) могут быть использованы для искусственного изменения состава участников хозяйственного общества с целью ухода от ответственности перед кредиторами или перераспределения корпоративного контроля [3, с. 175]. На стадии предвидения банкротства компании ее участник-супруг может заключить брачный договор или соглашение о разделе, по которому корпоративные права (или иные ликвидные активы) формально переходят к второму супругу. При этом кредиторы участника, а впоследствии и самого общества, сталкиваются с невозможностью обратиться взыскание на это имущество, поскольку оно юридически принадлежит «добросовестному» супругу. Как отмечают в своих исследованиях М. Н. Калис и С. М. Рожкова, соглашения, вытекающие из семейно-брачных отношений, весьма часто заключаются должниками именно с целью злоупотребления правом, и брачный договор выступает в качестве наиболее распространенной «сделочной» формы для прикрытия шиканозных действий [5, с. 223].

Кроме того, Д. В. Ломакин в своей работе обращает внимание на то, что «суды при рассмотрении споров, вытекающих из таких соглашений, должны подвергать их повышенному судебному контролю на предмет наличия признаков сделок, совершенных с целью противодействия кредиторам (статья 10 ГК РФ)» [9, с. 457]. Встречаются случаи, когда в корпоративном конфликте одна из сторон инициирует взыскание алиментов в твердой денежной сумме с другого участника-супруга. Если последний является ключевым руководителем общества, значительная часть его доходов (включая дивиденды) может быть обращена на уплату алиментов, что создает для него личную финансовую нагрузку и используется как рычаг давления для достижения определенных корпоративных решений.

Как показывают З. А. Ахмедова и М. Г. Гойтиев, в судебной практике злоупотребление семейными правами проявляется в нескольких устойчивых моделях, каждая из которых имеет собственную доказательственную специфику [1, с. 4].

Первая модель связана с манипуляцией правом на общение ребенка с отдельно проживающим родителем и исполнением судебных актов об установлении порядка общения.

Вторая модель связана с алиментными обязательствами и «переупаковкой» семейного спора в финансовый инструмент давления, где встречаются стратегии сокрытия доходов, фиктивного трудоустройства на минимальную заработную плату, вывода активов на аффилированных лиц.

Третья же модель охватывает злоупотребления в имущественных отношениях супругов, когда один из супругов отчуждает совместно нажитое имущество без реального

согласия второго супруга, использует номинальных приобретателей, создает фиктивную задолженность, инициирует мнимые сделки. В подобных спорах статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации становится «контрольной нормой»: даже если сторона ссылается на формально корректную конструкцию сделки, суд оценивает цель и добросовестность поведения, а при доказанности недобросовестности применяет отказ в защите права или иные последствия [1, с. 5].

Доказательственная специфика дел о злоупотреблении семейными правами состоит в том, что предметом оценки часто становится не единичный факт, а поведенческий паттерн, то есть последовательность действий, их повторяемость, согласованность, связь с конфликтом и предсказуемый ущерб интересам [1, с. 6]. Для имущественных споров супругов доказательственный центр тяжести переносится на установление действительной воли сторон сделки, аффилированности контрагентов, экономического смысла операций и момента их совершения в контексте семейного конфликта.

Основная сложность при противодействии рассматриваемым злоупотреблениям заключается в доказывании злого умысла (недобросовестности). Формально все действия совершаются в рамках предоставленных законом прав. Суды, опираясь на позиции Верховного Суда РФ, изложенные в пункте 86 Постановления Пленума № 25, постепенно вырабатывают более жесткий подход [14]. Они учитывают не только формальное соответствие действий закону, но и их цель, и последствия. В частности, если переход корпоративных прав к супругу происходит в период явной финансовой несостоятельности основного участника и при отсутствии разумного встречного предоставления, такая сделка может быть признана недействительной в соответствии со статьями 10 и 168 ГК РФ как совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности.

Нельзя не согласиться с мнением П. Р. Королевой, подчеркивающей, что «в условиях смешения частных интересов в семье и бизнесе бремя доказывания добросовестности должно в определенной мере смещаться на самих участников семейно-корпоративных отношений, особенно когда их действия причиняют вред интересам добросовестных третьих лиц» [6, с. 214].

Проблема злоупотребления семейными правами в корпоративных отношениях создает серьезный вызов для правоприменительной практики. Она демонстрирует, как формально законные действия в одной правовой сфере могут использоваться для деструктивного воздействия в другой. Для эффективного противодействия необходимо консолидация усилий законодателя, судебных органов и научного сообщества.

В качестве мер совершенствования можно предложить закрепление в законе презумпции недобросовестности сделок между супругами, связанных с корпоративными правами, если они совершены в период ухудшения финансового положения участника общества или в условиях корпоративного конфликта. Наряду с этим целесообразно расширение практики применения последствий злоупотребления правом в соответствии со статьей 10 ГК РФ судами, с обязательной оценкой не только формы, но и экономической цели и последствий оспариваемых действий [3, с. 176]. Немаловажное значение имеет и разработка разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, специально посвященных вопросам взаимодействия семейного и корпоративного законодательства, с приведением конкретных критериев злоупотребления.

Резюмируя вышеизложенное, следует признать, что только комплексный, межотраслевой подход позволит обеспечить баланс между неприкосновенностью частной семейной жизни и стабильностью корпоративных отношений, защитой прав кредиторов и добросовестных участников гражданского оборота.

Литература:

1. Ахмедова З. А., Гойтиев М. Г. Злоупотребление семейными правами // Human Progress. 2026. Том 12, Вып. 2. С. 1–10.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Дейко Е. А., Кудрявцева Л. В. Злоупотребление семейными правами при осуществлении корпоративных прав // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 173–178.
4. Захарова О. Е. Злоупотребление в семейном праве // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 172–176.
5. Калис М. Н., Рожкова С. М. Способы защиты прав кредиторов в случае их нарушения в результате заключения брачного договора // Ленинградский юридический журнал. 2023. № 2 (72). С. 222–241.
6. Королева П. Р. Принцип добросовестности в гражданском праве России: проблемы теории и практики // Россия и современный миропорядок: новые вызовы, политико-правовая модернизация и государственный суверенитет: материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции / науч. ред. Н. М. Добрынин. Тюмень: Вектор Бук, 2018. Вып. 14. С. 211–217.
7. Летова Н. В. Проблемы обеспечения защиты прав супругов при осуществлении ими семейного бизнеса (семейного предпринимательства) // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 1. С. 84–90.
8. Леточная К. А. Брачный договор в Российской Федерации: правовая сущность и проблемы применения // Вопросы студенческой науки. 2021. № 1 (53). С. 39–42.

9. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2015. 509 с.
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.08.2023 № 305-ЭС23-8438 по делу № А40-91941/2022 // СПС «Гарант».
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 01.07.2024 № 306-ЭС23-26474 по делу № А12-26592/2022 // СПС «Гарант».
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.03.2023 № 304-ЭС22-20237 по делу № А27-615/2021 // СПС «Гарант».
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.07.2025 № 306-ЭС24-21253 по делу № А49-11694/2023 // СПС «Гарант».
14. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140.
15. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 15.05.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
16. Смирнова Я. А. Злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйственных обществ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 246 с.
17. Суханов Е. А. Гражданское право: учебник в 4 т. Т. 1. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. 624 с.
18. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

Правовая культура и преодоление правового нигилизма в цифровую эпоху: теоретико-правовой и сравнительный анализ

Ачилов Жавохирхужа Азизович, преподаватель
Ташкентский государственный юридический университет (Узбекистан)

В данном тезисе исследуется трансформация правовой культуры и феномена правового нигилизма в условиях цифровизации государственного управления и социальных взаимодействий. Обосновывается концепт «цифрового правового нигилизма», основными катализаторами которого выступают алгоритмическая предвзятость, эффект информационных «эхо-камер» и цифровой разрыв. На основе сравнительного анализа опыта Республики Узбекистан, Эстонии и Германии предлагаются интегративные подходы к повышению институционального доверия посредством внедрения транспарентных и когнитивно доступных цифровых правовых сервисов.

Ключевые слова: правовая культура, правовой нигилизм, цифровизация, электронное правительство, цифровое правосознание, цифровой разрыв, доступ к правосудию.

Введение

В эпоху глобальной цифровой трансформации информационно-коммуникационные технологии вторгаются в сущностное ядро правовой системы, меняя архитектуру взаимодействия государства и общества. [1] Наряду с повышением доступности государственных услуг возникает беспрецедентный вызов — цифровой правовой нигилизм. Этот феномен характеризуется использованием анонимности сети, манипуляцией правовой информацией и алгоритмической предвзятостью для дискредитации правовых институтов и дестабилизации правопорядка.

2. Теоретико-правовые основы трансформации правосознания. Правовой нигилизм традиционно понимается в академической науке как устойчивая форма деформации правосознания, выражающаяся в безразличном

или презрительном отношении к закону и отрицании социальной ценности права. В условиях информационной эпохи данная девиация масштабируется и приобретает новые формы. Молодёжь и активные пользователи интернета формируют свое правосознание в киберпространстве, где деструктивные и маргинальные паттерны многократно усиливаются алгоритмами создания «эхо-камер».

Важнейшим социально-экономическим драйвером современного нигилизма выступает «цифровой разрыв» (digital divide) — нарастающее неравенство в доступе к технологиям и навыкам их использования. В условиях тотальной цифровизации электронных сервисов этот разрыв фактически ограничивает право уязвимых слоев населения на доступ к правосудию, вступая в конфликт с конституционным принципом равенства возможностей. Противовесом данным процессам является формиру-

вание цифровой правовой культуры — интегрированной совокупности правовых ценностей, цифровой грамотности и кибергиены, адаптированных к реалиям виртуальной среды. [2]

3. Сравнительно-правовой анализ преодоления нигилизма. Для нивелирования проявлений цифрового нигилизма современные государства осуществляют переход от парадигмы административного принуждения к концепции проактивных и человекоцентричных правовых сервисов.

Опыт Республики Узбекистан демонстрирует приоритет масштабного институционального правового просвещения в условиях транзитной экономики. Указом Президента Республики Узбекистан № УП-5618 «О коренном совершенствовании системы повышения правосознания и правовой культуры в обществе» от 9 января 2019 г., повышение правовой культуры в обществе признано важнейшей государственной задачей, а координирующим органом определено Министерство юстиции. [3] Фундаментом доступности нормативно-правовых актов в стране стал бесплатный и неограниченный доступ к Национальной базе данных законодательства Lex.uz. Эта стратегия органично дополняется легализацией цифровых доказательств в процессуальном законодательстве [4] и развитием платформ бесплатной адресной правовой помощи (портал Advice.uz), что радикально снижает барьеры для рядовых граждан при защите своих прав.

Опыт Эстонии (экосистема e-Estonia) выстроен на принципах тотальной транспарентности и криптографической защиты данных. Базовым правовым механизмом выступает закрепленный законодательно принцип однократного ввода данных (once-only). Интеграция государственных реестров через децентрализованную систему X-Road и практически стопроцентная цифровизация су-

допроизводства (e-justice) минимизируют административное бремя и исключают почву для бюрократического произвола. Институциональное доверие поддерживается строгими нормами Закона о защите персональных данных (Personal Data Protection Act) и Закона о кибербезопасности. [5]

Опыт Федеративной Республики Германия иллюстрирует сложный процесс преодоления правового скептицизма в условиях жесткого бюрократического федерализма. Закон об онлайн-доступе (Onlinezugangsgesetz — OZG) обязал перевести административные услуги в цифровую плоскость с использованием принципа «Один для всех» (EfA). Особого внимания заслуживает немецкая инновация — обязательный цифровой чек (Digitaltauglichkeit) новых законопроектов, проверяющий их на алгоритмическую пригодность и лёгкость перевода в программный код, а также повсеместная легализация электронных почтовых ящиков адвокатов (beA) в процессуальном праве. [6]

4. Заключение. Проведённый анализ показывает, что цифровой правовой нигилизм является не просто следствием традиционной правовой безграмотности, но закономерной реакцией общества на технологическое неравенство (цифровой разрыв) и непрозрачность алгоритмического принятия решений. Эффективная государственная политика, как подтверждает опыт Узбекистана, Эстонии и Германии, требует не механической оцифровки устаревшей бюрократии, а внедрения принципов правового дизайна (Legal Design), прозрачности государственного программного обеспечения и обеспечения процедурной справедливости в электронном правосудии. Лишь когнитивно доступное, технологически предсказуемое и безопасное право способно трансформировать деструктивный нигилизм в осознанную цифровую правовую культуру общества.

Литература:

1. Сироткин А. А. К вопросу о влиянии цифровизации на состояние правовой культуры российского общества // Евразийская адвокатура. 2023. № 2 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vliyanii-tsifrovizatsii-na-sostoyanie-pravovoy-kultury-rossiyskogo-obschestva>
2. Сисакьян, А. К. Конституционное правосознание — высшая форма правосознания в обществе и государстве // Евразийский юридический журнал. — 2022. — № 12 (175). URL: <https://eurasianlaw-journal.ru/2022g/12-175-2022g.html>
3. Указ Президента Республики Узбекистан от 9 января 2019 г. № УП-5618 «О коренном совершенствовании системы повышения правосознания и правовой культуры в обществе» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (Lex.uz). URL: <https://lex.uz/ru/docs/4149770>
4. Закон Республики Узбекистан от 21 ноября 2024 г. № ЗРУ-1003 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан, направленных на совершенствование системы работы с цифровыми доказательствами» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (Lex.uz). URL: <https://lex.uz/ru/docs/7228823>
5. Digital Justice in Estonia / Cambridge Handbook of AI and Technologies in Courts. — Cambridge University Press, 2024.
6. The Online Access Act (OZG) and digitization of law in Germany // Law Data Journal. — 2023. — Vol. 141. — P. 165–175.

К вопросу о выплате действительной стоимости доли ООО при разделе совместно нажитого имущества супругов

Баркова Алина Николаевна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье автор исследует проблемные аспекты механизма выплаты действительной стоимости доли при разделе имущества между лицами, состоящими в браке, в частности нюансы определения размера такой доли. Представлен обзор существующих в науке предложений по решению указанных проблем и представлена их оценка. Автор обосновывает необходимость введения обязательной процедуры оценки в некоторых ситуациях раздела имущества.

Ключевые слова: стоимость доли, общество с ограниченной ответственностью, раздел имущества, расторжение брака, корпоративные права.

Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью является одним из наиболее сложных объектов раздела совместно нажитого имущества супругов. Согласно ст. 34 Семейного кодекса РФ такое имущество является совместной собственностью независимо от того, на имя кого из супругов оно оформлено [1]. Однако Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» устанавливает специальный режим перехода доли к третьим лицам, требующий, по общему правилу, согласия других участников.

В случае расторжения брака супруг, не занимавшийся ведением бизнеса, сохраняет право на половину имущества, в том числе доли в уставном капитале обществ. Однако, если вступление в ряды участников общества невозможно, супруг может требовать выплаты действительной стоимости доли. Данный правовой механизм имеет некоторые нюансы, анализу которых посвящена данная статья.

Зачастую в литературе выделяют в качестве главной проблемы «занижение действительной стоимости доли в уставном капитале хозяйственного общества» [2, с. 117] и связанные с этим негативные для супруга последствия. Дело в том, что стоимость доли определяется по данным бухгалтерской отчётности, а эти данные не всегда отражают реальное положение дел в обществе.

Недобросовестные участники могут выводить активы, создавать фиктивные долги, занижать стоимость имущества на балансе. В итоге второй супруг получает денежную компенсацию, которая в разы меньше реальной стоимости причитающегося ему имущества. Суды при этом нередко отказывают добросовестным супругам в удовлетворении требований, ссылаясь именно на данные отчётности, которые явно не соответствуют действительности.

Следующим проблемным аспектом является тот факт, что часто при расчетах стоимости не учитывают (намеренно или нет) «goodwill — деловую репутацию компании, которая в некоторых отраслях составляет основную часть ее стоимости» [3, с. 22]. В дополнение к изложенному отметим, что зачастую без специализированной оценки сложно достоверно определить стоимость доли компании, где особо активно используются нематериальные активы — результаты интеллектуальной деятельности.

Еще одним проблемным вопросом, изучаемым в литературе, является то, что «неразрешенным остается вопрос относительно обязательности привлечения независимых оценщиков. Так, оценка доли требуется лишь в случаях, предусмотренных законом. В остальных ситуациях общество вправе самостоятельно рассчитывать стоимость, что провоцирует конфликт интересов» [3, с. 22]. Для решения существующих проблем авторами цитируемой статьи предлагается создать федеральный стандарт оценки, а саму оценку сделать обязательной и следить за тем, чтобы оценщики не оказались аффилированными [3, с. 23].

Оценивая изложенные идеи, на первый взгляд следует безоговорочно согласиться с подобным предложением по обязательности проведения оценки. Однако, по нашему мнению, более юридически правильным и эффективным будет следующий подход, учитывающий нюансы: оценка стоимости доли при разделе имущества должна производиться в обязательном порядке, но с некоторыми изъятиями.

Например, нет необходимости затрачивать административный, финансовый и иной ресурс на проведение оценки стоимости доли в компании, в которой уставный капитал — минимальный, а финансовые и иные операции не осуществляются в течение долгого периода (скажем, год). В целом, по определенным показателям может быть видно, что компания перестала участвовать в хозяйственном обороте, и, если высчитать стоимость доли как определено законодателем и практикой (без оценки), второй супруг не потерпит негативных имущественных последствий.

Также представляется возможным не создавать исчерпывающий перечень, а лишь наметить в законе общие критерии, при наличии которых оценка не производится. Например, общество одновременно не ведет хозяйственную деятельность и не имеет долей в других обществах. Итак, мы предлагаем сформулировать перечень случаев, когда оценка проводится не должна (этому вопросу представляется необходимым посвятить отдельную статью или более объемную работу), но по общему правилу сделать её обязательной.

Стоит отметить, что порой (и чаще всего) выплата стоимости становится единственно возможным вари-

антом развития событий: участники возражают против вступления в их ряды нового (второго супруга). В одном из дел «суд уже признал за женой право на 50 % доли, а бывший муж внёс правки в устав во время незавершённого спора исключительно для блокировки её входа, что является злоупотреблением» [4, с. 48]. Таким образом, важно помнить, что необходимо оценивать действия супруга во время раздела имущества и перед ним и помнить о том, что выплата стоимости может оказаться не единственной возможностью.

Подведем итог вышеизложенному. Было обращено внимание на такие проблемные аспекты, как искусственное

занижение стоимости долей при разделе имущества супругов, а также на сложность расчета ввиду наличия множества факторов, влияющих на стоимость и не всегда учитываемых (деловая репутация общества). Предложено ввести обязательную процедуру оценки стоимости доли ООО при разделе имущества, но с разработкой перечня ситуаций, когда оценка проводится не должна, или разработкой нескольких критериев, и при наличии всех из них оценка не производится. Такое решение будет способствовать защите прав и интересов второго супруга и в то же время не нанесет ущерба корпоративным правам других участников общества.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Низамова, Е. А. Отступление от равенства долей при разделе общего имущества супругов: к вопросу об эффективности нововведений / Е. А. Низамова. — Текст: непосредственный // Правосудие. — 2025. — № Т. 7. — № 4. — С. 110–121.
3. Ершова, Ю. В. Об оценке действительной стоимости доли при выходе участника из состава участников ООО / Ю. В. Ершова, А. Ю. Лапшина. — Текст: непосредственный // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени МК Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science». — 2025. — № 3. — С. 20–25.
4. Шевченко, Е. С. Правовая судьба доли участника общества с ограниченной ответственностью при расторжении брака / Е. С. Шевченко. — Текст: непосредственный // Юридическая наука и практика. — 2026. — № 2. — С. 45–49.

Порядок исполнения наказания в виде штрафа

Бдиев Радик Мансурович, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В настоящей статье рассматривается порядок исполнения наказания в виде штрафа. Делается вывод о том, что исполнение штрафа предполагает возможность эффективного механизма уплаты штрафа, что в обязательном порядке должно предполагать соответствие норм уголовного, уголовно-исполнительного законодательства, а также исполнительного, представленного Федеральным законом «Об исполнительном производстве».

Ключевые слова: уголовное право, штраф, наказание, уголовная ответственность, исполнение наказания, уголовно-исполнительное право.

Исполнение наказания в виде штрафа можно определить как установленный законом порядок реализации осужденным назначенного наказания в виде штрафа. Особенности регулирования порядка исполнения штрафа, назначенного в качестве наказания за совершение преступления, вызваны необходимостью совмещения задач и целей исполнительного производства с целями и задачами назначения и исполнения уголовного наказания. В соответствии со ст. 31 УИК РФ штраф должен быть уплачен осужденным в 60-дневный срок со дня вступления приговора суда в законную силу. Осужденный к штрафу с рассрочкой выплаты обязан в течение 60 дней со дня вступления приговора или решения суда в законную силу уплатить первую часть штрафа.

Оставшиеся части штрафа осужденный обязан уплачивать ежемесячно не позднее последнего дня каждого последующего месяца.

Следует отметить, что в УПК РФ, в части 2 ст.398 законодателем применяется термин «отсрочка уплаты штрафа». Отсюда может возникнуть закономерный вопрос, почему же в уголовном законе отсутствует упоминание о возможности отсрочки уплаты штрафа. В первую очередь, необходимо разобраться с содержанием этих терминов. Отсрочка штрафа представляет собой перенос даты его выплаты на более поздний срок, а рассрочка — выплату штрафа по частям, в то время как основанием для применения отсрочки и рассрочки штрафа является отсутствие у лица необходимых денежных средств. В то же время важно по-

нимать, что в уголовном законодательстве отсутствие возможности отсрочки штрафа весьма оправдано. Дело в том, что УК РФ регулирует вопросы назначения наказания, в то время как отсрочка уплаты штрафа разрешается судом лишь в рамках стадии исполнения приговора. В частности, необходимо упомянуть апелляционное постановление Свердловского районного суда г. Красноярска. В апелляционном представлении прокурор справедливо замечает, что судом первой инстанции применена отсрочка приговора по правилам ч.3 ст.46 УК РФ, при этом указанная норма не предусматривает такой возможности. Суд удовлетворил представление прокурора, изменив назначенное наказание, исключив из обвинительного приговора формулировку об отсрочки уплаты штрафа [3].

Порядок отсрочки штрафа указывается законодателем в ч.3 ст.398 УПК РФ. Следует отметить, анализ судебной практики показывает, что наиболее распространенным является ходатайство осужденного об отсрочке наказания. При этом, в большинстве случаев суды отказывают в удовлетворении заявленного ходатайства [1; 4].

В. С. Минской предлагается видоизменить порядок исполнения наказания в виде штрафа, дополнив уголовно-исполнительное законодательство положением, согласно которому предусматривается возможность принудительного взыскания штрафа, назначенного в качестве основного наказания. Как указывает автор, такое решение сократит масштабы злостного уклонения от уплаты штрафа, а в перспективе и исключит его, фактически обеспечивая неотвратимость уголовной ответственности на всех этапах ее реализации [7, С. 80]. Нами не разделяется предлагаемое изменение в уголовно-исполнительное законодательство. Первое, в рассматриваемом механизме автор совершенно не конкретизирует, что в таком случае будет с институтом злостного уклонения от уплаты штрафа до его полного исключения в перспективе, как принудительное взыскание штрафа буде соотносится с последствиями уклонения, предусмотренными ч.5 ст.46 УК РФ. Второе, сокращение и последующее исключение замены штрафа иным видом наказания, на наш взгляд, исключает возможность карательного эффекта для осужденных, уклоняющихся от уплаты штрафа в качестве основного вида наказания. Мы считаем, что действующий механизм негативных правовых последствий злостного уклонения от уплаты штрафа достаточно подробно регламентирован и эффективен, в частности, в виду различных правовых последствий в зависимости от того, в качестве основного или дополнительного наказания назначен штраф.

Общим при рассмотрении вопроса назначения и исполнения штрафа является возможность рассрочки уплаты штрафа. В действующем законодательстве максимальный срок рассрочки предполагает пять лет. Рассрочку уголовного штрафа можно определить как право суда при решении вопросов назначения и исполнения наказания предоставить подсудимому (осужденному) возможность вносить деньги поэтапно, твердыми суммами, в счет погашения размера наказания. Рассматриваемое право гаран-

тируется как уголовным (в части назначения наказания), так и уголовно-исполнительным (исполнение наказания в виде штрафа). Ранее редакция уголовного закона до декабря 2011 года содержала указание на возможность рассрочки штрафа сроком до трех лет, Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420 ФЗ данный срок увеличен до пяти лет [9]. Однако пояснительная записка к соответствующему законопроекту, к сожалению, никак не разъясняет причины такого решения [5]. На наш взгляд, это связано с предоставлением подсудимому (осужденному) с учетом его имущественного положения увеличить срок рассрочки, тем самым, уплачивать ежемесячно (по ч.3 ст.31 УИК РФ первый срок уплаты — 60 дней) меньшую сумму штрафа. Например, в апелляционном постановлении Ростовского областного суда указывается, что подсудимому было назначено наказание в виде штрафа в размере 200000 рублей с рассрочкой на пять лет (ежемесячная выплата составляет 3333 рубля) [2]. В случае, если бы максимальный срок рассрочки составлял три года, по данному приговору ежемесячная выплата штрафа составляла бы 5555 рублей. В целом, следует признать, что решение законодателя увеличить срок рассрочки штрафа до пяти лет является верным шагом с точки зрения учета имущественного положения осужденного. Однако в судебной практике встречаются и случаи злоупотребления данным правом суда при вынесении обвинительных приговоров. Одним из таких является приговор Агаповского районного суда, в котором указано, что Бахорина была осуждена по ч.1 ст.238 УК РФ, ей было назначено наказание в виде штрафа в размере 5000 рублей, однако суд назначил рассрочку штрафа сроком на пять лет [8]. В таком случае ежемесячный платеж будет составлять 83 рубля. Как мы считаем, рассрочка штрафа на пять лет, при минимальном размере штрафа, предусмотренным общими положениями о штрафе (ч.2 ст.46 УК РФ) крайне нецелесообразно.

В. Н. Кузневой указывается, что правильное применение способа расчета суммы штрафа, с учетом конкретных обстоятельств дела будет способствовать не только соблюдению принципа законности и индивидуализации наказания, но и достижению целей наказания. При этом она предлагает дополнить ч.3 ст.46 УК РФ положением, что способ расчета штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения осужденного и его семьи [6, С. 220]. На наш взгляд, внесение подобных изменений является крайне эффективным шагом, в особенности для судебной системы, позволяя судам более в случае, когда санкция статьи предусматривает возможность выбора способа исчисления штрафа, применять наиболее эффективный способ, с учетом имущественного положения подсудимого.

Таким образом, исполнение штрафа предполагает возможность эффективного механизма уплаты штрафа, что в обязательном порядке должно предполагать соответствие норм уголовного, уголовно-исполнительного законодательства, а также исполнительного, представленного Федеральным законом «Об исполнительном производстве».

Литература:

1. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Хакасия № 22–15/2019 22–1625/2018 от 15 января 2019 г. по делу № 22–15/2019. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wEAgjpfvqslF/> (дата обращения: 19.09.2026).
2. Апелляционное постановление Ростовского областного суда № 22–3582/2020 от 3 августа 2020 г. по делу № 4/17–29/2020. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jtMTWrE6ux64/> (дата обращения: 19.09.2026).
3. Апелляционное постановление Свердловского районного суда г. Красноярск № 10–25/2020 от 27 июля 2020 г. по делу № 10–25/2020. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/J5nKVzs3CDJO/> (дата обращения: 19.09.2026).
4. Апелляционное постановление Смоленского областного суда № 22–1345/2020 от 24 августа 2020 г. по делу № 4/9–1/2020. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/i6uejVA1TAUP/> (дата обращения: 19.09.2026).
5. Законопроект № 559740–5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». — Текст: электронный // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/559740-5> (дата обращения: 19.09.2026).
6. Кузнецова, В. Н. К вопросу о назначении наказания в виде штрафа / В. Н. Кузнецова // Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России — 2023. — С. 218–220.
7. Минская, В. С. Уголовное и уголовно-исполнительное законодательство о штрафе нуждается в совершенствовании / В. С. Минская // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2015. — № 1 (45). — С. 79–82.
8. Приговор Агаповского районного суда № 1–61/2016 от 18 апреля 2016 г. по делу № 1–61/2016. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/s9nHGwbT7zLx/> (дата обращения: 19.09.2026).
9. Федеральный закон от 07.12.2011 N 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. — 2011. — 9 декабря; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2016.

Актуальные проблемы законодательного регулирования права на труд беременных женщин

Брютова Валентина Николаевна, студент магистратуры

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Барнаул)

«Беременность — это не болезнь, а особое состояние, требующее повышенной социальной защиты». Именно эта посылка должна лежать в основе правового регулирования труда беременных женщин, однако действующее российское законодательство не всегда последовательно ее реализует.

Действующее законодательство сформировало систему специальных гарантий, ядром которой являются статьи 254, 259 и 261 Трудового кодекса РФ. Однако правоприменительная практика выявляет структурные дефекты: механизм перевода на легкий труд лишен объективных медицинских критериев и возлагает финансовое бремя исключительно на работодателя, что порождает дискриминацию женщин фертильного возраста, защита в сфере нестандартной занятости (дистанционная работа, работа по срочным договорам) фрагментарна, механизмы реализации прав слабы, а скрытая дискриминация не имеет эффективных средств выявления и защиты.

Актуальность темы статьи обусловлена важностью обеспечения эффективной правовой регламентации положения беременных женщин в трудовых отношениях, поскольку такая регламентация направлена, прежде всего, на защиту жизни и здоровья, как матери, так и ее будущего ребенка. Указанное обстоятельство, особенно с учетом сложившейся на сегодня демографической ситуации в стране, относится к одной из важнейших государственных обязанностей.

Законодательство России в текущем году активно укрепляет позиции беременных женщин в трудовых отношениях, вводя новые механизмы защиты и цифровые инструменты для контроля соблюдения прав (к примеру, Онлайнинспекция.рф) Но несмотря на все это, 27 % обращений в трудовые инспекции связаны с нарушениями в отношении будущих мам. 2026 год активно движется к завершению, осталось несколько месяцев, а по России

уже порядка 58 тысяч обращений в трудовую инспекцию, что на 15 % больше, чем в 2025 году. Основной причиной обращений является отказ в переводе на легкий труд.

Говоря о приведенных статистических данных, можно сказать о том, что граждане осведомлены о возможности защиты своих трудовых прав.

Правовое регулирование труда беременных женщин имеет свои особенности, которые предусматривают определенный перечень гарантий. В литературе говорится, что труд беременных женщин должен быть легким. Необходимо разобраться, что означает легкий труд в отношении беременных женщин? Беременные женщины прежде всего должны выполнять свою работу с учетом рекомендаций врачей. Работодателю предоставляется заявление от сотрудницы вместе с медицинским заключением, после чего обязан снизить ей норму выработки либо перевести на более легкую и безопасную работу с сохранением среднего заработка по прежней должности (ст. 254 ТК РФ). Снижать норму выработки нужно в среднем на 40 % от постоянной нормы.

Если подходящая вакансия, которая могла бы исключить воздействие неблагоприятных производственных факторов, работодатель должен освободить беременную от работы, и все равно работодатель обязан выплачивать средний заработок. Беременную нельзя заставлять работать сверхурочно, в ночные смены, в выходные и праздники, даже если беременная согласна, так делать все равно нельзя (ст. 259, 298 ТК РФ). Работодатель обязан установить неполное рабочее время по просьбе беременной на удобный для нее срок.

Мое мнение следующее: основной проблемой в данном случае служит несогласие работодателя с данными нормами законодательства. Беременная в свою очередь, не станет обращаться с жалобой в трудовую инспекцию, по двум основным причинам:

- юридическая неграмотность большинства населения;
- боязнь потерять свое рабочее место, так как найти новое, будучи беременной, практически невозможно.

Если рассмотреть вопрос ухода в отпуск беременной женщиной, который не связан с отпуском по беременности и родам, то перед отпуском по беременности и родам можно взять ежегодный оплачиваемый отпуск не по графику и независимо от стажа работы у работодателя, то есть даже если прошло менее шести месяцев с момента приема на работу (ст. 260 ТК РФ). Однако ежегодный оплачиваемый отпуск авансом за еще не наступивший рабочий год работодатель предоставлять не обязан. Также работодатель не вправе отозвать из отпуска или заменить дополнительный отпуск денежной компенсацией (ст. 125, 126 ТК РФ). Встречаются случаи отказа в предоставлении отпуска работницам, проработавшим менее года. И отказ работодатель мотивируем именно тем, что право на ежегодный оплачиваемый отпуск еще не возникло, однако данный отказ является нарушением.

Беременным женщинам необходимо регулярно посещать врача. Оплачивается ли это время? Беременная

может в рабочее время проходить диспансерное обследование и посещать врачей. Если работодатель заставляет женщину использовать для этого отпуск или брать выходной за свой счет, эти действия незаконны. В соответствии со ст. 254 ТК РФ в этом случае за беременной женщиной сохраняется средний заработок. В реальности часто встречаются случаи отказа работодателя в предоставлении работнику времени, необходимого для прохождения диспансерного обследования и оплаты данного времени, что безусловно является грубым нарушением прав беременной работницы.

Напоследок рассмотрим такой пример: с женщиной заключен срочный договор и здесь она вдруг узнала, что ждет ребенка. Что же делается в данном случае? Работодатель обязан продлить срочный трудовой договор до окончания беременности или отпуска по беременности и родам, если отпуск был предоставлен (ст. 261 ТК РФ). Сотрудница предоставляет заявление и медицинскую справку, подтверждающую наличие беременности [4].

Если беременная принята на время отсутствия другого сотрудника, который вышел на работу, ее можно уволить. Но уволить можно лишь в том случае, если ее нельзя перевести на другую работу до окончания беременности, при этом предлагать вакансии обязательно. Если этого работодатель не сделал, данное увольнение будет признано судом незаконным. Вторым по распространенности нарушением является отказ от продления срочного трудового договора по заявлению беременной женщины в случае истечения срока [7, с. 144]. Работодатель, как правило, скрывает от беременной информацию о ее правах, да и сами беременные, как правило, не знают свои права, либо работодатель препятствует подаче письменного заявления.

Можно ли отказать беременной женщине в приеме на работу и устанавливать испытательный срок? Запрещено отказывать женщине в приеме на работу из-за беременности или наличия детей (ч. 3 ст. 64 ТК РФ). Отказ данного рода — дискриминация, и суд признает такой отказ незаконным. За данный отказ руководство компании может понести ответственность по ст. 145 УК РФ. Компания в праве отказать беременной женщине по причине несоответствия ее деловых качеств требованиям должности, либо в случае небезопасных условий труда. И как правило, работодатели отказывают в приеме на работу именно по этой причине. И как правило, на подобного рода отказ беременная не обратится с жалобой в трудовую инспекцию.

Обратим внимание на ч. 3 ст. 19 Конституции РФ [1], зафиксировавшей паритет гендерных прав, а также на положения Национальной стратегии действий в интересах женщин, предусмотренная на 2023–2030 годы [5], акцентирующей внимание на аспекте желания женщин развивать свой образовательный и карьерный потенциал, не в ущерб семейным отношениям. В свою очередь, обращаясь к трудовому законодательству РФ, прежде всего, сделаем акцент на коррелирующем с изложенным выше

абзац 3 ст. 2 ТК РФ [2] о неприемлемости трудовой дискриминации.

Отметим также, что ТК РФ предусмотрены разнообразные гарантии и преференции, которые, в целях упорядочивания предоставляемых законодательными положениями трудовых гарантий, зафиксированных ТК РФ, представляется логичным, разделить на две основные широкие категории:

- положения, связанные с режимом труда и отпуска предусмотренных для беременных, например, продолжительность труда, вопросы, связанные с более легким трудом, внеочередные отпуска и т. п.;

- положения, связанные с вопросами охраны прав работниц в период их беременности при возникновении, расторжении либо изменении договорных отношений.

Нельзя не отметить, что на основе действующих законодательных положений, сложившаяся в рассматриваемой сфере отношений современная судебная практика, также стоит на страже защиты трудовых прав беременных женщин. Так, проведенный анализ даже небольшого числа судебных споров, говорит о том, что в подавляющем большинстве, судьи склонны удовлетворить интересы женщины «в положении», даже не придавая значение тому, что работодатель был проинформирован о беременности несвоевременно, что, согласно п. 25 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 [6] никак не снимает с него всей полноты бремени предусмотренной законом ответственности.

Вместе с этим, действующее законодательство не лишено некоторых изъянов. Дело здесь в том, что в ТК РФ

прописаны права беременных, но не оговорено, когда о них необходимо заявить. Теоретически, можно вообще умолчать об интересном положении, пока на 30-й неделе (при многоплодной беременности — на 28-й) женщине не выпишут больничный лист. Следовательно, на основе ч. 9 ст. 394 ТК РФ беременная вправе на компенсацию морального вреда, возникшего, если работодатель нарушил закон, а также, не исключена ответственность, согласно по ст. 5.27 КоАП РФ и ст. 145 УК РФ, в случае незаконного увольнения беременной.

Несмотря на имеющиеся проблемы правовой регламентации, подчеркнем, что в целом отечественное трудовое законодательство соответствует современным реалиям, оно закрепляет гендерный паритет в области трудовых отношений, регламентируя их с учетом специфики женского организма. В данном случае применяется льготный режим труда и различные дополнительные преференции беременным, которые могут использовать гораздо больший потенциал своих прав, относительно остальных групп работников.

Вместе с этим, указанные выше аспекты, правовой регламентации трудовых прав, рассматриваемой групп работниц, лишь малая часть имеющихся проблем, в то же время, представляется возможным обратить внимание на достаточно серьезный подход законодателя к вопросам соблюдения трудовых прав размариваемой категории работниц, однако, имеющиеся законодательные недоработки, не позволяют констатировать наличие надлежащего уровня обеспечения их защиты, что требует продолжения работы по совершенствованию трудового законодательства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. 04.10.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2014 — № 31 — Ст. 4398;
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. От 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002 — № 1 (ч. 1). — Ст. 3;
3. Конвенция № 156 МОТ «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями». Принята в г. Женеве 23.06.1981 на 67-й сессии Генеральной конференции МОТ // Бюллетень международных договоров. — 2004 — № 10 — С. 11–15;
4. Конвенция № 111 МОТ «Относительно дискриминации в области труда и занятий». Принята в г. Женеве 25.06.1958 на 42-й сессии Генеральной конференции МОТ // Ведомости ВС СССР. — 1961 — № 44 — Ст. 448;
5. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. — 2023 — № 1 (часть III). — Ст. 477;
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2014 — № 4;
7. Азарова Е. Г., Моцная О. В. Труд и социальное обеспечение женщин: актуальные проблемы правового регулирования // Журнал российского права. — 2023 — № 12 — С. 141–160;
8. По данным Роструда [Электронный ресурс]. <https://rostrud.gov.ru/> (дата обращения 09.05.2025).

Актуальные проблемы финансового и налогового контроля в государственном управлении

Варварычев Андрей Алексеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Корчма Ая Абильтмановна, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье рассматриваются понятие и актуальные проблемы, связанные с финансовым и налоговым контролем в государственном управлении на современном этапе, которые имеют значительное влияние на экономику страны. Решение рассмотренных в статье проблем, позволит наладить работу в системе финансового и налогового контроля. Актуальность темы данной статьи состоит в рассмотрении неразрешенных проблем на современном этапе в системе финансового и налогового контроля. Вот несколько таких проблем для примера: отсутствие единой системы и нормативно-правовой базы для проведения проверок, низкий уровень налоговой культуры у населения, так как большинство населения стараются избежать уплаты налогов.

Для устранения приведённых в статье проблем, необходимы разработка рекомендации по улучшению информационного обеспечения, усовершенствованию интеллектуальных и информационных систем, и обучение квалифицированных специалистов в данных отраслях.

Ключевые слова: финансы, финансовый контроль, налоговый контроль, государственный контроль, муниципальный контроль, государственный финансовый контроль.

На сегодняшний день невозможно построение надёжного механизма государственного управления без чётко выстроенной системы финансового и налогового контроля (надзора). Контроль и надзор являются ключевыми аспектами, которые неотделимы от функционирования государственных органов. Они играют ключевую роль в структуре государственного управления.

Контроль (надзор) в государственном управлении представляют собой ключевые аспекты, привязанные к функционированию государственных органов. Контроль обеспечивают проверку соответствия действий государственных органов законодательно установленным нормам и стандартам. В свою очередь надзор отвечает за обеспечение исполнения установленных полномочий в рамках законодательства.

Контроль представляет собой процесс наблюдения, проверки и оценки деятельности, задач или процессов с целью обеспечения их соответствия установленным стандартам, планам или целям. Он является одной из основных функций системы управления.

Надзор представляет собой форму деятельности государственных органов по обеспечению законности. Предмет надзора представляет собой исполнение установленных Конституцией, ФКЗ, ФЗ, НПА общеобязательных правил поведения.

Финансы — это денежные экономические отношения, при распределении и накоплении денежных средств государством, хозяйствующими субъектами и другими, для удовлетворения социальных нужд, распределения общественного продукта и удовлетворения потребностей населения.

В финансовой науке и теории налогообложения существуют различные подходы, которые отражают мнения учёных на сущность финансов и природу налогов. Основные это: финансовый и налоговый подходы.

Финансовый подход составляют:

– Распределительная концепция. Сторонники — В. М. Родионова, Л. А. Дробозина, С. И. Лушин и другие. Они, связывают возникновение и функционирование финансов со стадией распределения, не отрицая взаимозависимости последней и процессов производства, обмена и потребления.

– Воспроизводственная концепция. В рамках этой концепции финансы рассматриваются как категория, связанная со всеми стадиями общественного производства, в том числе обменом. Представители — Д. С. Моляков, Е. И. Шохин, Н. Г. Сычёв.

Подход А. М. Ковалевой. В учебном пособии «Финансы» (1999 г.) и совместно с М. Г. Капуста и Л. Г. Скамай в учебнике «Финансы фирмы» (2000 г.) финансы были определены как совокупность денежных отношений, организованных государством, в процессе которых осуществляется формирование и использование общегосударственных фондов денежных средств для осуществления экономических, социальных и политических задач. По Т. М. Ковалевой сущность финансов как экономической категории, заключается в трёх функциях: образование частных хозяйственных и государственных денежных доходов, использование этих доходов представляют контрольную функцию.

– С. В. Барулин отмечает, что основа финансов — направленное движение денежных потоков: их образование и использование. Это движение финансовых ресурсов составляет основу финансов.

Формирование государственных и муниципальных финансов на основе определённых принципов: законодательное разграничение полномочий между органами власти всех уровней по формированию доходов и расходов бюджетов, обеспечение органов власти необходимыми финансовыми ресурсами для выполнения их

функций, вертикальное и горизонтальное выравнивание доходов всех звеньев бюджетной системы, самостоятельность в определении направлений использования финансовых ресурсов, подконтрольность исполнения бюджета соответствующему органу власти.

Бюджетное планирование как инструмент управления бюджетной системой и межбюджетными отношениями при составлении бюджетов на основе принципов и методов, исходящих из бюджетной политики государства. В работах Т. М. Ковалевой и С. В. Барулина указывается, например, вариантный метод бюджетного планирования, который предполагает разработку бюджета в двух вариантах для защиты от изменения конъюнктуры рынка, и метод резервирования, способствующий снижению бюджетных рисков за счёт сосредоточения бюджетных средств в различных фондах.

Налоговый подход:

Классическая теория. Основоположники — А. Смит, Д. Рикардо. Налоги рассматриваются как один из видов государственных доходов, которые должны покрывать «расходы на общественную оборону и на поддержание достоинства верховной власти». При этом какая-либо другая роль (например, регулирования экономики) налогам не отводится, а пошлины и сборы не рассматриваются в качестве налогов.

Теория единого налога. В основе — мысль, что налоги уплачиваются из единого источника — доходов. Поэтому единый налог видится теоретически более целесообразным, простым и рациональным, чем взимание множества отдельных налогов.

Теория пропорционального налогообложения. Базируется на ослаблении налогового нажима по мере увеличения объекта налогообложения (налогооблагаемые суммы).

Теории прогрессивного налогообложения. Основаны на усилении налоговой нагрузки по мере роста доходов и имущественного состояния плательщика.

Теория переложения налогов. Изучает справедливость распределения налогового бремени в зависимости от форм налогообложения, эластичности спроса и предложения. Исследование ведётся по источникам доходов и по категориям плательщиков.

Д. Г. Черника считает, что «изъятие государством в свою пользу определённой части валового внутреннего продукта в виде обязательного взноса и составляет сущность налога».

По мнению В. М. Родионовой, «экономическая сущность налогов характеризуется денежными отношениями, складывающимися у государства с юридическими и физическими лицами».

А. В. Брызгалина под финансово-экономической сущностью налогообложения понимает «прямое изъятие государством определённой части валового внутреннего продукта в свою пользу для формирования централизованных финансовых ресурсов (бюджета)».

А вот ещё один видный научный деятель, И. А. Майбунова характеризует систему налогообложения не с по-

зиций условий налогообложения (процессного подхода), а путём выделения элементов (подсистем), имеющих наиболее значимые функциональные взаимосвязи.

На сегодняшний день финансовый и налоговый контроль нужны для осуществления государственной финансовой политики. Основными задачами государственного финансового контроля в России является:

- Проверка выполнения финансовых обязательств между государством и его органами и гражданским населением.
- Проверка правильности и законности совершения финансовых операций, расчётов и хранения денежных средств.
- Устранение нарушений в финансовой дисциплине.

Финансовым контролем занимаются следующие органы:

1. Федеральное собрание (Государственная Дума и Совет Федерации)
2. Президент РФ
3. Счётная палата РФ
4. Центральный Банк РФ
5. ФНС России
6. ФТС России
7. Росфинмониторинг
8. Федеральное казначейство и др.

На сегодняшний день можно выделить следующие актуальные проблемы касательно финансового контроля — это:

1. Отсутствие единой законодательной базы, это приводит к проблемам в проведении контрольно-ревизионных действий, и затрудняет выявление недостатков, так как каждый орган в основном работает на основе своих внутренних законодательных актов.
2. Отсутствие единого реестра ревизионных мероприятий, это снижает эффективность в сфере обнаружения правонарушений в бюджетной сфере, так как постоянно проверяются одни и те же объекты.
3. Недостаток кадров с ИТ-образованием и знаниями, так как сейчас повсеместно внедряются цифровые (информационные) технологии.
4. Дороговизна внедрения информационных технологий, закупка оборудования, разработка программного обеспечения и поддержка цифровых систем требует значительных финансовых ресурсов.
5. Законодательная база не всегда может соответствовать текущим реалиям, происходящим в настоящем времени, это актуализирует проблему повышения качества правовых предписаний для финансового контроля.
6. Отсутствие в законодательной базе единого определения понятия финансового контроля.
7. Ещё одной проблемой является, наличие огромного числа государственных органов ответственных за финансовый контроль, это Счётная палата, Министерство финансов, Росфинмониторинг и др. из-за этого очень часто появляются, споря в разграничении действия соответствующих органов.

В плане налогового контроля можно выделить следующие актуальные проблемы на сегодняшний день:

1. Отсутствие чётко выстроенной комплексной стандартной процедуры организации налогово-контрольных проверок и единой системы критериев для определения налоговых правонарушений. (Пример: пересечение полномочий Минфина и ФНС в области налогов и сборов)

2. Частое изменение налогового законодательства и сложность его толкования, перенасыщенность его специализированными юридическими терминами.

3. Низкий уровень налоговой культуры у населения, проявляется чаще всего в уклонениях от уплаты налогов.

4. Неактуальные и устаревшие методы, которые применяются при проведении налогового контроля, особенно это выражается при внедрении концепции цифровой экономики.

5. А также одной из важнейших проблем является то, что налоговые проверки проводятся с целью наказания и привлечению к ответственности, недобросовестных плательщиков, что в свою очередь порождает коррупцию и злоупотребление, ведь в большинстве случаев, получается выгоднее дать взятку проверяющему чем оплатить все налоги. Это в свою очередь порождает ещё одну проблему.

6. Дороговизна уплаты налогов, в частности НДС, который сейчас составляет порядка 22 %.

7. Постоянное изменение законодательной базы.

8. Отсутствие независимости контрольных органов (пример: орган, осуществляющий финансовый контроль за расходованием бюджетных средств (например, региональное контрольно-счётное учреждение), финансируется из бюджета, который формируется и утверждается тем же органом власти, чью деятельность он должен контролировать (например, региональным правительством или администрацией).

Пути решения проблем финансового контроля:

– В плане усовершенствования нормативно правовой базы, необходимо разработка и принятие отдельного федерального закона, в котором будет перечислены все органы ответственные за финансовый контроль, и там же будут прописаны и закреплены их полномочия, права, и разграничения сфер их деятельности.

– Повышение уровня организации контроля, путём более детального определения мер ответственности за нарушение бюджетного законодательства в рамках финансового контроля.

– Разработка и усовершенствование законодательное урегулирование взаимодействия контрольных органов с правоохранительными.

– Необходимо соединения воедино следующих элементов, это внедрение новых цифровых технологий, раз-

витие инфраструктуры и законодательной базы и повысить квалификацию и образование в финансовой сфере для работников данного направления.

В плане Налогового законодательства необходимо:

– создание единой законодательной и нормативной основы

– определить, когда могут быть истребованы дополнительные документы и необходимо установить закрытый перечень таких документов

– усиление взаимодействия налоговых органов с другими организационными структурами на основе разработки совместных методических указаний по осуществлению контрольных мероприятий

– внедрение комплекса мероприятий по снижению задолженности, предполагающих усилия не только налоговых, но и федеральных, и региональных органов законодательной власти;

– выработка эффективного механизма взаимодействия налоговых органов с правоохранительными органами и другими органами власти и управления при осуществлении налогового контроля.

– ввести систему поощрений для сохранения качественного состава инспекций и повышения мотивации сотрудников.

– разработать и внедрить более эффективные формы, приёмов и методов налоговых проверок, разработанной налоговым ведомством более широким полномочиями в сфере налогового контроля и для воздействия на недобросовестных налогоплательщиков.

Подводя итог, можно сказать, что проблем в финансовом и налоговом контроле в составе государственного управления достаточно много. Но сейчас делаются определённые шаги к их устранению. Это, во-первых, идёт постепенное создание единой системы финансового контроля в стране, во-вторых, происходит законодательное закрепление и разграничение полномочий между госорганами. Сейчас активно развиваются и внедряются различные цифровые технологии, которые упрощают процесс контроля.

В-третьих, на современном этапе развития государственного финансового и налогового контроля происходит постепенное развитие и внедрение такой формы как предварительный контроль и экспертно-аналитическая деятельность.

В заключение хочу сказать, что все рассмотренные в статье проблемы и пути их решения ставят основной целью — повышение прозрачности, эффективности финансово — налогового контроля, что в конечном итоге должно привести к укреплению финансовой стабильности государства.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 01.01.2023) // СПС «Консультант Плюс».
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // СПС «Консультант Плюс».

3. Федеральный закон от 27.11.2023 № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов».
4. Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счётных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» (ред. от 03.04.2023 № 64-ФЗ).
5. Антропцева, И. О. Цифровизация публичного финансового контроля: монография / И. О. Антропцева. — Москва: Статут, 2024. — 182 с.
6. Васильева, О. Н. Актуальные проблемы осуществления финансовой деятельности в Российской Федерации: монография / О. Н. Васильева, А. Ю. Ильин, Е. Ю. Князева [и др.]. — Москва: РУСАЙНС, 2024. — 190 с.

Основания прекращения сервитутов в гражданском и земельном законодательстве

Волкова Вера Александровна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуются основания прекращения сервитутов, поименованные в Гражданском кодексе Российской Федерации и Земельном кодексе Российской Федерации. На основе анализа юридической литературы и правоприменительной практики автором формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования прекращения сервитута как разновидности ограниченного вещного права.

Ключевые слова: сервитут, частный сервитут, публичный сервитут, прекращение сервитута, ограничение права собственности.

Сервитут является важным элементом существующей системы вещных прав на недвижимость, поскольку обеспечивает реализацию возможностей лица, использующего недвижимое имущество, лишенного определенных благ или выгод, пользоваться недвижимым имуществом иного лица установленным способом в пределах, обусловленных необходимостью его использования.

В сервитутном правоотношении материальным объектом является определенное недвижимое имущество, которое используется либо самостоятельно, либо посредством использования его полезных свойств собственником недвижимого имущества, которое может находиться в государственной, муниципальной или частной собственности (статья 274 ГК РФ).

На данном этапе развития отечественного законодательства представляется возможным выделить два основных вида сервитута: частный и публичный.

Различие между указанными видами носит не терминологический, а сущностный характер. Если частный сервитут устанавливается в интересах конкретного лица и опосредуется соглашением либо судебным решением, то публичный сервитут устанавливается в общественно значимых целях решением уполномоченного органа власти и не имеет конкретного управомоченного лица — его обладателем выступает субъект, осуществляющий деятельность, для обеспечения которой установлен сервитут.

Законодатель использует дифференцированный подход к правовому регулированию частных и публичных сервитутов.

Согласно пункту 1 статьи 23 ЗК РФ сервитут устанавливается в соответствии с гражданским законодательством, а в отношении земельного участка, находящегося

в государственной или муниципальной собственности, — с учетом особенностей, предусмотренных главой V.3 ЗК РФ.

Из содержания пункта 3 статьи 23 ЗК РФ следует, что к правоотношениям, возникающим в связи с установлением, осуществлением и прекращением действия публичного сервитута, положения ГК РФ о сервитуте и положения главы V.3 ЗК РФ не применяются.

Системообразующим началом для сервитута, как и для иных вещных прав, выступает принцип *numerus clausus* — замкнутость перечня вещных прав и абсолютность их содержания. В доктрине этот принцип распространяют и на динамику вещного права: если основания возникновения сервитута как ограниченного вещного права определяются исключительно законом, то и основания его прекращения должны устанавливаться законом [1, с. 247].

Система оснований прекращения публичного сервитута получила свое закрепление в положениях статьи 48 ЗК РФ.

Для публичного сервитута, установленного в порядке главы V.3 ЗК РФ, законодатель предусмотрел два основания прекращения.

Согласно пункту 3 статьи 48 ЗК РФ публичный сервитут подлежит прекращению при отпадении общественных нужд, для которых он был установлен, путем принятия акта об отмене сервитута.

По смыслу части 2 статьи 23 ЗК РФ общественные нужды охватывают всё то, что необходимо для обеспечения интересов государства, местного самоуправления или местного населения. Поскольку в законодательных актах, а также актах официального толкования права содержание данного понятия не раскрывается, в целях еди-

нообразного понимания и применения данного понятия на практике целесообразно было бы раскрыть его в названной статье ЗК РФ или в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ.

В положениях пункта 3 статьи 48 ЗК РФ содержится второе основание прекращения публичного сервитута, связанное с истечением срока, когда сервитут считается прекращенным автоматически, по истечении последнего дня последнего месяца срока, без принятия отдельного решения.

С 1 сентября 2018 года вступили в силу нормы главы V.7 ЗК РФ, принятые в рамках законодательства об упрощении размещения линейных объектов.

Для публичного сервитута, установленного в порядке главы V.7 ЗК РФ, закон предусматривает дополнительные основания прекращения: неосуществления деятельности, для которой установлен сервитут, в течение двух и более лет; невнесение платы за сервитут (в срок, установленный для единовременного платежа, либо более двух раз подряд при периодических платежах); отказ обладателя публичного сервитута от него (пункт 4 статьи 48 ЗК РФ).

Кроме того, правообладатель обремененного участка вправе требовать прекращения публичного сервитута в судебном порядке: при нарушении порядка его установления, при невозможности или существенном затруднении использования участка в соответствии с разрешенным использованием, при изменении документации по планировке территории, предусматривающей иное местоположение инженерного сооружения, а также при нарушении обладателем сервитута требований законов и условий его осуществления (пункт 6 статьи 48 ЗК РФ).

В юридической литературе отмечается, что наибольшую дискуссию вызывает вопрос об основаниях прекращения частного сервитута. Это связано как с лаконичностью статьи 276 ГК РФ, так и с отсутствием единообразной позиции по этому поводу в доктрине и в судебной практике [2, с. 57].

Основополагающей статьей, регламентирующей основания прекращения частного сервитута, является статья 276 ГК РФ.

Согласно пункту 1 статьи 276 ГК РФ по требованию собственника земельного участка, обремененного сервитутом, сервитут может быть прекращен ввиду отпадения оснований, по которым он был установлен.

Как указывает А. С. Федорященко, в этом случае речь идет об отпадении необходимости в пользовании участком обладателем сервитута [3, с. 631].

Положения пункта 1 статьи 276 ГК РФ не содержат прямого указания на возможность обращения сервитутария с иском о прекращении сервитута ввиду отпадения оснований, по которым он был установлен, что является негативным аспектом действующего законодательства.

Как подчеркивает З. И. Цыбуленко, фактически это означает бессрочную связанность сервитутария перед собственником служащей вещи, что неверно и требует изменения указанного положения: правом требовать прекра-

щения сервитута ввиду отпадения оснований, по которым он был установлен, должен быть наделен не только собственник служащей вещи, но и сервитутарий [2].

Определенную ясность в этот вопрос внёс Верховный Суд Российской Федерации. В Обзоре судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) указано, что если основания, по которым был установлен сервитут, отпали, то с требованием о прекращении сервитута вправе обратиться в суд как собственник служащей, так и собственник господствующей недвижимости.

Т. С. Краснова при этом уточняет, что для удовлетворения такого требования потребность в использовании чужого земельного участка должна отпасть объективно, а предписанное правило действует независимо от того, был ли сервитут установлен добровольно или принудительно [2, с. 56].

Второе легальное основание прекращения сервитута закреплено в пункте 2 статьи 276 ГК РФ: в случаях, когда земельный участок, принадлежащий гражданину или юридическому лицу, в результате обременения сервитутом не может использоваться в соответствии с целевым назначением участка, собственник вправе требовать прекращения сервитута.

Как указывает А. С. Федорященко, здесь речь идет уже о невозможности пользования участком собственником [3, с. 631]. Таким образом, если пункт 1 статьи 276 ГК РФ защищает интерес сервитутария, то пункт 2 указанной статьи ориентирован на защиту интересов собственника служащей вещи от таких обременений, которые полностью парализуют её хозяйственное использование.

Как отмечается в цивилистической литературе, данная норма определяет лишь «экстраординарные» случаи прекращения частного сервитута [1, с. 243], которые не охватывают иные обстоятельства, возникавшие в правоприменительной практике, объективно свидетельствующие о необходимости прекращения сервитутных правоотношений.

Сложившаяся судебная практика в настоящее время исходит из того, что недоказанность наличия оснований для прекращения частного сервитута, предусмотренных статьей 276 ГК РФ, влечет правомерный отказ в удовлетворении иска о прекращении сервитута [4], а доказанность любого из них, например, факта отпадения оснований установления сервитута, влечет удовлетворение иска о прекращении сервитута [5].

Федеральным законом от 31.12.2014 № 499-ФЗ введено дополнительное основание, связанное с изъятием земельного участка для государственных или муниципальных нужд.

Согласно пункту 4 статьи 279 ГК РФ со дня прекращения прав на изъятый участок прекращаются сервитут и залог, установленные в отношении такого участка; сервитуты сохраняются лишь в случае, если использование участка на условиях сервитута не противоречит целям, для которых осуществляется изъятие.

Введение данной нормы породило исключение из правила о сохранении сервитута при смене собственника служащей вещи. Как верно отмечает И. В. Афанасьев, это лишает сервитут такого важного вещно-правового атрибута, как право следования, которое обеспечивает высокую степень прочности вещного права [6, с. 105].

Н. В. Шереметьева также обращает внимание на то, что с внесением названных изменений ограниченное вещное право утрачивает свой непереносимый атрибут — право следования [7, с. 128].

Наряду с поименованными в статье 276 ГК РФ основаниями прекращения частного сервитута в доктрине предлагается целый ряд иных оснований.

Поскольку отечественное законодательство допускает установление срочного сервитута, А. Рыбалов полагает возможным выделить в качестве самостоятельного основания прекращения сервитута так называемый «штатный» способ — истечение согласованного срока [8].

Как отмечает Т. С. Краснова, однозначно можно утверждать, что за пределами случаев прекращения сервитута, предусмотренных в статье 276 ГК РФ, допускается прекращение сервитута в связи с истечением срока, на который он был установлен [9, с. 384]. При этом срочный сервитут прекращается по истечении срока автоматически, без необходимости дополнительных правопрекращающих актов.

В цивилистической доктрине предметом дискуссии также выступает вопрос о возможности прекращения сервитута по взаимному согласию сторон, ввиду установления данного положения в тексте соглашения.

Так, В. А. Кокурин и Е. Л. Минина, ссылаясь на пункт 1 статьи 407 ГК РФ, допускают прекращение сервитута по основанию, прямо предусмотренному сторонами в соглашении [10, с. 32–33].

Думается, что такой подход не учитывает вещно-правовую природу сервитута: прекращение обязательства, возникшего из договора об установлении сервитута, не прекращает автоматически сервитут как ограниченное вещное право, поскольку основание прекращения вещного права должно быть предусмотрено законом. При таких обстоятельствах расширительное толкование п. 1 ст. 276 ГК РФ за счёт общегражданских оснований недопустимо без прямого указания в законе.

Некоторые представители цивилистической доктрины также выделяют в качестве основания прекращения частного сервитута ситуацию, при которой собственник господствующей и служащей вещи совпадают в одном лице, поскольку сервитут не может быть установлен на собственную вещь.

По мнению Н. В. Шереметьевой, прекращение сервитутных отношений в связи с тем, что пользователь сервитута и собственник господствующего участка становятся одним лицом, по смыслу гражданского законодательства следует считать избыточным выделять в качестве самостоятельного основания, так как сервитут прекращается

в связи с консолидацией прав на служащую и господствующую вещи [7, с. 129].

Т. С. Краснова при этом уточняет, что, как правило, при совпадении собственника господствующей и служащей недвижимости сервитут не должен прекращаться автоматически, но собственник обоих объектов вправе прекратить его своим односторонним волеизъявлением [9, с. 383].

Т. В. Дерюгина придерживается позиции о необходимости выделения в качестве самостоятельного основания прекращения сервитута его неиспользование в течение определенного срока. Автор предлагает установить срок давности в один год, объясняя это тем, что в течение года сменяются все четыре сезона, и даже если лицу требуется сервитут для осуществления деятельности только в определённый сезон, то за год можно понять, что пользователь сервитута не нуждается в нём, а сам сервитут является излишним для сервитутария [11, с. 18].

Вместе с тем вопрос о прекращении сервитутных правоотношений в указанном случае не является бесспорным, поскольку автоматическое прекращение вещного права по истечении фиксированного срока способно причинить вред сервитутарию, который в силу объективных причин временно не пользовался обременением, но нуждается в нём в дальнейшем.

Д. З. Каирова и Э. А. Матаева обращают внимание на то, что действующим гражданским правом не в полной мере рассмотрен вопрос возможности своеобразной дереликции, которая выражается в одностороннем отказе сервитутария от своих ограниченных прав. Предоставление такого права благоприятно повлияет как на положение сервитутария, упрощая прекращение сервитута, так и на состояние служебного имущества, ибо оно будет освобождено от обременения недвижимости в виде стеснений и запретов [12, с. 171].

Данное предложение исходит из аналогии, проведённой с нормами ГК РФ об одностороннем отказе от права собственности (ч. 1 ст. 235, ч. 1 ст. 236 ГК РФ), а также с нормой абз. 2 п. 2 ст. 610 ГК РФ, закрепляющей право на односторонний отказ от договора аренды.

По справедливому замечанию Т. С. Красновой, большинство дискуссионных вопросов прекращения сервитута осложняется ключевой характеристикой сервитута — его установлением в связи с объективной необходимостью для господствующей недвижимости, а не в связи с субъективной необходимостью конкретного сервитутария [9, с. 384]. Поэтому закрепление одностороннего отказа должно сопровождаться механизмом уведомления и защиты интересов собственника служащей вещи, в том числе в части исполнения обязанности по внесению платы за период фактического пользования.

Д. З. Каирова и Э. А. Матаева также высказывают предложение о закреплении в качестве основания прекращения сервитута утраты служебным участком свойств, позволяющих удовлетворить интересы господствующего участка [12, с. 172], что, в общем и целом, охватывается

диспозицией пункта 1 статьи 276 ГК РФ (отпадение оснований установления сервитута).

По аналогии с зарубежным законодательством М. Ю. Денисов предлагает выделить в качестве основания прекращения сервитута гибель господствующего земельного и служащего участков [13].

Рассуждая о необходимости выделения указанного основания, Т. С. Краснова указывает, что по общему правилу сервитут прекращается в связи с гибелью господствующей или служащей вещи, а исключениями могут являться ситуации с преобразованиями господствующей или служащей недвижимости [9, с. 383].

Д. В. Ларин утверждает, что с учётом зарубежного опыта в российском законодательстве целесообразно закрепить такое основание для прекращения сервитутов, как выкуп сервитута [14, с. 248]. Вместе с тем думается, что несмотря на некоторые сходства, особенности вещно-правовой природы сервитута не позволяют говорить о каких-либо перспективах рецепции зарубежного законодательства в этой части.

Ряд авторов предлагает относить к основаниям прекращения сервитута грубые нарушения правил рационального использования служебного земельного участка, приводящие к гибели чужой собственности или утрате ею полезных свойств, для получения которых был установлен сервитут.

Однако, как справедливо замечается в литературе, такое нарушение не обеспечивает устранение недостатков

господствующего участка, по причине которых и был установлен сервитут. Следовательно, в этой ситуации к сервитутарию должны применяться меры воздействия земельного права, а не сервитутного [1, с. 247].

Таким образом, на сегодняшний день правовое регулирование института прекращения сервитута (как частного, так и публичного) нуждается в модернизации. Правовые нормы о публичных сервитутах сформулированы и изложены сложно, содержание используемых в них отдельных понятий, терминов не раскрыто, что допускает различное их толкование и может приводить к трудностям при применении на практике, нарушению прав сторон публичных сервитутов. В целях устранения отмеченных недостатков, достижения единообразного толкования и применения целесообразно их дальнейшее совершенствование.

В свою очередь, правовое регулирование оснований прекращения частного сервитута сводится к положениям ст. 276 ГК РФ, содержание которой не в полном объеме удовлетворяет потребности гражданского оборота, что не позволяет обеспечить стабильность и предсказуемость сервитутных правоотношений и полноту учета законных интересов их участников. С учетом принципа замкнутости перечня вещных прав (*numerus clausus*) перечень таких оснований должен быть исчерпывающим и отвечать признаку достаточности с точки зрения полноты учета законных интересов субъектов сервитутных правоотношений.

Литература:

1. Ефимова, Е. С. Основания прекращения предиаляного частного сервитута / Е. С. Ефимова, Е. П. Чорновол // Обращение и право. — 2023. — № 10. — С. 242–252.
2. Краснова, Т. С. Установление сервитута по требованию арендатора земельного участка. По мотивам одного определения Верховного Суда РФ / Т. С. Краснова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 3. — С. 46–64.
3. Федорященко, А. С. Прекращение права ограниченного пользования чужим земельным участком: правоприменительный аспект / А. С. Федорященко // Юридическая техника. — 2018. — № 12. — С. 631–633.
4. Постановление Арбитражного суда Ростовской области от 02.05.2024 № А53–38477/23; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.03.2024 по делу № А73–2854/2023; постановление Арбитражного суда Ставропольского края от 05.09.2023 № А63–8312/2022; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 23.06.2023 по делу № А08–4744/2021 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — Текст: электронный. — URL: <http://www.consultant.ru>.
5. Постановление Арбитражного суда Республики Татарстан от 15.12.2025 № А65–41298/2024; постановление Арбитражного суда Краснодарского края от 02.07.2025 № А32–21242/2024; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.05.2024 по делу № А46–1789/2023; постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15.12.2022 по делу № А33–33637/2021 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — Текст: электронный. — URL: <http://www.consultant.ru>.
6. Афанасьев, И. В. Сервитут в гражданском праве: монография / И. В. Афанасьев. — Москва: Юрайт, 2019. — 154 с.
7. Шереметьева, Н. В. Актуальные проблемы отказа сервитутарию от сервитута / Н. В. Шереметьева // Право и практика. — 2021. — № 2. — С. 127–131.
8. Рыбалов, А. Проблемы прекращения сервитута / А. Рыбалов. — Текст: электронный // Закон.ру: [сайт]. — URL: <https://zakon.ru>.
9. Краснова, Т. С. Судьба сервитута при преобразовании господствующего земельного участка / Т. С. Краснова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2024. — Т. 15, вып. 2. — С. 371–389.
10. Кокурин, В. А. Установление сервитута в отношении земельного участка, обремененного публичным сервитутом / В. А. Кокурин, Е. Л. Минина // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). — Вып. 28 / отв. ред. В. М. Жуйков. — Москва: ИЗиСП: КОНТРАКТ, 2021. — С. 32–33.

11. Дерюгина, Т. В. Гражданско-правовое регулирование института сервитута в России: автореф. дис.... канд. юрид. наук / Т. В. Дерюгина. — Волгоград, 2002. — 28 с.
12. Каирова, Д. З. Проблематика прекращения сервитутных отношений / Д. З. Каирова, Э. А. Матаева // Образование и право. — 2020. — № 3. — С. 170–173.
13. Денисов, М. Ю. Основания прекращения сервитута в российском и зарубежном гражданском законодательстве / М. Ю. Денисов // Молодой ученый. — 2020. — № 52 (342). — С. 186–188.
14. Ларин, Д. В. Сервитуты в российском и зарубежном законодательстве: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Д. В. Ларин. — Москва, 2007. — 24 с.
15. Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок: утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.04.2017. — Текст: электронный // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. — URL: <https://vsrf.ru>.
16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ: принят Государственной Думой 21 октября 1994 г. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru>.
17. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ: принят Государственной Думой 28 сентября 2001 г. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru>.

Особенности способов приобретения ограниченных вещных прав

Волкова Вера Александровна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуются особенности первоначального и производного способов приобретения ограниченных вещных прав. На основе анализа юридической литературы и законодательных положений автор приходит к выводу о наличии правопреемства в классическом его понимании при производном способе приобретения ограниченных вещных прав, а также о наличии признаков конститутивного правоприсоединения при первоначальном способе их приобретения.

Ключевые слова: конститутивное правопреемство, транслятивное правопреемство, вещные права, ограниченные вещные права.

Возникновение вещных прав традиционно связано с установлением оснований их возникновения.

Общие основания возникновения гражданских прав и обязанностей получили свое закрепление в положениях статьи 8 ГК РФ, однако данная норма вследствие своего уровня правового обобщения не может претендовать на статус общей нормы для регулирования возникновения вещных прав.

В разделе II ГК РФ, посвященном правовому регулированию вещных прав, содержится общая правовая позиция относительно оснований возникновения права собственности, которая указана в ст. 218 ГК РФ.

В отдельных статьях главы 17 ГК РФ законодатель закрепляет основания установления иных вещных прав (статьи 265, 268, 274, 299 ГК РФ).

ЗК РФ, наряду с ГК РФ, также содержит правовые нормы, закрепляющие основания возникновения права собственности (статьи 25, 15, 39.1, 39.5 ЗК РФ), а также основания возникновения иных вещных прав (статьи 23, 39.23–39.26, 39.37–39.39, 39.9, 39.14 ЗК РФ).

При этом различие оснований установления в зависимости от вида вещного права является достаточно условным, поскольку одно и то же основание, по сути,

может быть основанием возникновения и для одного вещного права, и для других.

В правовой теории существуют различные критерии классификации способов приобретения, среди которых традиционным является деление способов приобретения вещных прав на первоначальные и производные [1, с. 227]. Критерием деления способов на указанные две разновидности является факт наличия либо отсутствия зависимости прав приобретателя от прав предшественника.

Обобщение взглядов ученых свидетельствует, что классическим является подход, согласно которому правопреемство понимается как ситуация, при которой один участник правоотношения полностью заменяется другим, что влечет за собой наделение правопреемника тождественными полномочиями правопреемника [2, с. 159].

В цивилистической литературе является господствующей позиция, согласно которой возникновение ограниченных вещных прав возможно исключительно в порядке правопреемства. Согласно данному подходу производное приобретение вещных прав, как и установление их впервые, осуществляется в порядке правопреемства.

Вместе с тем такой подход не является бесспорным ввиду специфики, присущей возникновению ограниченных вещных прав впервые.

Исходя из анализа правовых норм, регламентирующих особенности первоначального возникновения ограниченных вещных прав, представляется возможным сделать вывод об отсутствии в данном случае правопреемства в классическом его понимании, поскольку в указанном случае их возникновение сопровождается не «переносом» правомочий собственника вещи в неизменном виде, а возникновением у их приобретателя нового, производного от права правопредшественника субъективного права, носящего ограниченный характер.

В доктрине гражданского права в качестве одного из видов правопреемства выделяют конститутивное правопреемство, противопоставляя его транслятивному.

Учение об указанных разновидностях восходит к пандектистике XIX века. Еще Ф. К. фон Савиньи и Г. Ф. Пухта, разрабатывая учение о приобретении прав, различали приобретение производное, при котором новое право выводится из права предшественника, и приобретение первоначальное.

В рамках производного приобретения, в свою очередь, было принято выделять два модуса: *translatio* (перенесение права как такового) и *constitutio* (установление нового права на основе существующего). Впоследствии эта идея была воспринята и гражданским правом, где прочно утвердилось деление правопреемства на транслятивное (передаточное) и конститутивное (правоустанавливающее).

Определяя ситуацию возникновения нового правоотношения, меньшего по объему в сравнении с материнским правоотношением и зависимого от него, в правовой теории говорят о конститутивном правопреемстве.

В. А. Белов отмечает, что конститутивное правопреемство представляет собой случай производного возникновения гражданского правоотношения, при котором базисное правоотношение не прекращает своего существования, но сохраняется и существует параллельно с производным, не претерпевая при этом ни содержательных, ни субъектных изменений.

Такой эффект возможен при обязательном одновременном соблюдении двух следующих условий:

1. при несовпадении активного субъекта производного правоотношения с активным субъектом правоотношения базисного, то есть при условии возникновения производного правоотношения в другом или чужом (по отношению к управомоченному участнику базисного) лице;

2. при изменении (стеснении, ограничении) условий осуществления базисного субъективного права, сообразного тем действиям, совершение которых будет происходить в рамках осуществления вновь возникшего производного субъективного права [3, с. 466].

Согласно позиции Б. Б. Черепахиной, в случае конститутивного преемства имеет место переход правомочий от

одного лица к другому, но без потери их и соответствующего права в целом правопредшественником; на основе права праводателя создается право с иным содержанием (более ограниченным) [4, с. 310].

В то же время необходимо учитывать, что Б. Б. Черепахин, создавая учение о правопреемстве, делал оговорку, что конститутивное правоприобретение не является правопреемством в точном смысле. Его роднит с правопреемством производный характер правоприобретения [4, с. 314].

На это указывает и С. С. Каширский, обращая внимание на то, что производный характер означает лишь наличие связи, в то время как правопреемство предполагает полную тождественность в рамках все той же самой правовой формы [5, с. 173].

Наиболее отчетливо конструкция конститутивного правопреемства проявляется при установлении сервитутов — ограниченных вещных прав, предоставляющих право ограниченного пользования чужой вещью.

Из положений статьи 274 ГК РФ следует, что сервитут устанавливается по соглашению между лицом, требующим его установления, и собственником соседнего участка, а при недостижении соглашения — решением суда.

При установлении сервитута собственник служащей (обременяемой) вещи остается его собственником, однако его право собственности ограничивается правом сервитуария пользоваться определенной частью вещи.

При этом право сервитуария не тождественно праву собственника: оно уже по объему, ограничено конкретной целью (проход, проезд, водоснабжение и т. п.) и сосуществует с правом собственности в отношении той же вещи. С прекращением оснований сервитута право собственности обремененного участка восстанавливается в полном объеме.

Таким образом, при установлении сервитута не происходит «замена» собственника господствующей вещи, а имеет место возникновение самостоятельных правоотношений ограниченного пользования объектом недвижимого имущества.

Та же специфика свойственна способу возникновения права хозяйственного ведения и права оперативного управления. Указанные ограниченные вещные права возникают на основании акта собственника о закреплении имущества за унитарным предприятием или учреждением, а также в результате приобретения унитарным предприятием или учреждением имущества по договору или иному основанию (пункты 1, 2 статьи 299 ГК РФ).

При возникновении указанных вещных прав собственник имущества в полном объеме своих правомочий не лишается, в данном случае имеет место создание нового, производного от его права вещного права, имеющего ограниченный характер.

Исходя из вышеизложенного, представляется возможным сделать вывод о том, что самостоятельный характер ограниченных вещных прав, а также то, что их

первоначальное установление всегда связано с этапом возникновения гражданского правоотношения, не позволяет рассматривать подобный порядок совместно с правовой категорией «правопреемство».

Объем тех правомочий, которые получает субъект ограниченного вещного права, по своему содержанию не является аналогичным объему правомочий, которые охватываются субъективным правом собственности на такую вещь.

При этом правопреемство в классическом своем понимании имеет место при производном установлении ограниченных вещных прав в порядке универсального правопреемства.

Универсальное правопреемство характеризуется тем, что к правопреемнику переходит весь комплекс прав и обязанностей правопреемника как единое целое и в неизменном виде. Классическими формами универсального правопреемства в вещных правах являются наследование (раздел V ГК РФ) и реорганизация юридических лиц (статья 58 ГК РФ).

Наследование представляет собой наиболее бесспорную разновидность универсального правопреемства в вещных правах. При наследовании ограниченные вещные права, входящие в состав наследства, переходят к наследнику в порядке универсального правопреемства, то есть в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент (статья 1110 ГК РФ).

Так, статьей 267 ГК РФ прямо предусмотрено, что приобретение права пожизненного наследуемого владения возможно только в том случае, если правопреемником и правопреемником являются физические лица, а замена последним правопреемника в правоотно-

шении возможна только в порядке универсального правопреемства.

Реорганизация юридического лица также влечет универсальное правопреемство. В соответствии со статьей 58 ГК РФ, при слиянии, присоединении, разделении, выделении и преобразовании юридического лица все его права и обязанности переходят к правопреемнику (правопреемникам).

Так, земельные участки, принадлежащие субъектам, указанным в ст. 39.9 ЗК РФ, на праве постоянного (бессрочного) пользования, согласно ч. 3 ст. 268 и ч. 3 ст. 269 ГК РФ могут стать предметом правопреемства только в случае реорганизации юридического лица, которому земельный участок предоставлен на данном праве. Следовательно, для преемства в праве постоянного (бессрочного) пользования установлено ограничение в части субъектного состава, а само правопреемство может быть только универсальным (посредством реорганизации).

Из вышеизложенного следует, что установление вещных прав на чужое недвижимое имущество может осуществляться впервые, а также в порядке правопреемства иных вещных прав, переход которых установлен законом, на основании которого вещные права переходят от одного субъекта (правоотчуждателя) к другому субъекту (правоприобретателю).

Самостоятельный характер ограниченных вещных прав, а также то, что их первоначальное установление всегда связано с этапом возникновения гражданского правоотношения, не позволяет рассматривать подобный порядок совместно с правовой категорией «правопреемство». При этом правопреемство имеет место при производном установлении ограниченных вещных прав в порядке, установленном законом.

Литература:

1. Семенова, Е. Г. Концептуальная модель правового режима недвижимости как объекта имущественных прав: дис... д-ра юрид. наук / Е. Г. Семенова. — Москва, 2021. — 404 с.
2. Бакунов, А. В. Вещное право (курс лекций): учебное пособие / А. В. Бакунов, И. В. Сазанова. — Южно-Сахалинск: СахГУ, 2020. — 308 с.
3. Белов, В. А. Гражданское право: в 4 т. Т. I. Общая часть. Введение в гражданское право: учебник для вузов / В. А. Белов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2026. — 622 с.
4. Черепяхин, Б. Б. Труды по гражданскому праву / Б. Б. Черепяхин. — Москва: Статут, 2001. — 314 с.
5. Каширский, С. С. Преемство прав и обязанностей в гражданском правоотношении: дис.... канд. юрид. наук / С. С. Каширский. — Нижний Новгород, 2015. — 200 с.
6. Носов, Д. В. Правопреемство в российском праве: монография / Д. В. Носов. — Пермь, 2013. — 199 с.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ: принят Государственной Думой 21 октября 1994 г. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru>.
8. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ: принят Государственной Думой 28 сентября 2001 г. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru>.

Структура, диагностирование признаков лжи в показаниях и ее изобличение

Воробьев Сергей Сергеевич, студент магистратуры
Российский новый университет (г. Москва)

В статье рассматриваются структура лжи в показаниях, диагностирование ее психологических, физиологических и лингвистических признаков, а также основные способы изобличения ложных показаний в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: диагностика, ложь, показания, психология, полиграф, физиология, лингвистика, допрос, изобличение ложных показаний.

Structure, diagnosis of signs of falsehood in testimony and its exposure

The article examines the structure of falsehood in testimony, the diagnosis of its psychological, physiological and linguistic signs, as well as the main methods of exposing false testimony in criminal proceedings.

Keywords: diagnostics, lies, testimony, psychology, polygraph, physiology, linguistics, interrogation, exposure of false testimony.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что ложные показания обладают высокой социальной опасностью, поскольку могут приводить к принятию несправедливых судебных решений, уклонению виновных лиц от ответственности и осуждению невиновных. В связи с этим выявление лжи в показаниях имеет принципиальное значение для обеспечения правосудия, защиты прав и законных интересов граждан, а также повышения эффективности уголовного судопроизводства.

Проблема исследования заключается в том, что существующие методы выявления лжи, включая инструментальные методы, например, полиграф, не всегда обладают достаточной надежностью и могут давать ошибочные результаты. В связи с этим необходимы более совершенные, научно обоснованные и комплексные подходы к диагностике лжи, учитывающие как правовые, так и психологические ограничения.

Существующие противоречия проявляются, во-первых, между потребностью правоприменительной практики в надежных методах выявления лжи и недостаточной эффективностью отдельных существующих методов; во-вторых, между необходимостью учитывать индивидуальные особенности допрашиваемого лица и использованием стандартизированных подходов к диагностике лжи; в-третьих, между этическими и правовыми ограничениями применения методов выявления лжи, включая возможное вмешательство в личную сферу человека, и необходимостью установления истины по уголовному делу.

Объектом исследования является процесс формирования и проявления лжи в показаниях.

Предметом исследования выступают психологические, физиологические и лингвистические признаки лжи в показаниях, а также методы их выявления и изобличения.

Цель исследования состоит в разработке теоретической модели структуры лжи в показаниях, выявлении и систематизации диагностических признаков лжи, а также формулировании практических рекомендаций для следователей и иных специалистов по ее изобличению.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: выделить основные компоненты и структуру процесса лжи в показаниях; определить психологические, физиологические и лингвистические факторы, влияющие на проявление лжи; разработать практические рекомендации для специалистов, в том числе следователей, юристов и судей, по выявлению и изобличению лжи в показаниях; предложить методы повышения надежности диагностики лжи с учетом этических и правовых ограничений; разработать методические материалы для обучения специалистов методам выявления лжи.

В отечественной научной литературе проблемы психологии понимания и обмана, судебной психологии, криминалистической тактики, использования полиграфа и оценки достоверности показаний рассматривались такими авторами, как И. В. Александров [1], А. И. Савенков [10], Л. А. Скабелина [12], С. А. Смирнова [14], А. Н. Тарасов [15]. и др.

Нормативно-правовую основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, закрепляющая право лица не свидетельствовать против себя, своего супруга и близких родственников; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, регулирующий порядок производства допроса свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых; Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»; а также международно-правовые акты, включая Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, закрепляющую право на справедливое судебное разбирательство.

Практическая значимость исследования заключается в возможности повышения эффективности работы правоохранительных органов при расследовании преступлений, снижении риска судебных ошибок, связанных с ложными показаниями, разработке новых методов обучения специалистов, работающих с людьми и юридически значимой информацией, а также в повышении качества психологической помощи лицам, пострадавшим от лжи и обмана.

Научная новизна исследования может быть выражена в разработке теоретической модели структуры лжи в показаниях, учитывающей психологические, физиологические, когнитивные, коммуникативные и лингвистические факторы; в систематизации диагностических признаков лжи в показаниях; в адаптации существующих методов выявления лжи к условиям российской правовой системы; а также в разработке подхода к обучению специалистов методам выявления лжи, основанного на комплексном анализе вербального и невербального поведения лица.

Основные компоненты и структура процесса лжи в показаниях

Разобраться, как устроена ложь в показаниях, не просто — и в теории, и на практике: слишком много звеньев здесь сцеплено друг с другом. Сводить ее к простому сообщению неверных сведений было бы упрощением. Перед нами явление с несколькими слоями сразу: мотивы, работа мысли, эмоции, внешнее поведение, реакции организма и сама речь [2; с.26].

К числу основных компонентов процесса лжи относятся мотивация, то есть причина, побуждающая лицо сообщать недостоверные сведения. Наиболее распространенными мотивами являются стремление избежать наказания, страх перед юридическими последствиями, штрафами или лишением свободы. Кроме того, мотивами могут выступать защита себя или других лиц, желание скрыть проступки, сохранить репутацию, оградить близких от неблагоприятных последствий, получить материальную выгоду, власть или влияние, добиться социального одобрения, избежать осуждения либо причинить вред другому лицу. В отдельных случаях может иметь место патологическая ложь, или мифомания, при которой ложь выступает как самоцель и не всегда имеет очевидную внешнюю мотивацию [10; с.46].

Отдельного внимания заслуживает работа мысли. Тот, кто дает ложные показания, вынужден готовиться заранее: решить, о чем говорить, как подать сведения, чем прикрыть слабые места. Здесь и придумывание другой версии произошедшего, и отбор подробностей — какие спрятать, какие переделать, какие досочинить. Одновременно приходится гасить правду, вытесняя настоящие воспоминания и настоящие чувства, иначе выдуманное прозвучит неубедительно. И все это время человек следит за собой — за словами, за мимикой, за жестами, за общей манерой, — читает реакцию собеседника и прикидывает, чем обернется разоблачение. Нагрузка выходит двойная: надо и говорить, и непрерывно себя проверять, а запас внимания у человека не бесконечен [6, с.67].

Не меньшую роль играют эмоции. Тут и страх разоблачения с последующим наказанием, и вина от понимания, что обманываешь, и стыд из-за самой необходимости лгать, и тревога с общим напряжением. Бывает и обратное: ложь идет на подъеме, с ощущением риска, адреналином, чуть ли не с азартом от удачно проведен-

ного обмана. Но универсальными эти проявления назвать нельзя — все зависит от того, кто перед нами, что за ситуация, чем она может закончиться и насколько человек привык лгать [14, с.92].

Внешне ложь проявляется двояко — в словах и помимо слов. По словесной части заметны нестыковки в показаниях, ответы общими фразами, уход от конкретики, описания либо чрезмерно подробные, либо, наоборот, скупые до предела. Сюда же — обтекаемые формулировки вроде «насколько я помню», паузы и заминки, привычка повторить вопрос прежде чем ответить, а еще поток оправданий там, где их никто не требовал [3, с.69].

Невербальные признаки могут выражаться в избегании зрительного контакта либо, напротив, в чрезмерно пристальном взгляде, нервозности, потирании рук, ерзании на стуле, почесывании лица, изменениях мимики, наличии микровыражений, несоответствии между словами и выражаемыми эмоциями, изменении тона голоса, дрожании, повышении или понижении громкости речи, а также изменении частоты моргания [8, с.79].

Физиологические реакции также могут сопровождать процесс лжи. К ним относятся повышенное потоотделение, учащенное сердцебиение, покраснение лица, изменение дыхания и иные реакции, связанные с активацией автономной нервной системы. Именно на регистрации подобных реакций основаны отдельные инструментальные методы выявления лжи, в том числе полиграфные исследования. Вместе с тем данные реакции не могут рассматриваться как прямое и безусловное доказательство лжи, поскольку они могут быть вызваны не только обманом, но и стрессом, тревогой, страхом, индивидуальными особенностями нервной системы либо самой ситуацией допроса [4, с.75].

Сам процесс лжи в показаниях разворачивается по шагам. Сначала человек взвешивает обстановку и решает, что соврать — выгоднее или безопаснее, чем сказать правду. Затем выбирает линию: что именно сообщить и в какой форме это подать. Далее идет подготовка — продумывается ложная версия, детали к ней, вероятные вопросы. Четвертый шаг — собственно дача ложных показаний. На пятом человек уже отслеживает происходящее и подправляет себя на ходу: смотрит, как реагируют слушающие, и меняет либо содержание, либо форму сказанного. Шестой шаг наступает потом — оценка того, что вышло, и меры к тому, чтобы обман не вскрылся. Последовательность эта не всегда проходит целиком, но в развернутом виде выглядит именно так [1, с.92].

Стоит сказать прямо: единого «индикатора лжи», годного для всех, нет. Психика, физиология, манера общения — у каждого свои, и потому признаки лжи у разных людей выглядят по-разному. Многие решают обстоятельства: то, что со стороны похоже на ложь, нередко оказывается просто нервозностью, стрессом, усталостью или чертой характера. Распознавание обмана — работа сложная, со множеством сторон, требующая и знаний, и наработанной практики. Опирайтесь на одну интуицию,

житейские представления или стереотипы здесь нельзя [15, с.115].

Полиграфологи, психологи, специалисты по невербальной коммуникации, следователи работают иначе — они смотрят на все звенья процесса лжи сразу и учитывают, кто именно перед ними. Чтобы понять картину глубже, важны и личные характеристики: насколько человек тревожен, склонен ли действовать импульсивно, есть ли у него опыт и навык обмана. Тот, кто лжет часто, обычно лучше держит невербальные реакции под контролем и строит более правдоподобные схемы. Игрет роль и культура: в разных обществах нормы поведения и допустимые формы лжи отличаются, а значит, отличается и то, как ложь выглядит, и то, как ее прочитывают окружающие [5, с.80].

Выявить ложь удастся лишь тогда, когда все доступные сведения разобраны критически. Один признак, взятый сам по себе, ничего не решает — за ним может стоять множество причин, никак с обманом не связанных. Смотреть надо на обстановку в целом, на мотивы человека, на его прежнее поведение, на материалы дела и прочие относящиеся к нему данные. Заикание или сбившаяся речь, к примеру, чаще говорят о волнении, а вовсе не о попытке утаить правду.

Работающие методики обычно строятся на соединении нескольких приемов. Помогают беседы, выстроенные специально под выявление обмана: вопросы в них подобраны так, чтобы у говорящего неправду возникло умственное напряжение или расхождение с собственными эмоциями. Кое-что дает и разбор микровыражений — тех непроизвольных, мгновенных проблесков эмоции на лице. Полиграф остается предметом спора, хотя в отдельных делах его применение оправдано — при соблюдении установленного порядка, строгих протоколов и понимании границ метода [11, с.112].

Итак, чтобы понять механизм лжи в показаниях, приходится держать в голове сразу много обстоятельств. Универсального способа разоблачить обман нет, а успех держится на знаниях, опыте, внимательности и умении думать критически. Тот, кто способен разобрать сведения, соотнести их с обстановкой и с особенностями конкретного человека, а вместе с этим применить разные приемы и методики, чаще выявляет обман и принимает решения, которые можно обосновать.

Не стоит забывать и о другом: обвинить человека во лжи — значит создать последствия и правового, и нравственного порядка. Отсюда требование к специалисту: осторожность, отказ от предвзятости и стремление установить, как было на самом деле, а не подогнать материал под заранее выбранную версию.

Психологические, физиологические и лингвистические факторы, влияющие на проявление лжи

За тем, как проявляется ложь в показаниях, стоит цепка психологических, физиологических и речевых обстоятельств. Разбор их дает двойную пользу: и механизм

обмана становится понятнее, и показания на следствии или в суде оцениваются точнее [7, с.95].

Из психологического ряда на первом месте стоит мотивация. Чем острее нужда соврать — уйти от наказания, получить выгоду, выгородить кого-то, — тем вероятнее, что человек сообщит неправду. Правда, работает это в обе стороны: сильный мотив то помогает лучше держать себя, то, наоборот, нагоняет напряжение, и ложь становится заметнее [10, с.176].

Боязнь разоблачения дает телесный отклик — сердце частит, выступает пот, сбивается дыхание, и все это порой читают как признаки лжи. Но страх способен сработать иначе: человек становится осторожнее, крепче держит себя и ведет себя обдуманнее. Поэтому страх как приметку обмана нельзя оценивать вне конкретной обстановки и без учета того, кто перед нами.

Свой след оставляют вина и стыд. Вина за обман или стыд от того, что приходится лгать, нередко проступают в невербальных сигналах: человек уводит взгляд, суетливо двигается, речь его тускнеет, он старается свернуть с неудобной темы. Впрочем, у тех, кто привык манипулировать, все это может почти не проявляться.

Из психологических обстоятельств самое весомое — умственная нагрузка. Соврать труднее, чем сказать правду. Ложную историю надо выдумать и удерживать, сверять ее с тем, что уже известно другим, глушить правдивые сведения и заодно следить за собой, чтобы не проговориться. Растущая нагрузка выдает себя паузами, оговорками, упрощением рассказа, потерей живости изложения, заминками там, где задают уточняющие вопросы [4, с.77].

Личный склад тоже весом. Отдельные черты — нарциссизм, психопатические проявления, макиавеллизм — связаны с большей готовностью лгать и большей ловкостью в манипуляции. У таких людей вина и стыд за обман выражены слабее, а поведение они держат успешнее. Влияет и самооценка: при низкой самооценке человек может признать, чтобы выглядеть выигрышнее или уйти от упрека. И наоборот, человек с устойчивым представлением о себе реже прибегает к обману ради того, чтобы понравиться. Все эти черты сами по себе лжи не доказывают, но объясняют, почему один допрашиваемый выдает себя быстро, а другой держится ровно от начала до конца.

Весом и такой момент, как собственные взгляды человека на допустимость лжи. Что он думает о нравственной стороне обмана и о том, где соврать позволительно, — это заметно отражается и на содержании показаний, и на их форме.

К физиологическим факторам относятся реакции автономной нервной системы, которая регулирует непроизвольные процессы: частоту сердечных сокращений, дыхание, потоотделение, кровяное давление и иные показатели. Когда человек лжет, автономная нервная система может активизироваться вследствие стресса и тревоги, связанных с обманом. Эти изменения могут фиксироваться с помощью полиграфа, однако их интерпретация требует осторожности [9, с.40].

Микровыражения — мгновенные, неподвластные воле движения лица, за которыми проступают настоящие эмоции, даже когда человек их прячет. Поймать по ним расхождение между словами и чувством можно, вот только без подготовки заметить их почти нереально: длятся они доли секунды [8, с.82].

Движения глаз в части исследований подаются как возможная примета обмана. Скажем, говоря неправду, человек чаще отводит взгляд или чаще моргает. Только закономерность эта ни всеобщей, ни надежной не является — слишком многое зависит от самого человека и от культуры, в которой он вырос.

Ложь может отзываться и в голосе. Тон идет выше, темп речи меняется, голос подрагивает или срывается, уверенность в нем падает. А нервозность, почесывания, уход от взгляда и прочие невербальные приметы говорят о напряжении — но факт лжи сами по себе не подтверждают.

Речевой ряд — это то, как построено и чем наполнено сказанное. Кто сообщает неправду, часто прибегает к особым приемам, чтобы версия звучала убедительнее. Скажем, реже употребляет «я» и другие местоимения первого лица, говорит менее конкретно, обходит эмоционально окрашенные слова либо, напротив, нагружает речь излишне громоздкими конструкциями [3, с.73].

Структура речи также может свидетельствовать о попытке дистанцироваться от сообщаемой информации. Например, лицо может использовать пассивный залог или безличные конструкции: «ошибка была совершена» вместо «я совершил ошибку». Подобные речевые формы позволяют уменьшить субъективную причастность к описываемым событиям.

Кое-что говорят паузы и слова-заполнители. При возросшей умственной нагрузке человек чаще замолкает, вставляет «ээ», «мм», «как бы», повторяет сказанное или задает встречный вопрос, чтобы выгадать время. Оговорки и сбои в речи тоже нередко связаны с попыткой удержать ложное сообщение под контролем.

Рассказ, выстроенный на вымысле, обычно проигрывает рассказу о пережитом — в логике, в связности, в подробностях. При этом лжец либо обходит детали, способные его выдать, либо заваливает сообщение малозначащими мелочами, чтобы оно выглядело достоверным. Показательна и реакция на вопросы: отвечают уклончиво, обходят прямой ответ, переводят разговор в сторону или задают вопрос сами.

Повторим: никакого одного «сигнала лжи» не существует. Приметы обмана меняются от человека к человеку, от ситуации к ситуации, от культуры к культуре. Вывод по одному признаку недопустим — нужна вся совокупность: психология, физиология, речь, обстоятельства. И не надо забывать, что ошибиться легко, а торопливые заключения тут неуместны [14, с.65].

Добавочный ряд — культурные различия, возраст, пол, обстановка. Невербальный сигнал, который в одном обществе прочитают как ложь, в другом окажется обычной манерой держаться. У детей опыта обмана обычно меньше, чем у взрослых, и противоречия в их показаниях всплывают легче. Часть работ указывает на разницу в приемах лжи у мужчин и женщин, но разница эта не абсолютна. Наконец, сама обстановка, в которой человек общается неправду, тоже заметно влияет на то, как эта неправда проявится.

Таблица 1. Психологические, физиологические и лингвистические факторы, влияющие на проявление лжи [16; с.60]

Фактор	Категория	Описание	Примеры проявления лжи
Страх разоблачения	Эмоциональный	Боязнь негативных последствий, таких как наказание, отвержение, потеря доверия	Учащенное сердцебиение, потливость, избегание зрительного контакта, нервозность в голосе
Когнитивная нагрузка	Когнитивный	Ложь требует больше умственных усилий, чем правда, поскольку необходимо создавать и поддерживать альтернативную реальность, следить за последовательностью и подавлять правдивую информацию	Паузы в речи, обдумывание ответов, использование сложных предложений, снижение выразительности жестов
Чувство вины	Эмоциональный	Осознание аморальности или неприемлемости лжи может вызывать внутренний дискомфорт	Избегание темы, оправдания, неискреннее раскаяние, попытки изменить тему разговора
Самоконтроль	Когнитивный	Способность контролировать эмоции, поведение и речь. Чем лучше развит самоконтроль, тем сложнее распознать ложь	Мимика и жесты кажутся естественными, речь хорошо структурирована, физиологические признаки стресса минимальны
Мотивация	Мотивационный	Сила желания обмануть. Высокая мотивация, например стремление избежать серьезного наказания, может как облегчить, так и затруднить сокрытие лжи	Может проявляться в чрезмерной убедительности либо, напротив, в скованности и нерешительности

Таблица 1 (продолжение)

Фактор	Категория	Описание	Примеры проявления лжи
Изменение пульса	Физиологический	Стресс, связанный с ложью, может вызывать учащение пульса	Наблюдается при мониторинге сердечного ритма
Изменение дыхания	Физиологический	Дыхание может становиться более частым и поверхностным либо, напротив, задерживаться	Заметно по изменению ритма дыхания, появлению вздохов
Потливость	Физиологический	Усиленное потоотделение, особенно на ладонях и лице, является признаком активации симпатической нервной системы	Может быть визуально заметно
Изменение мимики	Физиологический	Микровыражения — краткие непроизвольные выражения лица, отражающие истинные эмоции, которые человек пытается скрыть	Заметны при замедленном просмотре видеозаписи, требуют специальной подготовки для распознавания
Движения глаз	Физиологический	Избегание зрительного контакта, частое моргание, движения глаз в сторону могут рассматриваться как возможные признаки напряжения	Следует учитывать культурные особенности и индивидуальные привычки
Уклонение от ответа	Речевой	Избегание прямого ответа на вопрос, использование расплывчатых формулировок, перефразирование вопроса	«Это сложный вопрос...», «Я не уверен, что правильно понял вопрос...», «Давайте поговорим об этом позже...»
Детализация	Речевой	Предоставление избыточного количества деталей, особенно ненужных или нелогичных	«Я помню, что в тот день было солнечно, и я был одет в синюю рубашку, которую мне подарила мама на день рождения три года назад...»
Негативные эмоции	Речевой	Частое использование отрицательных слов и фраз, выражающих сомнение, неуверенность или дистанцирование	«Я не думаю...», «Я не уверен...», «Возможно...», «Не знаю...»
Дистанцирование	Речевой	Использование безличных конструкций, избегание местоимения «я», перекладывание ответственности на других	«Было принято решение...», «Так получилось...», «Он сказал...»
Речевые ошибки	Речевой	Оговорки, запинки, повторения слов, нарушение грамматики	Заметны при анализе устной речи

Ни одна из перечисленных примет стопроцентной гарантии не дает. Держать в поле зрения надо и обстановку, и личность человека, и его культурные особенности. Точнее вывод получается там, где разбирают приметы в совокупности, а не по отдельности. Торопливые заключения на одних внешних проявлениях недопустимы [12, с.99].

Многое зависит от подготовки и опыта — и когда лгут, и когда ложь распознают. Тот, кто обучен приемам допроса и выявления обмана, обычно читает ложь лучше человека без такой подготовки: он знает, за какими признаками следить, как ставить вопросы, как понимать словесные и несловесные сигналы. Но и обратная сторона есть: опытный лжец, особенно с навыком манипуляции, успешнее прячет обман и даже противостоит инструментальным методикам. Такие люди держат под контролем

эмоции, мимику, голос и выстраивают сложные линии ложного поведения [17, с.159].

Ложь проявляется непросто — тут переплетены психология, физиология и речь. Со стороны психологии дело в умственной нагрузке: надо не только собрать недостоверную историю, но и придавать правдивые сведения, а вместе с этим следить за реакцией собеседника, проверяя, идет ли обман. Заметно влияет и мотив — уйти от наказания, получить выгоду, выгородить другого. Страх разоблачения, вина, собственные нравственные установки добавляют внутреннего напряжения, и ложь от этого делается виднее.

Физиология важна потому, что нервная система откликается на стресс и тревогу, которые идут рука об руку с обманом. Пульс частит, давление растёт, дыхание меняет ритм, выступает пот, расширяются зрачки — все это

непроизвольные отклики организма, способные сопровождать ложь. Однозначными приметами обмана они, однако, не являются: причины бывают совсем иные — волнение, страх, усталость, состояние здоровья или сама обстановка процессуального разговора [11, с.117].

О недостоверности сведений порой говорят и особенности речи. Тот, кто сообщает неправду, нередко строит длинные и путанные фразы, обходит прямые ответы, прибегает к эвфемизмам и уклоняется от местоимения «я», чтобы отодвинуться от сказанного. Существенных деталей в его рассказе меньше, формулировки звучат неуверенно, паузы возникают чаще, а слова-паразиты идут одно за другим. Разбор того, что и как сказано, вместе с несловесными сигналами — тоном голоса, мимикой — помогает выйти на приметы обмана [3, с.74].

Три названные группы связаны между собой не просто и подвижно. Психическое состояние отзывается на телесных реакциях, а телесные сдвиги, в свою очередь, дают о себе знать в речи. Страх разоблачения, скажем, подстегивает пульс и потоотделение — и речь после этого звучит неуверенно и путано. Потому при выявлении лжи все три группы надо брать вместе, а не опираться на какую-то одну примету.

Надо понимать, что безошибочного «детектора лжи» не существует. Каждый человек свой, и отзывается на ложь по-своему. Одни умеют спрятать эмоции и удерживать телесные реакции; у других напряжение проступает даже при мелком искажении сведений. Свою поправку вносит и культура. Скажем, там, где уход от прямого взгляда читают как неискренность, в другом обществе то же самое означает уважение. Прибавьте к этому разницу в возрасте, в состоянии здоровья, в привычке говорить с людьми в форме — и станет ясно, почему одна и та же

примета у двух допрашиваемых значит совсем разное. Отсюда и вывод: любой прибор и любая методика дают лишь вероятность, которую еще предстоит проверить другими сведениями по делу.

Инструменты для выявления лжи, прежде всего полиграф, снимают телесные показатели — пульс, дыхание, кожно-гальваническую реакцию, потоотделение. Абсолютной достоверности его результаты не дают: на них влияет и состояние человека, и его подготовленность, и здоровье, и условия проверки, и квалификация специалиста. Разумнее видеть в них дополнительный ориентир, а не единственное доказательство обмана [5, с.90].

Нейронаука предлагает свои подходы к выявлению лжи. Нейровизуализация, в частности функциональная магнитно-резонансная томография, дает возможность посмотреть, как работают разные области мозга, пока человек сообщает недостоверные сведения. По отдельным работам, при лжи оживают зоны, отвечающие за умственный контроль и подавление правдивых сведений. Вместе с тем до практического применения тут далеко: методики еще разрабатываются, а вокруг них хватает этических, правовых и организационных вопросов.

Итак, ложь проявляется не просто, и стоит за этим целый набор обстоятельств. Простого и полностью надежного способа ее вскрыть не придумано. Оценивая недостоверность показаний, приходится брать вместе психологические, физиологические и речевые приметы, а вместе с ними — обстановку, особенности самого человека и процессуальные условия получения сведений. Критическое мышление, внимательность, умение разобрать сведения тут главные навыки, но даже с ними стопроцентной точности вывода не будет.

Литература:

1. Александров И. В. Криминалистика: тактика и методика: учебник для вузов / И. В. Александров. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 313 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-02335-0. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/561372> (дата обращения: 19.08.2026).
2. Артемьева А. С. Ложь, её диагностические признаки и изобличение ложных показаний при допросе // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд на будущее: материалы всероссийской научно-практической конференции. — СПб., 2016. — С. 25–28.
3. Асямов С. В. Стратегия выявления лжи [Электронный ресурс] // Щит. — 2006. — № 1. С.69–74- URL: <http://yurpsy.com/files/stat/7.htm> (дата обращения: 19.08.2026).
4. Башкатова Н. И., Клипенко Е. П. Перспектива применения полиграфа при допросе в процессе расследования преступлений // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сборник статей по материалам 76-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2020 год. — Краснодар, 2021. — С. 75–77.
5. Белкин А. Р. Ещё раз о полиграфе, о текущем моменте и о судебной экспертизе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2016. — № 6 (29). — С. 79–91.
6. Енгальцев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н. Методика выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий): монография. — М.: Юрлитинформ, 2017. — 129 с.
7. Корнеева А. Н. Оценка достоверности показаний потерпевшего // Научный журнал КубГАУ — Scientific Journal of KubSAU. — 2010. — № 62. С.95–112- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-dostovernosti-pokazaniy-poterpevshego> (дата обращения: 19.08.2026).
8. Помаз Г. С. Использование возможностей психологической науки при производстве допроса подозреваемых, обвиняемых и потерпевших // Философия права. — 2016. — № 2 (75). — С. 79–83.

9. Родивилина В. А., Машков С. А., Зубенко Е. В. Изобличение лжи при производстве следственных действий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2019. — № 2. — С. 39–45.
10. Савенков А. И. Психология противодействия лжи и манипулированию: учебник для вузов / А. И. Савенков. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 241 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5–534–15538–9. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/568319> (дата обращения: 19.08.2026).
11. Свободный Ф. К. Полиграф в деятельности правоохранительных органов: проблемы и перспективы применения // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2008. — № 314. С.112–119- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poligraf-v-deyatelnosti-pravoohranitelnyh-organov-problemy-i-perspektivy-primeneniya> (дата обращения: 19.08.2026).
12. Скабелина Л. А. Основы судебно-психологической экспертизы: учебник для вузов / Л. А. Скабелина. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 108 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5–534–17955–2. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/568765> (дата обращения: 19.08.2026).
13. Словарь психолога-практика / сост. С. Ю. Головин. — 2-е изд., перераб. и доп. — Мн.: АСТ, 2001. — 976 с. — (Библиотека практической психологии).
14. Смирнова С. А., Макушкин Е. В., Аснис А. Я., Васьков Е. В., Дозорцева Е. Г., Сафуанов Ф. С., Шишков С. Н., Шипшин С. С., Ошевский Д. С., Бердников Д. В., Секераж Т. Н., Калинина А. Н. О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы [Электронный ресурс] // Психология и право. — 2016. — Том 6. — № 3. — С. 61–78. — doi:10.17759/psylaw.2016060306 (дата обращения: 19.08.2026).
15. Тарасов А. Н. Психология корпоративного мошенничества: учебник и практикум для вузов / А. Н. Тарасов. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 320 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5–534–01053–4. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/560622> (дата обращения: 19.08.2026).
16. Центров Е. Е., Подвойский К. В. Криминалистическая диагностика лжи: теоретические основы // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2016. — № 4. — С. 59–67.
17. Чернышева Е. В. Полицейская психология: учебное пособие / Е. В. Чернышева, К. В. Злоказов. — Екатеринбург, 2016. 218 с. — Гл. II: Психология расследования преступлений.

Место противоправности в конструкции состава гражданского правонарушения

Григина Влада Витальевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена исследованию места противоправности в конструкции состава гражданского правонарушения, а также анализу трансформации этой конструкции в специальных и усечённых деликтах. Актуальность темы обусловлена отсутствием нормативного закрепления четырёхэлементной модели состава, дискуссионностью вопроса о количестве обязательных элементов и потребностью правоприменительной практики в предсказуемом определении пределов деликтной ответственности. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие при причинении вреда и привлечении лица к гражданско-правовой ответственности, а также доктринальные подходы к пониманию состава гражданского правонарушения и его элементов. Цель работы состоит в обосновании тезиса о том, что противоправность является не рядовым элементом состава, а его системообразующим и первичным условием, определяющим саму возможность возложения деликтной ответственности. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы: формально-логический, формально-юридический, а также метод анализа судебной практики.

Ключевые слова: состав гражданского правонарушения, противоправность, деликтная ответственность, условия ответственности; усечённый состав.

Конструкция состава гражданского правонарушения заимствована из общей теории права и уголовно-правовой доктрины, где под составом правонарушения понимается совокупность четырёх элементов: объекта, субъекта, объективной стороны, характеризующей внешние

признаки деяния, и субъективной стороны, отражающей отношение субъекта к содеянному [6].

Однако применение четырёхэлементной модели к гражданскому правонарушению встречает обоснованные возражения. Это обусловлено тем, что в гражданском

праве вина имеет более объективный характер (п. 1 ст. 401 ГК РФ), допускается ответственность без вины, а тяжесть вины, мотивы и цели правонарушения по общему правилу не влияют на размер возмещения [6]. Кроме того, сама категория состава в гражданском праве не закреплена нормативно и не тождественна основанию ответственности: основанием выступает нарушение субъективного гражданского права, тогда как вина, вред и причинная связь выполняют функцию условий ответственности.

С. А. Параскевова, например, полагает, что термин «состав гражданского правонарушения», привнесенный в частное право из публичного права — отраслей диаметрально противоположных по своей сущности, целям и функциям, да еще и не имеющий в цивилистике практического значения, — является чуждым гражданско-правовой науке [12].

Однако, термин «состав гражданского правонарушения» используется юридической наукой; традиционно в доктрине гражданского права под составом гражданского правонарушения понимается совокупность установленных законом юридических фактов (условий), необходимых и достаточных для возложения на правонарушителя мер гражданско-правовой ответственности, которая по общему правилу включает четыре элемента: противоправность поведения, наличие вреда (убытков), причинно-следственную связь между противоправным поведением и наступившим вредом, а также вину правонарушителя [2]. Все элементы состава в совокупности являются основанием ответственности, а отсутствие одного из условий, как правило, освобождает от неё; в установленных законом случаях допускается усечённый состав, когда вина отсутствует, а обязанность возмещения вреда сохраняется [5].

Среди ученых существуют разные подходы к определению элементов состава, например, С. С. Алексеев выделил следующие ключевые составляющие гражданского правонарушения: субъект, объект, противоправность, нанесенный вред и причинная связь, связывая вину с применением гражданско-правовых последствий [1]. По мнению О. С. Иоффе, в состав входит объект, вина и причинная связь между противоправным поведением и наступившими последствиями [6]. В. П. Грибанов объединил теорию состава и теорию основания и условий ответственности, понимая под составом совокупность общих, типичных условий: наличие прав и обязанностей, нарушение которых влечёт ответственность; противоправное нарушение обязанностей и соответствующих прав других лиц; наличие вреда; причинную связь; вину [6].

На наш взгляд, практическая потребность в чётком наборе элементов объясняется тем, что именно они очерчивают пределы деликтной ответственности. Существующая четырёхэлементная модель представляет собой теоретическую абстракцию, не имеющую нормативного закрепления, разные ученые по-разному определяют количество элементов состава. Однако применение именно этой модели, на наш взгляд, является оправданным поскольку она описывает совокупность условий деликтной

ответственности, устойчивым ядром которой остается противоправность, вред, причинная связь и вина.

В доктрине сложилось несколько подходов к содержанию противоправности. Согласно первому из них противоправность понимается как объективное несоответствие поведения лица модели должного поведения, вытекающей из императивной нормы закона, договора, обычая или общего принципа недопустимости причинения вреда, причём независимо от того, знал ли правонарушитель о неправомерности своего поведения; в этом понятии отражается лишь сам факт такого несоответствия требованиям законодательства [10].

Второй подход к пониманию противоправности является более широким и связывает её с нарушением чужого субъективного права. Л. А. Чеговадзе отмечает, что противоправным является деяние, которым нарушается субъективное право, обеспеченное абсолютной защитой, и для обоснования притязания на защиту достаточно доказать, что деяние, которым причинён вред, не дозволено (запрещено) законом либо совершено за пределами дозволенного [11]. При таком понимании противоправность не сводится к формальному нарушению предписания, а охватывает всякое посягательство на охраняемое право, в том числе совершённое действием, прямо законом не запрещённым. Аналогичной логики придерживается и С. М. Мостовой, подчёркивающий, что противоправность поведения причинителя вреда одновременно нарушает и правовую норму (общее или специальное предписание либо запрет), и субъективное право, охраняемое этой нормой [8].

Для деликтного права предпочтительным представляется широкий подход, поскольку он позволяет признать противоправным причинение вреда и правомерными по форме действиями, если они посягают на абсолютно защищённое право потерпевшего. Именно это понимание и предопределяет место противоправности в структуре состава гражданского правонарушения.

В четырёхэлементной модели противоправность традиционно рассматривается в рамках объективной стороны, поскольку характеризует внешнее проявление поведения причинителя вреда и его несоответствие правовым предписаниям. Объективная сторона охватывает деяние, его вредоносный результат и причинную связь между ними, и в этой триаде противоправность выполняет связующую функцию, превращая фактическое причинение вреда в юридически значимое основание ответственности [6]. Противоправность позволяет установить юридически значимую связь между поведением причинителя вреда и неблагоприятными последствиями для потерпевшего [3].

Такое понимание опирается на п. 1 ст. 1064 ГК РФ, который называет в качестве условий возмещения вреда — сам вред и лицо, его причинившее. Противоправность здесь не выделена отдельно, но подразумевается, так как обязанность возместить вред возникает лишь тогда, когда причинение вреда не дозволено. При внедоговорном при-

чинении вреда противоправность достаточно установить в самом общем виде [6]. Это отражает объективный характер противоправности, поскольку она презюмируется при любом причинении вреда, кроме случаев, когда причинение дозволено [4].

Исходя из п. 2 и п. 3 ст. 1064 ГК РФ именно причинитель вреда должен опровергать и вину, и дозволенность своего поведения. Л. А. Чеговадзе предлагает изложить п. 2 ст. 1064 ГК РФ в следующей редакции: «лицо освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинён не в связи с его деянием либо деяниями, дозволенными законом или договором» [11]. При таком изложении противоправность приобретает значение центрального элемента объективной стороны.

Отметим, что противоправность не тождественна деянию: деяние — факт действительности, а противоправность — его юридическая характеристика, результат сравнения поведения с требованиями права.

Во внедоговорной сфере противоправность выражается в нарушении общего запрета причинять вред (п. 1 ст. 1064 ГК РФ). При квалификации противоправности суд исходит не только из формального нарушения, но и из оценки добросовестности и разумности поведения стороны (п. 4 ст. 1 ГК РФ); противоправность одновременно нарушает и правовую норму, и субъективное право [8].

Структура состава гражданского правонарушения в специальных деликтах трансформируется. При причинении вреда источником повышенной опасности ответственность наступает независимо от вины, а поведение причинителя не подлежит анализу — значение имеют лишь вред и причинная связь [6]. Субъективная сторона утрачивает значение, тогда как противоправность сохраняется в виде запрета причинять вред источником повышенной опасности. Специальный деликт всегда обладает дополнительными характеристиками, а противоправность в нём может проявляться в нарушении специальных правил и требований, установленных для определённых видов деятельности или категорий субъектов [3].

Ещё показательнее усечённые составы: обязанность возместить вред независимо от вины при причинении вреда потребителю вследствие недостатков товара включает, по Д. Н. Кархалеву, лишь вред, противоправность и причинную связь [6]. Закон допускает усечённый состав, когда вина отсутствует, а обязанность возмещения сохраняется [5]. При исключении вины противоправность продолжает оставаться в числе обязательных условий.

Особое место занимает субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: формулировки правонарушения менялись — с 2002 г. ответственность связывалась с банкротством должника, с 2009 г. — с вредом имущественным правам кредиторов, с 2016 г. — с признанием должника несостоятельным, с 2017 г. — с невозможностью полного погашения требований кредиторов, — однако во всех редакциях противоправное поведение оставалось первым условием ответственности, а причинная связь презюмировалась.

Условия этой ответственности раскрываются через четыре элемента: противоправное поведение, вредные последствия, причинную связь и вину. Противоправность здесь устанавливается через недобросовестность и отклонение от обычного предпринимательского риска, то есть имеет оценочный характер.

Таким образом, противоправность занимает место элемента объективной стороны, выражающего недозволенность поведения причинителя вреда. Она не растворяется в деянии, вреде или причинной связи, а представляет их обобщённую юридическую оценку; в деликтном праве она, как правило, не подлежит отдельному доказыванию и презюмируется. При изменении набора условий деликтной ответственности противоправность сохраняет положение первого и универсального условия: вина может исключаться, причинная связь — презюмироваться, однако противоправность присутствует в любой конфигурации ответственности, что позволяет рассматривать её как системообразующее условие состава.

Конституционный Суд РФ к общим основаниям ответственности за причинённый вред относит наступление вреда, противоправность поведения причинителя, его вину и причинную связь между деянием и наступлением вреда [6]. Аналогичные выводы содержатся в постановлениях от 15 июля 2009 г. № 13-П, от 7 апреля 2015 г. № 7-П, от 8 декабря 2017 г. № 39-П, определениях от 4 октября 2012 г. № 1833-О, от 15 января 2016 г. № 4-О, от 19 июля 2016 г. № 1580-О [6]. При этом суд подчёркивает необходимость установления состава гражданского правонарушения, но не рассматривает его в том виде, в каком его понимает уголовно-правовая наука [6]. Тем самым высший орган конституционного контроля признаёт, что перечень условий ответственности не совпадает с классическим четырёхэлементным составом, а противоправность занимает среди них самостоятельное и обязательное место.

В постановлении от 7 апреля 2015 г. № 7-П определяющее значение было отведено причинно-следственной связи действий угонщика с утратой автомобиля [11]. Этот пример показывает, что при определении условий деликтной ответственности суды не ограничиваются констатацией противоправности, а исследуют всю совокупность условий во взаимосвязи; вместе с тем он не опровергает тезис о системообразующем характере противоправности, поскольку сама возможность постановки вопроса о причинной связи предполагает, что поведение причинителя уже квалифицировано как недозволенное.

Верховный Суд РФ в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.02.2019 № 16-КГ18-53 также указывает на противоправность как на обязательный элемент состава. В деле о возмещении убытков, причинённых судебным приставом, суд отметил, что для наступления ответственности необходимо наличие состава правонарушения, включающего наступление вреда, противоправность поведения причинителя, причинно-следственную связь и вину [6]. Применительно к процентам по ст. 395 ГК РФ суд указал, что они взыски-

ваются лишь при наличии полного состава правонарушения: необходимо неправомерное неисполнение денежного обязательства и пользование чужими средствами вследствие неправомерного удержания [6]. Здесь противоправность и её проявление прямо названы условиями ответственности.

Судебная практика Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ последовательно называет противоправность первым среди условий деликтной ответственности, не воспроизводя уголовно-правовую модель механически [6], и наполняет её содержанием, производным от существа конкретного деликта, в том числе в делах о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц.

Резюмируя изложенное, противоправность следует рассматривать не как рядовой элемент состава, а как его

системообразующее и первичное условие, определяющее саму возможность возложения деликтной ответственности: она очерчивает круг ситуаций, в которых причинение вреда влечёт обязанность его возмещения, и исключает случаи дозволенного причинения вреда [9]. Вина, вред и причинная связь лишь конкретизируют эту возможность, но не способны заменить противоправность в её функции первичного условия. Установление противоправности должно предшествовать оценке иных условий, а бремя доказывания дозволенности деяния следует возлагать на причинителя вреда; уточнение п. 2 ст. 1064 ГК РФ через указание на дозволенность деяния законом или договором как основание освобождения от возмещения вреда повысило бы определённую правоприменения [11].

Литература:

1. Гражданское право: Учебник / С. С. Алексеев, С. А. Степанов, Д. В. Мурзин, Д. С. Владимирова. — 5-е издание. — М., 2020. — 448 с. — Текст: непосредственный.
2. Гражданское право: Учебное пособие / Е. Г. Шаблова, О. В. Жевняк. — Изд-во Урал. ун-та. — Екатеринбург, 2023. — 228 с. — Текст: непосредственный.
3. Агibalова, Е. Н. Современное содержание противоправности деликта и расширение границ правопонимания данной категории / Е. Н. Агibalова. — Текст: непосредственный // Закон и право. — 2025. — № 6. — С. 150–157.
4. Красильникова, Д. В. Противоправность как условие наступления деликтной ответственности / Д. В. Красильникова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 25 (263). — С. 311–313.
5. Крысанова, Н. В. Деликтные обязательства и ответственность в гражданском праве / Н. В. Крысанова. — Текст: непосредственный // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. — 2024. — № 2. — С. 217–227.
6. Кукушкин, А. А. Категория «состав правонарушения» в современном гражданском праве и правоприменительной практике / А. А. Кукушкин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 43 (490). — С. 149–152.
7. Манасян, Т. В. Вред как условие деликтной ответственности / Т. В. Манасян. — Текст: непосредственный // Новый юридический вестник. — 2020. — № 6 (20). — С. 40–42.
8. Мостовой, С. М. Основания и условия возникновения обязательств из причинения вреда / С. М. Мостовой. — Текст: непосредственный // Теория и практика общественного развития. — 2010. — № 4. — С. 202–207.
9. Палиенко, И. В. Пределы деликтной ответственности в российском праве (проблема чистых экономических убытков) / И. В. Палиенко. — Текст: непосредственный // Юридическая наука. — 2019. — № 12. — С. 49–52.
10. Саулин, Я. С. Признаки гражданского правонарушения / Я. С. Саулин. — Текст: непосредственный // Вестник магистратуры. — 2019. — № 3–2 (90). — С. 191–192.
11. Чеговадзе, Л. А. От притязания до права в деликтных обязательствах / Л. А. Чеговадзе. — Текст: непосредственный // Правовая парадигма. — 2018. — № Т. 17, № 1. — С. 16–21.
12. Чиндяскин, Н. А. О месте понятия «Состав гражданского правонарушения» в теории гражданского права / Н. А. Чиндяскин. — Текст: непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. — 2012. — № 4. — С. 76–79.

Применение адвокатом цифровых платформ в уголовном судопроизводстве

Гудкова Диана Дмитриевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Понятие «цифровая платформа» не имеет легального определения в отраслевом законодательстве об адвокатуре, что порождает известную терминологическую неопределенность. В доктрине под цифровой платформой

применительно к деятельности защитника принято понимать программно-техническую инфраструктуру, обеспечивающую сбор, хранение, передачу и обработку процессуально значимой информации между адвокатом и иными

участниками уголовного судопроизводства [1]. Л. А. Воскобитова предлагает более узкую трактовку, ограничивая явление системами, обладающими признаком институциональной легитимности — то есть встроенными в официальную процессуальную инфраструктуру, а не любыми техническими сервисами связи.

Существенным признаком подобной платформы выступает функция удостоверения подлинности передаваемых сведений. Электронная подпись, применяемая адвокатом при направлении ходатайств через ГАС «Правосудие», выполняет ту же роль, которую в традиционном обороте выполняет собственноручная подпись на бумажном носителе — данный принцип закреплен в статье 6 Федерального закона № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [2]. Однако распространение этого правила на уголовно-процессуальные отношения долгое время оставалось дискуссионным: статья 474.1 УПК РФ впервые прямо допустила подачу ходатайств, жалоб и иных документов в электронном виде [3].

Отдельного упоминания заслуживает мобильное приложение Федеральной палаты адвокатов, интегрированное с КИС АР и позволяющее проверять статус адвоката, действительность ордера и полномочия защитника в режиме реального времени. Функционал подобного рода снижает риск процессуальных злоупотреблений, связанных с подложными удостоверениями, хотя полностью не устраняет проблему верификации личности на удаленных сеансах связи.

Правоприменительная практика обнаруживает существенный разрыв между декларированной возможностью электронного взаимодействия и реальной готовностью органов расследования принимать такие обращения. Формально статья 474.1 УПК РФ допускает подачу ходатайства в электронной форме, но конкретный порядок технической реализации оставлен на усмотрение ведомственных инструкций, что порождает региональную неоднородность правоприменения.

Отдельную проблему составляет использование мессенджеров для оперативной связи адвоката с доверителем, находящимся под стражей. П. С. Пастухов отмечает, что переписка в приложениях типа Мах (мессенджер с функцией шифрования сообщений) формально не относится к процессуальным средствам связи, однако фактически выполняет функцию подготовки позиции защиты [4]. Риск утечки конфиденциальной информации при таком способе взаимодействия существенно выше, чем при использовании защищенных корпоративных каналов КИС АР, поскольку большинство коммерческих мессенджеров не подпадают под требования об аккредитации.

Значимой является и проблема идентификации личности при дистанционном участии защитника в судебном заседании посредством системы веб-конференции. Е. В. Марковичева приводит данные, согласно которым в 2023 году в судах общей юрисдикции нескольких субъектов, зафиксированы случаи, когда технический сбой связи во время допроса свидетеля привел к невозмож-

ности адвоката своевременно заявить возражение против наводящего вопроса [5]. Подобные инциденты ставят под сомнение полноценность реализации принципа состязательности при дистанционном формате защиты — при том что отказаться от такого формата полностью невозможно ввиду его безусловных логистических преимуществ.

Пробел в правовом регулировании касается прежде всего конкретизации способов электронной подачи документов, а не концептуального признания цифровизации как явления. Статья 474.1 УПК РФ носит рамочный характер и требует детализации через подзаконные акты, что само по себе создает риск разноречивого толкования на местах.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» отчасти сняло остроту проблемы, разъяснив, что суды обязаны принимать документы, поданные через любую систему, обеспечивающую фиксацию времени отправки и подписанную квалифицированной электронной подписью, независимо от ведомственной принадлежности данной системы [6]. Однако формулировка постановления не охватывает стадию досудебного производства, где основная нагрузка по приему электронных обращений лежит на следователе, а не на суде.

С учетом изложенного представляется целесообразным внести следующие изменения в действующее законодательство:

- дополнить статью 474.1 УПК РФ положением, устанавливающим единый момент подачи электронного документа — момент фиксации отправки в исходной системе, а не момент регистрации получателем;
- закрепить в ведомственных инструкциях Следственного комитета РФ и МВД России обязанность принимать документы, поступившие через КИС АР, наравне с документами, поступившими через ГАС «Правосудие»;
- предусмотреть в Законе об адвокатуре институт «электронного ордера», интегрированного с КИС АР и автоматически верифицируемого следственными органами без дополнительного бумажного подтверждения;
- установить минимальные технические требования к региональным системам видеоконференцсвязи, обеспечивающим участие защитника в следственных действиях, с обязательным резервированием канала связи.

Проведенное исследование позволило установить, что цифровые платформы прочно вошли в профессиональный инструментарий защитника, не изменив при этом сущностного содержания его процессуальных прав и обязанностей. Правовая природа таких платформ носит вспомогательный характер: они обслуживают коммуникативную, фиксирующую и контрольную функции, но не подменяют личного участия адвоката в следственных и судебных действиях, требующих непосредственного восприятия обстоятельств дела.

Литература:

1. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. 2019. С. 93–94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnoe-sudoproizvodstvo-i-tsifrovye-tehnologii-problemy-sovmestimosti/viewer> (дата обращения: 18.09.2026).
2. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 63-ФЗ. (дата обращения: 17.09.2026).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 174-ФЗ. (дата обращения: 17.09.2026).
4. Пастухов П. С. Роль и значение специальных знаний в информационно-технологическом обеспечении уголовно-процессуального доказывания // Вестник Пермского университета. 2014. С. 298–304. (дата обращения: 18.09.2026).
5. Марковичева Е. В. Влияние информационных технологий на систему гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства // Правосудие. 2025. № 3. С. 165–168. (дата обращения: 17.09.2026).
6. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 57. (дата обращения: 17.09.2026).

Некоторые особенности криминалистической характеристики лиц, совершающих преступления в сфере незаконного оборота оружия при использовании сети «Интернет»

Дзевенис Анфиса Ивановна, студент

Научный руководитель: Пудовикова Татьяна Феликсовна, кандидат юридических наук, доцент
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Хабаровск)

В статье рассматриваются основные характеристики личности правонарушителей, которые совершают преступление в сфере незаконного оборота оружия при использовании информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», как одного из основных элементов криминалистической характеристики.

Ключевые слова: личность преступника, незаконный оборот оружия, сеть Интернет, криминалистическая характеристика, субъект преступления.

Certain features of the forensic characterization of individuals committing crimes related to illicit arms trafficking via the Internet

Dzevenis Anfisa Ivanovna, student

Scientific advisor: Pudovikova Tatyana Feliksovna, candidate of law, associate professor
Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Khabarovsk)

The article examines the key personality characteristics of offenders who commit crimes involving the illicit arms trade via the Internet—characteristics that constitute one of the fundamental elements of the forensic profile of such crimes.

Keywords: offender profile, illicit arms trafficking, the Internet, forensic characteristics, perpetrator.

Изучение личности преступника — ключевой элемент в выявлении связи между лицом, совершившим преступление, и самим противоправным деянием.

В характеристиках личности заключены ценные для расследования сведения: они помогают спрогнозировать возможный механизм преступления, ограничить список вероятных подозреваемых, а также выстроить аргументи-

рованные следственные версии — с опорой на черты характера и типичные модели поведения преступника.

Исследование преступлений в сфере незаконного оборота оружия позволяет проследить устойчивые социально-демографические тенденции:

1. Гендерная специфика. Преобладающее число таких правонарушений совершают мужчины. Причина кроется

в особенностях самого объекта преступления: владение и использование оружия исторически связано с традиционно «мужскими» сферами — службой в армии и силовых ведомствах, охотой. Кроме того, именно мужчины чаще обладают фактическим доступом к оружию.

2. Возрастная динамика. Наиболее высокий уровень криминальной активности наблюдается в возрастной категории 20–35 лет. Во многом это обусловлено прохождением военной службы: в этот период люди осваивают навыки обращения с оружием и нередко получают к нему доступ.

3. Тенденция к снижению преступности в старших возрастных группах.

4. В диапазоне 31–40 лет количество подобных преступлений сокращается. Среди возможных факторов — переориентация на иные жизненные цели, уменьшение склонности к рискованным поступкам, а также достижение большей социальной и экономической стабильности.

В криминологической науке распространена типология личностей преступников, разработанная Г. А. Бойко. В рамках этой классификации различают три ключевых типа:

1. Особо устойчивый криминогенный тип. Представители данной группы отличаются прочно сформированными антиобщественными взглядами — для них преступная деятельность — привычное поведение. Среди характерных черт — эгоцентричность, отсутствие эмоциональной отзывчивости, циничное отношение к окружающим, игнорирование морально-нравственных норм, а также склонность к противоправным действиям, включая преступления, связанные с незаконным оборотом оружия.

2. Лица с умеренной предрасположенностью к преступному поведению. Поступки таких людей во многом определяются внешними факторами: они гибко подстраиваются под обстоятельства и подбирают оптимальные способы реализации преступного замысла. Им присущи импульсивность, агрессивность, грубость и невысокий уровень интеллектуального развития. Зачастую они играют роль исполнителей в групповых преступлениях — как в рамках предварительного сговора, так и в составе организованных формирований. В числе возможных противоправных действий — использование оружия при разбоях либо его хищение с целью мести либо для побега из мест заключения.

3. Ситуативный (неустойчивый) тип. В обычных условиях такие люди ведут себя законопослушно; к совершению преступлений (в том числе в области незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и устройств) их подталкивают неблагоприятные жизненные обстоятельства. Для них типичны недостаточная сила воли, трудности в преодолении сложных ситуаций и высокая подверженность чужому влиянию [1, с. 55–56].

При установлении сведений об уровне образования лица, привлекаемого к уголовной ответственности, недо-

статочно ограничиться фиксацией формальных показателей. Необходимо также выяснить, владеет ли человек навыками обращения с оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, умеет ли их изготавливать либо ремонтировать. Кроме того, важно оценить широту его кругозора, а также круг интересов и увлечений. Эти данные позволяют глубже раскрыть мотивы подозреваемого, проанализировать его потенциальные возможности и определить, насколько он технически и практически подготовлен к совершению отдельных категорий преступлений.

В ряде уголовных дел можно пронаблюдать, что у лица также имеются специальные навыки. Они могут быть связаны как с бытовой деятельностью, например, проживание лица в сельской местности и наличия у него навыков обращения с оружием, приобретенных в период прохождения военной службы, так и с профессиональной деятельностью лица.

Стоит отметить, что одним из первых вопросов, которые предстоит разрешить в ходе предварительного расследования является установление у лица наличия лицензии, которое, как правило, появляется в следствии осуществлении последним профессиональной деятельности, связанной с владением оружия или боеприпасов.

Решение вопроса о наличии указанных навыков у преступника является составляющей частью процесса доказывания, поскольку такие сведения входят в круг обстоятельств, которые требуется установить в ходе расследования [2, с. 120].

В ходе расследования преступлений, квалифицируемых по ст. 222 и 222.1 УК РФ, важно установить, обладает ли подозреваемый навыками обращения с оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами либо не имеет таковых. Наличие подобных умений может указывать на умысел лица хранить или транспортировать указанные предметы для последующей их модификации либо для незаконного производства оружия, поскольку если в материалах уголовного дела нет подтверждений того, что лицо обладало необходимыми навыками, это может стать поводом для формирования версии о его непричастности к преступлению.

Получение данных о круге интересов и общем уровне осведомлённости подозреваемого помогает выстроить аргументированные версии о мотивах преступления, а также даёт возможность проверить, насколько правдоподобны его прежние показания.

Изучение материалов уголовных дел по преступлениям в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия, совершённым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая интернет), позволило сформировать типичный портрет лица, совершающего такие деяния.

Следует подчеркнуть, что законодательно мотив не относится к числу обязательных признаков субъективной стороны преступлений рассматриваемой категории. По нашему мнению, указанный подход оправдан и логичен

с учётом серьёзной общественной опасности данных противоправных деяний.

В криминологических исследованиях, посвящённых незаконному обороту оружия, в качестве основных обычно называют бытовые, низменные и корыстные мотивы.

Однако, с учетом анализа материалов судебной и следственной практики, позволили распределить мотивы совершаемого преступления, среди которых выделяются:

Корыстные побуждения (составляют большую часть, что обуславливается тем, что зачастую оружие выступает как предмет для совершения более тяжких преступлений имущественного характера, либо преступник занимается незаконным оборотом оружия в целях получения материальной выгоды за оказание услуг по транспортировке или хранению оружия, его частей или боеприпасов);

Бытовые мотивы (использование оружия для охоты, потребность, обусловленная местом проживания или профессиональной деятельности);

Прочие мотивы (приобретение оружия для самозащиты, пренебрежительное отношение к законодательным требованиям, в частности, отсутствие разрешения на хранение оружия либо неисполнение обязанности по регистрации оружия, полученного в порядке дарения или на следования) [3, с. 186].

Стоит отметить, что в настоящее время судебная практика имеет формальное отношение к указанному признаку, поскольку спектр других обстоятельств, подлежащих установлению в ходе предварительного расследования, позволяют определить наиболее полную картину произошедшего преступления.

Чаще всего таким преступником оказывается мужчина в возрасте 36–45 лет, не имеющий семьи. Его образовательный уровень — среднее специальное образование. Он может быть трудоустроен официально на основании трудового договора, либо выполнять разовые работы без оформления трудовых отношений. Сфера его профессиональной деятельности или подработок связана с эксплуатацией токарного оборудования — к примеру, он работает в автомастерских либо в цехах металлообработки. Кроме

того, он обладает практическими навыками обращения с токарными и фрезеровочными станками.

Кроме того, о преступнике по месту работы или учёбы отзываются положительно, поскольку ярко выраженные антисоциальные наклонности ему не свойственны. Главная особенность — наличие навыков работы с информационно-телекоммуникационными сетями, в том числе уверенное пользование интернетом.

Для рассматриваемой категории преступлений владение навыками при использовании информационно-телекоммуникационными сети «Интернет» подразумевает широкий спектр умений в зависимости от объемов совершаемого деяния. Например, организация поставки оружия, боеприпасов или взрывчатки требует глубинных познаний, которые связаны с обращением с теневым сектором сети «Интернет». Обычному пользователю не доступны такие навыки как:

1. Размещение объявлений о куплепродаже оружия на профильных форумах, в социальных сетях и иных интернетплощадках в теневом секторе сети «Интернет»;
2. Обмен сведениями (в том числе в мессенджерах и социальных сетях) о методах изготовления оружия;
3. Умение скрытого распространения в социальных сетях данных о незаконном обороте оружия — в частности, фото и видеоматериалов, а также параллельно ведётся поиск возможных покупателей.
4. Применение анонимных сервисов и VPN-технологий, позволяющих скрыть следы противоправной деятельности.

В свою очередь, для лиц, которые выступают в качестве посредников исполнения преступления в сфере незаконного оборота оружия, достаточно знаний пользования программного обеспечения отслеживания координат, а также наличие подставных «фейковых» профилей в социальных сетях.

Таким образом, личность преступника является одним из ключевых элементов криминалистической характеристики преступления, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Литература:

1. Ахмедшин Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: природа и содержание // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 28.
2. Ключков В. В. Криминалистическая характеристика преступлений: состояние и перспективы исследований // Закон и право. 2024. № 2 (3).
3. Лозовский Д. Н. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений // Криминалистические вопросы борьбы с преступностью. 2021. № 3 (2).

Формирование суда присяжных в России в постреформенный период до современного этапа

Долина Надежда Юрьевна, студент магистратуры

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует формирование суда присяжных в России в постреформенный период до современного этапа.

Ключевые слова: суд присяжных, история, реформа, заседатели, вердикт.

Институт суда присяжных заседателей занимает особое место в истории российского правосудия, представляя собой попытку внедрения демократических принципов в судебную систему и вовлечения граждан в управление правосудия.

Суд присяжных заседателей — это институт общественной власти, имеющий давние корни. Предпосылки его формирования можно обнаружить еще в античных цивилизациях. Данный институт права зародился еще в Российской империи, и в течение продолжительного отрезка времени претерпевал существенные изменения, что позволяет заключить, что первые судебные институты отличались демократичностью и социальной ориентированностью.

Суд присяжных в России появился в результате судебной реформы 1864 года. Идея состояла в том, чтобы вопросы факта, то есть было или не было то или иное событие, решали присяжные, а вопросы права, то есть квалификации деяния, решал судья.

Судебные уставы 1864 года, разработанные под влиянием либеральных идей и западноевропейского опыта, стали отправной точкой для создания суда присяжных в России. Эта реформа была частью масштабных преобразований, направленных на модернизацию страны. Принципы, заложенные в основу на этом этапе развития: гласность судопроизводства. Судебные процессы стали открытыми для публики, состязательность сторон. Обвинение и защита получили равные права в представлении доказательств и аргументов, независимость судей. Судьи стали несменяемыми и подчинялись только закону.

Введение суда присяжных позволило гражданам участвовать в решении вопросов о виновности или невиновности подсудимого. Суд присяжных состоял из 12 присяжных заседателей и трех профессиональных судей. Присяжные решали вопросы факта (виновен/не виновен), а судья — вопросы права и определял меру наказания. Компетенция суда присяжных распространялась на уголовные дела о тяжких преступлениях, наказуемых лишением всех прав состояния (например, убийство, разбой).

Присяжные отбирались из числа лиц, соответствующих определенным требованиям (возраст, гражданство, образовательный ценз, отсутствие судимости). Отбор осуществлялся на основе списков избирателей, что обеспечивало представительство присяжных из разных слоев населения. Значение суда присяжных в дореволюционной России проявлялось в следующем: в повышении доверия

к суду. Здесь понимается, что участие граждан в отправлении правосудия способствовало повышению доверия к судебной системе. В защите прав обвиняемых, то есть суд присяжных обеспечивал более справедливое и беспристрастное рассмотрение дел. В формирование правового сознания. Участие в судебных процессах повышало правовую грамотность населения. Такой подход позволял исключить предвзятость судьи, который был связан вердиктом присяжных.

После реформы 1864 г. судопроизводство с участием присяжных заседателей характеризуется в изменении состава заседателей, компетенции судов, объема их юрисдикции.

Судебные уставы 1864 года, разработанные под влиянием либеральных идей и западноевропейского опыта, стали отправной точкой для создания суда присяжных в России. Эта реформа была частью масштабных преобразований, направленных на модернизацию страны. Принципы, заложенные в основу на этом этапе развития:

- гласность судопроизводства. Судебные процессы стали открытыми для публики;
- состязательность сторон. Обвинение и защита получили равные права в представлении доказательств и аргументов;
- независимость судей. Судьи стали несменяемыми и подчинялись только закону;
- участие граждан в отправлении правосудия. Введение суда присяжных позволило гражданам участвовать в решении вопросов о виновности или невиновности подсудимого.

«Суд присяжных состоял из 12 присяжных заседателей и трех профессиональных судей. Присяжные решали вопросы факта (виновен/не виновен), а судья — вопросы права и определял меру наказания» [1, с.36].

Присяжные отбирались из числа лиц, соответствующих определенным требованиям (возраст, гражданство, образовательный ценз, отсутствие судимости). Отбор осуществлялся на основе списков избирателей, что обеспечивало представительство присяжных из разных слоев населения.

С приходом советской власти эту модель правосудия упразднили. Причины на то были политические. Переход к новому строю, который проходил, в том числе насильственным путем, требовал контролируемого судопроизводства.

Октябрьская революция 1917 года внесла свои коррективы. После прихода к власти большевиков суд присяжных был упразднен как буржуазный институт, не

соответствующий принципам социалистического правосудия. Причины упразднения заключались в следующем:

- классовый подход к правосудию. Советское правосудие руководствовалось классовыми интересами, а не принципами справедливости и законности;
- недоверие к населению. Большевики не доверяли населению и считали, что только революционный пролетариат может правильно отправлять правосудие;
- неэффективность суда присяжных. Советская власть считала суд присяжных медленным и сложным институтом, не способным быстро и эффективно решать задачи революционной законности;
- замена суда присяжных народными заседателями.

В советской судебной системе роль присяжных заседателей выполняли народные заседатели, которые избирались от трудовых коллективов и не обладали реальной независимостью.

Современные особенности суда присяжных заключаются в следующем:

- сокращенный состав коллегии присяжных. В областных судах коллегия состоит из 8 присяжных заседателей;
- ограниченная компетенция. Суд присяжных рассматривает только определенные категории уголовных дел;
- проблемы и перспективы. Современный суд присяжных сталкивается с проблемами, связанными с низкой правовой грамотностью населения, влиянием СМИ, недостаточной защитой присяжных. Однако, он по-прежнему, играет важную роль в обеспечении справедливого правосудия.

Таким образом, история института суда присяжных заседателей в России — это история борьбы за демократические принципы в судебной системе, за право граждан участвовать в отправлении правосудия. Несмотря на сложные периоды забвения и современные проблемы, суд присяжных остается важным элементом российской правовой системы, способствующим укреплению законности и справедливости.

Литература:

1. Барсукова М. А. Становление возрожденного суда присяжных: история повторяется / М. А. Барсукова // История государства и права. — 2011. — № 23. — С. 35–37.

Проблемы судебного контроля за деятельностью органов предварительного расследования

Дымко Анастасия Михайловна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена комплексному анализу института судебного контроля за деятельностью органов дознания и предварительного расследования в российском уголовном судопроизводстве. Рассматриваются конституционно-правовые основы и формы судебного контроля, закрепленные в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, выявляются проблемы правоприменительной практики, связанные с определением предмета и пределов судебной проверки, а также с ее формальным характером и обеспечением состязательности. На основе анализа норм действующего законодательства и правовых позиций Конституционного и Верховного суда Российской Федерации предлагаются направления совершенствования уголовно-процессуального регулирования судебного контроля.

Ключевые слова: судебный контроль, предварительное расследование, уголовное судопроизводство, законность, права личности, обжалование действий должностных лиц, обжалование бездействия должностных лиц, следователь, дознаватель.

Problems of judicial control over the activity of preliminary investigative bodies

Dymko Anastasia Mikhailovna, master's degree student
Kuban State University (Krasnodar)

This article presents a comprehensive analysis of the institution of judicial oversight regarding the activities of inquiry and preliminary investigation bodies within Russian criminal proceedings. It examines the constitutional and legal foundations and forms of judicial oversight established in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and identifies issues in law enforcement practice—specifically concerning the scope and limits of judicial review, the formalistic nature of such review, and the assurance of adversarial proceedings during the review process. Based on an analysis of current legislation and the legal positions of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation, the article proposes ways to improve the criminal procedural regulation of judicial oversight.

Keywords: *judicial control, preliminary investigation, criminal proceedings, legality, individual rights, appeal against actions in action of officials, investigator, inquirer.*

Обеспечение баланса между эффективностью уголовного преследования и защитой прав личности представляет собой одну из главных задач уголовно-процессуальной науки и правоприменительной практики. В условиях, когда органы предварительного расследования наделены полномочиями по ограничению конституционных прав граждан — свободы, неприкосновенности жилища, тайны переписки и других, — важной гарантией законности выступает судебный контроль. Конституция Российской Федерации закрепляет, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом, а всем гражданам гарантируется судебная защита прав и свобод, включая право на обжалование в суд решений и действий (бездействия) органов государственной власти и должностных лиц.

Несмотря на значительный объем накопленной практики, институт судебного контроля продолжает вызывать дискуссии в науке уголовного процесса: не устранены противоречия в определении предмета и пределов судебной проверки; сохраняются проблемы обеспечения состоятельности контрольного производства, эффективности и своевременности судебной реакции на нарушение закона со стороны органов расследования.

Термин «судебный контроль» не закреплен законодателем в действующем законе, а именно в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ). Однако в теории уголовного процесса под судебным контролем за предварительным расследованием принято понимать урегулированную нормами УПК РФ деятельность суда по проверке законности и обоснованности процессуальных решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, а также по разрешению производства следственных и иных процессуальных действий, ограничивающих конституционные права участников уголовного судопроизводства, еще до принятия итогового решения по уголовному делу.

Полномочия суда в досудебном производстве закреплены в статье 29 УПК РФ, которая выделяет две группы полномочий: 1) реализуемые в порядке предварительного контроля полномочия по принятию решений, ограничивающих конституционные права граждан; 2) реализуемые в порядке последующего контроля полномочия по рассмотрению жалоб на действия (бездействие) и решения органов расследования. Такое деление, воспринятое доктриной, позволяет систематизировать формы судебного контроля и выступает основой для дальнейшего анализа.

Предварительный судебный контроль осуществляется до производства процессуального действия или принятия процессуального решения и заключается в даче судом разрешения на его совершение, например запрет определенных действий или заключение под стражу. Второй составляющей является то, что органы расследования полу-

чают судебное разрешение на производство следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, например выемка предметов и документов или обыск. В исключительных случаях следственные действия проводятся без предварительного удовлетворения ходатайства о производстве следственного действия, однако с дальнейшим уведомлением суда о совершении такого действия.

Последующий судебный контроль заключается в рассмотрении судом жалоб лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, или иных лиц на постановления, вынесенные следователем, дознавателем или руководителем следственного органа. К примеру, причиной подачи жалобы может послужить отказ в возбуждении уголовного дела или прекращение уголовного дела.

Как указал Верховный суд в постановлении Пленума от 10.02.2009 № 1, предметом судебной проверки является исключительно законность и обоснованность конкретного процессуального решения или действия, а не вопросы виновности лица и оценка доказательств по существу уголовного дела. Данные вопросы относятся к компетенции суда, рассматривающего дело по существу.

Отдельную разновидность последующего контроля составляет судебная проверка законности и обоснованности при продлении срока содержания под стражей, а также рассмотрение судом ходатайств об избрании и продлении иных мер пресечения, что объединяет черты предварительного и последующего контроля применительно к делящимся правоотношениям.

Судебный контроль не только дает независимую оценку правомерности ограничения прав человека как главной гарантии защиты конституционных прав граждан, но и дополняет собой ведомственный и прокурорский надзор. Об этом неоднократно упоминал Конституционный суд Российской Федерации.

Несмотря на то, что в главе 2 Конституции Российской Федерации закреплено положение о гарантии судебного контроля на защиту прав и свобод человека, на практике существует ряд проблем, которые связаны с осуществлением данного контроля судьями [1].

К одной из главных проблем уголовного процесса ученые относят преимущественно формальный характер судебной проверки ходатайств следователя об избрании следственных действий и об избрании меры пресечения. На практике суды практически не отказывают в удовлетворении поданных ходатайств, что подтверждается статистическими данными Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. Это связано как с ограниченными сроками рассмотрения поступившего в суд материала, так и с тем, что на данной стадии у суда отсутствует состязательная процедура, которая позволила бы полностью проверить обоснованность поданного хо-

датайства. Как утверждает в своей статье А. В. Смирнов, формальный характер судебной проверки ходатайств возникает из-за того, что судьи, рассматривающие дела по существу, вынуждены большую часть своего рабочего времени контролировать деятельность следователей и дознавателей [5], что приводит к формальному принятию решений. Кроме того, суды нередко исследуют переданные на проверку материалы в объеме, недостаточном для полного и всестороннего анализа и оценки необходимости производства следственного действия.

Практика применения статьи 108 УПК РФ свидетельствует о сохраняющемся неравенстве процессуальных возможностей сторон обвинения и защиты при рассмотрении судами вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Несмотря на закрепленное в законе право обвиняемого/подозреваемого и его защитника представлять доказательства и приводить доводы против заключения под стражу, суды в некоторых случаях ограничиваются формальной проверкой наличия оснований, которые закреплены в статье 97 УПК РФ [2]. В результате такой формальной проверки они не дают надлежащей оценки обстоятельствам, обосновывающим необходимость применения меры пресечения в виде заключения под стражу, а не более мягкой санкции. Верховный суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 10.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» обращал внимание нижестоящих судов на недопустимость формального подхода, а также на необходимость мотивированной оценки переданных им материалов на проверку [4]. Однако в правоприменительной практике на данный момент существуют случаи немотивированного продления сроков содержания лиц под стражей.

Наиболее востребованным на практике является институт обжалования в суде действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования. Часть 1 статьи 125 УПК РФ допускает обжалование в суде постановлений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа. Жалобы подаются в связи с отказом в возбуждении уголовного дела, прекращением уголовного дела, иными решениями и действиями (бездействием) указанных должностных лиц и прокурора, способными причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию. Исползованные законодателем оценочные категории «способны причинить ущерб» и «затруднить доступ к правосудию» не имеют легального определения, что порождает существенные различия в судебной практике при решении вопроса о том, подлежит ли конкретное решение или действие обжалованию в порядке данной статьи.

Постановление Пленума Верховного суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса

Российской Федерации» разъяснило, что к решениям и действиям (бездействию), способным причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, относятся постановления о приостановлении предварительного расследования, об отказе в удовлетворении ходатайства, о наложении ареста на имущество, а также иные акты, способные затронуть права граждан на досудебной стадии [3]. Однако сохраняющаяся казуистичность подхода не позволяет в достаточной степени определить предмет судебного контроля применительно ко всем ситуациям досудебного производства. В результате суды по-разному решают вопрос о допустимости обжалования, что видно, например, в постановлениях о признании лица потерпевшим или об отказе в этом; в решениях о производстве отдельных процессуальных действий; а также в бездействии следователя, не связанного напрямую с решением вопроса о возбуждении или прекращении уголовного дела. Поэтому данная проблема приводит к отказам в рассмотрении жалоб и отсутствию единообразной судебной практики.

Дополнительную сложность создает установленный частью 4 статьи 125 УПК РФ законодательный запрет на рассмотрение судом при проверке жалобы вопросов, которые могут быть предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела, в частности вопросов о доказанности вины, об оценке доказательств. На практике провести четкую границу между проверкой законности и обоснованности процессуального решения, с одной стороны, и предпрещением вопросов, отнесенных к стадии судебного разбирательства, с другой, — оказывается затруднительно, что нередко приводит к отказу в удовлетворении жалобы по формальным основаниям либо, напротив, к выходу суда за пределы предоставленных ему полномочий [6].

Конституционный суд Российской Федерации в вынесенных решениях указывал, что не подлежат обжалованию в порядке статьи 125 УПК РФ те действия и решения, законность и обоснованность которых будет проверена судом при рассмотрении уголовного дела по существу. В данном случае такая позиция суда основывается на недопустимости осуществления судом первой инстанции функций судебного контроля и способствует сохранению независимости судебного разбирательства. На практике же такое разграничение вызывает снижение эффективности судебного контроля как средства защиты прав личности, так как формально законное, но ничем не обоснованное решение органа предварительного расследования может не получить надлежащей судебной оценки.

Существенной проблемой является отсутствие эффективного механизма исполнения решений суда, которые признали незаконными или необоснованными постановления, действия (бездействие) должностных лиц органов предварительного расследования. Установив нарушение, суд в вынесенном решении обязывает должностное лицо устранить допущенное нарушение. Однако на законодательном уровне суд не был наделен полномочиями по от-

мене процессуального решения органа предварительного расследования и правом давать указания о конкретном способе устранения нарушения. Отсутствие таких полномочий и прав свидетельствует о недопустимости вмешательства со стороны судов в процессуальную самостоятельность следователя. В результате возникают ситуации, при которых должностное лицо формально исполняет судебное решение, вынося повторное постановление с первоначальным содержанием до проверки. В связи с вынесением таких постановлений происходят многократные обращения граждан в суд с новыми жалобами.

Анализ всех вышеперечисленных проблем судебного контроля за деятельностью органов предварительного расследования позволяет сформулировать предложения по совершенствованию института как на законодательном уровне, так и в правоприменительной практике.

По нашему мнению, представляется обоснованным законодательно закрепить в статье 108 УПК РФ обязанность органа расследования представлять суду при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу более полный объем материалов, обосновывающих невозможность применения альтернативных, не связанных с лишением свободы мер пресечения, с одновременным продлением (в разумных пределах) сроков подготовки к судебному заседанию по наиболее сложным ходатайствам.

Необходима более четкая законодательная формализация критериев, при которых решения и действия органов расследования подлежат обжалованию в порядке статьи 125 УПК РФ. Данное положение позволит снизить процент отказов судами в принятии жалоб к рассмотрению.

Следует рассмотреть возможность расширения пределов судебного контроля с сохранением гарантий независимости последующего судебного разбирательства при подаче жалоб заинтересованными лицами. Такое расширение будет возможным в случае предоставления судам права оценивать и формальное соблюдение процедуры, и наличие сведений, подтверждающих рассматриваемое решение, но без рассмотрения и вынесения решения по вопросу о виновности или невиновности лица.

Следует также рассмотреть возможность привлечения к ответственности должностных лиц органов предварительного расследования за вынесение без устранения выявленных нарушений повторного решения, которое ранее было признано судом незаконным.

Подводя итог, можно сказать, что судебный контроль за деятельностью органов, осуществляющих предварительное расследование, является одной из важных гарантий защиты прав личности в уголовном судопроизводстве. Данная гарантия позволяет обеспечить независимую проверку законности и обоснованности решений и действий должностных лиц. Однако анализ действующего законодательства и правоприменительной практики свидетельствует о наличии проблем, а именно неопределенности предмета обжалования, пределов судебного контроля, отсутствия закрепления последствий при отсутствии в последующем устранения незаконности вынесенных решений. Разрешение указанных проблем требует комплексного совершенствования как уголовно-процессуального законодательства, так и формирования единообразной правоприменительной практики с учетом правовых позиций Конституционного и Верховного суда.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 26.09.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 26.09.2026).
3. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 09.12.2025) // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84964/ (дата обращения: 26.09.2026).
4. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025) // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 26.09.2026).
5. Смирнов А. В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ) : [сайт]. — URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html (дата обращения: 26.09.2026).
6. Проблемы судебного контроля на стадии предварительного расследования : Интернет-конференции Сибирского юридического университета [сайт]. — Режим доступа: <https://conf.siblu.ru/problemy-sudebnogo-kontrolya-na-stadii-predvaritelnogo-rassledovaniya> (дата обращения: 26.09.2026).

Судебный контроль в уголовном процессе на этапе досудебного расследования: сущность и значение

Дымко Анастасия Михайловна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В данной научной статье исследуется и раскрывается не только правовая природа, но и сущность судебного контроля как самостоятельной функции суда в российском уголовном судопроизводстве, которая реализуется на досудебной стадии уголовного процесса. Рассматриваются доктринальные подходы к определению понятия «судебный контроль» и проводится его отграничение от смежных институтов, а именно прокурорского надзора и ведомственного процессуального контроля. На основе анализа норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации характеризуются формы судебного контроля: предварительный, связанный с санкционированием следственных и иных процессуальных действий (бездействий), ограничивающих конституционные права и свободы граждан; последующий, осуществляемый по жалобам участников уголовного судопроизводства. Делаются выводы о значении судебного контроля как гарантии обеспечения прав и свобод личности с учетом состязательности уголовного процесса.

Ключевые слова: судебный контроль, уголовное судопроизводство, предварительное расследование, права и свободы личности, прокурорский надзор, ведомственный контроль, мера пресечения, обжалование процессуальных действий.

Judicial control in criminal proceedings at the stage of pretrial investigation: essence and significance

Dymko Anastasia Mikhailovna, master's degree student
Kuban State University (Krasnodar)

This scientific article examines and reveals the legal nature and essence of judicial control as an independent function of the court in Russian criminal proceedings, which is implemented at the pretrial stage of the criminal process. Both doctrinal approaches to defining the concept of "judicial control" are considered, and it is distinguished from related institutions, namely, prosecutorial supervision and departmental procedural control. Based on an analysis of the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the forms of judicial control are characterized: preliminary, which is associated with the authorization of investigative and other procedural actions (inactions) that restrict the constitutional rights and freedoms of citizens; and subsequent, which is carried out in response to complaints from participants in criminal proceedings. Conclusions are drawn regarding the significance of judicial control as a guarantee of ensuring the rights and freedoms of the individual, taking into account the adversarial nature of criminal proceedings.

Keywords: judicial review, criminal proceedings, preliminary investigation, individual rights and freedoms, prosecutorial supervision, departmental control, preventive measure, appeal of procedural actions.

Конституция Российской Федерации возлагает на государство обязанность признавать, защищать и соблюдать права и свободы граждан страны [1]. Особую значимость имеет обеспечение баланса между расследованием преступления и интересами личности. Связано это с тем, что в уголовном судопроизводстве на стадии расследования преступления происходит вмешательство должностных лиц в частную жизнь и нарушение личной неприкосновенности, ограничиваются права граждан.

В уголовном судопроизводстве судебная власть выступает не только органом, разрешающим дело по существу, но и самостоятельным субъектом с полномочиями по контролю за законностью, обоснованностью действий и решений должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование. Такая функция суда в теории и законодательстве получила закрепление термином «судебный контроль». В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) отсутствует закреп-

ленное определение этого термина, который тем не менее используется законодателем косвенно, то есть путем закрепления в статье 29 УПК РФ полномочий суда, реализуемых на досудебной стадии производства [2]. Например, к таким полномочиям относится решение об избрании меры пресечения, ограничивающей конституционные права граждан, или рассмотрение жалоб на действия (бездействия) должностных лиц органов предварительного расследования.

Проанализировав научные статьи и монографии ученых, можно прийти к выводу, что в доктрине уголовно-процессуального права под судебным контролем подразумевается регулируемая нормами уголовно-процессуального закона деятельность суда, которая не связана с разрешением дела по существу, а направлена на проверку законности и обоснованности действий и решений, реализуемых органами предварительного расследования и ограничивающих конституционные права граждан.

Сущность судебного контроля можно раскрыть, проанализировав его признаки. Так, судебный контроль осуществляется исключительно судом как органом судебной власти, что подтверждается конституционным принципом разделения властей и служит гарантией независимости, беспристрастности суда по отношению к органам уголовного преследования. В предмет контроля не входит рассмотрение дела по существу, то есть доказывание виновности или невиновности лица и квалификации содеянного. Наоборот, суды рассматривают вопросы законности и обоснованности процессуальных действий и решений, затрагивающих конституционные права граждан. В результате судебного контроля судья выносит постановление, которое имеет обязательный характер для органов предварительного расследования.

Важно сказать, что судебный контроль не заменяет собой как функцию уголовного преследования, так и функцию разрешения уголовного дела [5]. Он подразумевает под собой самостоятельное направление судебной деятельности, противоположное правосудию, понимаемому гражданами как деятельность по рассмотрению и разрешению дела по существу с вынесением судьей приговора. Конституционный суд Российской Федерации в правовой позиции также указывает, что у судьи, рассматривающего вопросы досудебной инстанции, нет права на разрешение вопросов по существу уголовного дела.

Судебный контроль на досудебной стадии уголовного процесса также опирается на конституционный принцип судебной защиты прав и свобод каждого. Именно необходимость в обеспечении соблюдения данного принципа позволила включить суд в систему субъектов, которые участвуют в досудебном производстве [4].

В теории уголовного процесса судебный контроль принято делить на две формы: предварительный и последующий.

Предварительный судебный контроль, по мнению большинства исследователей, является наиболее важной формой реализации судебного контроля. Он заключается в том, что органы предварительного расследования получают судебное разрешение на производство действий, ограничивающих конституционные права. В отличие от последующего контроля, все действия должностных лиц могут осуществляться только после вынесения положительного решения со стороны суда.

Наиболее показательным примером получения судебного разрешения выступает порядок, закрепленный в статье 165 УПК РФ. Следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом ходатайство с целью получения разрешения на производство следственного действия, например обыска в жилище или наложения ареста на имущество.

Аналогичный порядок действий предусмотрен для мер пресечения. Например, порядок избрания заключения под стражу установлен статьей 108 УПК РФ. Судья, рассматривающий ходатайство следователя в судебном за-

седании с участием прокурора, обвиняемого/подозреваемого и его защитника, в данном случае оценивает не только формальное соблюдение процессуального порядка, но и обоснованность подозрения лица в совершении противоправного деяния.

Следовательно, разрешительная функция предварительного судебного контроля позволяет уменьшить риск необоснованного ограничения конституционных прав лиц до совершения процессуального действия.

Последующий судебный контроль осуществляется после производства процессуального действия. Он реализуется путем рассмотрения судом жалоб на действия (бездействия) и решения должностных лиц предварительного расследования со стороны заинтересованных лиц уголовного судопроизводства. Как указал Верховный суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», подлежат обжалованию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а также иные решения, способные нарушить конституционные права или затруднить доступ граждан к правосудию [3]. К предмету последующего судебного контроля относятся также не терпящие отлагательств случаи, когда должностное лицо после совершения действий обязано обратиться с ходатайством в суд с целью последующей судебной проверки законности произведенного следственного действия.

Важно указать, что при последующем контроле суд не заменяет орган предварительного расследования и не рассматривает вопросы, которые отнесены к компетенции должностных лиц. К примеру, суды не вправе давать указания о производстве конкретных следственных действий или направлении расследования преступления.

Можно сказать, что процессуальной формой реализации конституционного права на судебную защиту является институт судебного обжалования на стадии досудебного производства. В случаях, когда ведомственный контроль и прокурорский надзор не привели к устранению допущенных нарушений, данный институт является эффективным способом восстановления нарушенных прав.

Раскрытие сущности судебного контроля предполагает его отграничение от других форм контроля в досудебном производстве, а именно от прокурорского надзора и ведомственного контроля. Связано это с тем, что у всех трех институтов общая цель — обеспечение законности предварительного расследования, однако она реализуется разными субъектами, которые обладают разными правовыми полномочиями.

Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания осуществляется прокурором и регулируется не только главой 37 УПК РФ, но и Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1. Прокурорский надзор носит непрерывный характер и охватывает все стадии предварительного расследования.

Судебный контроль же носит периодический характер и осуществляется судом только при поступлении ходатайства от должностного лица предварительного расследования или жалобы от заинтересованного лица. Следовательно, судебный контроль не является постоянно действующим способом надзора [6].

Ведомственный контроль осуществляется руководителем следственного органа, начальником органа дознания. В отличие от судебного контроля, субъектами при ведомственном контроле являются должностные лица, которые находятся в отношении служебного подчинения с проверяемым субъектом или принадлежат к системе органов по осуществлению уголовного преследования [7]. Данная «пирамида» подчинения снижает независимость ведомственного контроля по сравнению с судебным, который осуществляется органом, отделенным от органов уголовного преследования.

Поэтому независимость суда от органов уголовного преследования является отличительной чертой судебного контроля, что определяет его особое место в системе контроля. Отличие также заключается в процессуальной форме его реализации, обеспечивающей состязательное

рассмотрение вопроса с участием заинтересованных лиц. Данные характеристики судебного контроля в совокупности недостижимы для ведомственного контроля и прокурорского надзора.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что судебный контроль на досудебной стадии предварительного расследования представляет собой самостоятельную функцию суда, которая отделена от разрешения уголовного дела по существу и сущность которой заключается в проверке законности и обоснованности отдельных процессуальных решений и действий, реализуемых органами предварительного расследования и затрагивающих конституционные права и свободы личности. Несмотря на разделение судебного контроля на две формы (предварительный и последующий), они объединены общей целью, а именно обеспечением конституционного права граждан на судебную защиту и устранением незаконного ограничения прав личности на стадии предварительного расследования. Такой контроль занимает важное место в системе гарантий законности предварительного расследования вместе с прокурорским надзором и ведомственным контролем, при этом не заменяя их, а дополняя.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 26.09.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 26.09.2026).
3. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 09.12.2025) // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84964/ (дата обращения 26.09.2026).
4. Митькова, Ю. С. Судебный контроль за производством следственных действий на стадии предварительного расследования: учебное пособие / Ю. С. Митькова, В. В. Синкевич. — Волгоград : Академия МВД России, 2023. — 78 с.
5. Мамедов, А. Г. Судебный контроль за действиями и решениями органов предварительного расследования и прокурора: содержание и пределы // Молодой ученый. — 2023. — № 34 (481). — С. 100–103.
6. Кунгаа, К. Б. Судебный контроль и прокурорский надзор / К. Б. Кунгаа, А. С. Монгуш // Молодой ученый. — 2022. — № 10 (405). — С. 151–154.
7. Шиманец, М. К. Ведомственный и судебный контроль за деятельностью следователя // Молодой ученый. — 2025. — № 28 (579). — С. 194–197.

Эволюция административной ответственности за нарушение требований пожарной безопасности в контексте реформы контрольно-надзорной деятельности (2024–2026 гг.)

Евлоев Магомед Темерланович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье автор проводит комплексный анализ трансформации института юридической ответственности за нарушение обязательных требований пожарной безопасности на завершающем этапе масштабной реформы государственного контроля. Исследуется период с конца 2024 по начало 2026 года, ознаменовавшийся переходом от экстенсивного

штрафования к дифференцированной модели наказания и цифровизации надзора. Рассматривается трансформация системы штрафов, введение новых составов правонарушений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), изменение подходов МЧС России к профилактике нарушений, а также влияние нового законодательства о государственном контроле (№ 248-ФЗ) на правоприменительную практику.

Ключевые слова: пожарная безопасность, административная ответственность, статья 20.4 КоАП РФ, государственный пожарный надзор (ГПН), риск-ориентированный подход, профилактический визит, приостановление деятельности, Единый реестр контрольных мероприятий, независимая оценка пожарного риска (НОР).

Институт юридической ответственности за нарушение требований пожарной безопасности представляет собой динамичную систему, реагирующую на статистику пожаров и техногенных аварий. На рубеже 2024–2025 годов данный институт претерпел существенную модернизацию. Это обусловлено завершением основного этапа реформы контрольно-надзорной деятельности, направленной на снижение административного давления на добросовестный бизнес при одновременном повышении неотвратимости наказания для субъектов высокого риска. Ключевым фактором стало внедрение цифровых платформ мониторинга, позволяющих инспекторам ГПН отслеживать состояние объектов дистанционно через межведомственное взаимодействие.

Что же изменилось?

1. Изменения в Кодексе об административных правонарушениях.

Центральным элементом административного механизма остается статья 20.4 КоАП РФ. С 1 апреля 2025 года данная статья была дополнена частями 10 и 11.

— Часть 10 устанавливает персональную ответственность для лиц, аттестованных на право проектирования средств обеспечения пожарной безопасности зданий, введенных в эксплуатацию, за нарушение требований при проектировании. Это закрывает многолетний правовой пробел, существовавший между стадией ввода объекта и его эксплуатацией, когда ошибки проектировщиков приводили к трагедиям, но не имели прямой административно-правовой квалификации.

— Часть 11 предусматривает повышенную ответственность за повторное совершение данного правонарушения — административный штраф от 90 до 100 тысяч рублей или дисквалификацию на срок от одного года до трех лет. Данная норма вводит механизм профессиональной чистки отрасли от недобросовестных специалистов.

2. Экономическая составляющая и ужесточение санкций.

Экономическая модель института ответственности характеризуется резким ужесточением санкций для стимулирования инвестиций бизнеса в безопасность. Если в начале 2020-х годов максимальные штрафы для юридических лиц редко превышали 400–500 тысяч рублей, то к началу 2026 года верхняя планка достигла 2 миллионов рублей (за нарушения, повлекшие причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, ч. 6.1 ст. 20.4 КоАП РФ). Помимо денежных взысканий, активно применяется такая мера, как административное приостановление

деятельности на срок до 90 суток, что является критическим ударом для коммерческих предприятий (торговых центров, производств, гостиниц). Для должностных лиц базовые штрафы варьируются от 20 до 30 тысяч рублей, достигая 100 тысяч рублей при наступлении тяжких последствий. При этом сохраняется градация: например, за первичные малозначительные нарушения (включая новые акценты на соблюдение противопожарного режима в жилых помещениях, такие как запрет на использование открытого огня на балконах) сохраняются минимальные пороги взыскания.

3. Процедурные новеллы и профилактика.

Важным аспектом современной правоприменительной практики является легитимизация механизмов замены штрафа предупреждением. Согласно частям 2 статьи 3.4 и части 3.5 статьи 4.1 КоАП РФ, такая замена возможна при совокупности условий: нарушение совершено впервые, отсутствует имущественный ущерб, вред жизни и здоровью людей, а также угроза чрезвычайных ситуаций.

Параллельно трансформировался сам механизм выявления нарушений:

— расширение оснований для внеплановых проверок: с июля 2025 года перечень индикаторов риска был расширен. Теперь основанием для немедленного выезда инспектора может стать срабатывание систем автоматического вызова пожарных расчетов без подтвержденного возгорания или поступление данных из систем «Безопасный город»;

— профилактические визиты: с января 2026 года активно внедряются обязательные «профилактические визиты» инспекторов ГПН для объектов среднего и умеренного риска. Данный инструмент позволяет фиксировать недостатки без немедленного возбуждения дела об административном правонарушении, выдавая лишь обязательное для исполнения предписание-предостережение. Это смещает фокус института ответственности с карательной функции на превенцию;

— цифровой профиль: все проверки теперь строго регламентированы включением в Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий; проведение проверки вне реестра автоматически аннулирует ее результаты.

4. Новый порядок обучения и назначения ответственных лиц.

Существенное влияние на распределение бремени ответственности оказало вступление в силу 1 сентября 2025

года Приказа МЧС России № 1120, заменившего уставший Приказ № 806. Новый нормативный акт уточнил требования к программам дополнительного профессионального образования и порядку назначения ответственных лиц. Важным нововведением стала легализация дистанционного формата обучения мерам пожарной безопасности с обязательной итоговой аттестацией под прокторингом (цифровым наблюдением). Регламент детализировал квалификационные требования к ответственным лицам, что напрямую влияет на определение субъекта административной ответственности — будь то руководитель организации, который несет общую ответственность,

или специально назначенный работник, прошедший аттестацию именно по новому приказу № 1120.

В заключение отмечу, что период 2024–2026 годов стал этапом перехода российского законодательства о пожарной безопасности к модели «умного регулирования». Государство отказалось от тотальных проверок в пользу работы с данными и высокими рисками, однако цена ошибки выросла кратно. Институт административной ответственности сместился в сторону персонализации (наказание конкретных проектировщиков и обученных ответственных лиц) и экономической дестимуляции халатности.

Литература:

1. Приказ Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий от 01.06.2026 № 398 «Об утверждении перечня должностных лиц МЧС России и территориальных органов МЧС России, уполномоченных обжаловать постановление, определение по делу об административном правонарушении, решение по жалобе на такие постановление или определение» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/documents/block/foiv020> (дата обращения: 21.09.2026).
2. Машаров И. За курение на балконе могут оштрафовать на сумму до 15 тысяч рублей // РИА Новости. — 27 ноября 2025. — Текст: электронный // URL: <https://ria.ru/20260412/shtraf-2086587542.html> (дата обращения: 21.09.2026).
3. Сенаторы одобрили поправки о штрафах за нарушение пожарной безопасности при проектировании зданий // Недвижимость РИА Новости. — 27 марта 2025. — Текст: электронный // URL: <https://realty.ria.ru/20250327/sovfed-2007734958.html> (дата обращения: 21.09.2026).
4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31.
5. Постановление Правительства РФ от 16.09.2020 № 1479 (ред. от 24.10.2024) «Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 39.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2025).
7. Приказ МЧС России от 16 декабря 2024 г. № 1120 «Об утверждении порядка, видов, сроков обучения лиц, осуществляющих трудовую или служебную деятельность... по программам противопожарного инструктажа»... (документ фактически отменил действие Приказа МЧС России от 18.11.2021 № 806).

Соотношение дисциплинарной, административной и уголовной ответственности в системе обеспечения пожарной безопасности объектов защиты

Евлоев Магомед Темерланович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье автор проводит системный анализ межотраслевых связей внутри института юридической ответственности за нарушение правил пожарной безопасности. Исследуется разграничение составов преступлений и проступков по объективным признакам (тяжесть последствий) и форме вины, а также специфика гражданско-правового возмещения вреда как факультативного элемента публично-правовой ответственности. Особое внимание уделяется проблеме квалификации деяний при их идеальной совокупности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, общественная безопасность, статья 219 УК РФ, дисциплинарная ответственность, объект защиты, Федеральный закон № 69-ФЗ, преюдиция, особый противопожарный режим.

Юридическая ответственность за нарушение требований пожарной безопасности представляет собой сложный полиструктурный институт, функциониру-

ющий на стыке публичного и частного права. Субъектами данных правоотношений выступают не только юридические лица (организации), но и широкий круг физиче-

ских лиц: собственники имущества, руководители федеральных органов исполнительной власти, руководители органов местного самоуправления, арендаторы помещений, а также назначенные ответственные за пожарную безопасность. Их правовой статус и обязанности прямо закреплены в статье 38 Федерального закона от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности». Институт ответственности функционирует в рамках строгой иерархии взысканий, где тяжесть санкции напрямую коррелирует со степенью общественной опасности деяния и наступившими последствиями.

Первый уровень — дисциплинарная ответственность. Она применяется работодателем к работникам в рамках трудовых отношений (в соответствии со статьями 192–195 Трудового кодекса РФ) за неисполнение или ненадлежащее исполнение локальных инструкций о мерах пожарной безопасности. Несмотря на сугубо частноправовую природу трудового договора, данное взыскание является первичным элементом общей системы государственного принуждения. Его цель — превенция более тяжких нарушений через внутренний корпоративный контроль. В контексте пожарной безопасности это критически важно для промышленных предприятий с непрерывным циклом производства, складских комплексов и образовательных учреждений, где действия одного сотрудника могут спровоцировать масштабное возгорание. Типичными нарушениями здесь являются оставление включенного электрооборудования без присмотра, курение в неустановленных местах или блокировка внутренних запасных выходов мебелью.

Второй уровень — административная ответственность, регламентируемая статьей 20.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Родовым объектом правонарушения выступает общественный порядок и общественная безопасность. Составы охватывают широкий спектр деяний: от загромождения эвакуационных путей (что особенно актуально для старого жилого фонда, общежитий и исторических зданий, где организация дополнительных выходов затруднена конструктивно) до необеспечения работоспособности автоматических систем пожаротушения, дымоудаления и оповещения. Особую категорию составляют правонарушения, совершенные в условиях особого противопожарного режима (часть 2 ст. 20.4 КоАП РФ), когда санкция увеличивается кратно ввиду повышенной уязвимости экосистемы или населенных пунктов (например, в период лесных пожаров). Отдельного внимания заслуживает часть 6.1 указанной статьи, устанавливающая ответственность за невыполнение законного предписания органа госпожнадзора, что подчеркивает фискально-превентивную функцию данного уровня ответственности.

Третий, высший уровень репрессивного воздействия — уголовная ответственность. Переход границы между административным проступком и преступлением определяется исключительно наступлением материальных общественно опасных последствий. Ключевой

нормой является статья 219 Уголовного кодекса РФ («Нарушение требований пожарной безопасности»). Если нарушение специальных правил повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека или его смерть, виновное физическое лицо подлежит уголовному преследованию. При этом родовым объектом преступления остается общественная безопасность, однако непосредственным дополнительным объектом становятся жизнь и здоровье личности.

Квалификация по ст. 219 УК РФ часто осложняется проблемой конкуренции норм и идеальной совокупности. Одно и то же действие руководителя может одновременно нарушать правила охраны труда (ст. 143 УК РФ) и требования пожарной безопасности. Судебная практика исходит из того, что, если причиной пожара стало именно нарушение регламентов МЧС (неисправность проводки, отсутствие огнетушителей, заблокированный выход), приоритет имеет ст. 219 УК РФ. Кроме того, данная норма тесно связана со статьей 168 УК РФ (уничтожение или повреждение имущества по неосторожности). Если крупный ущерб имуществу стал следствием нарушения правил пожарной безопасности, содеянное квалифицируется по совокупности статей 219 и 168 УК РФ.

Институт гражданско-правовой ответственности занимает особое место в этой системе. Хотя возмещение материального ущерба (например, уничтожение чужого имущества вследствие пожара) и компенсация морального вреда регулируются Гражданским кодексом РФ (ГК РФ), они неразрывно связаны с актом привлечения к публичной ответственности. Установленная постановлением по делу об административном правонарушении вина юридического лица служит преюдициальным фактором в арбитражном процессе (согласно ч. 3 ст. 69 АПК РФ), существенно упрощая процедуру взыскания убытков потерпевшей стороной и снимая бремя повторного доказывания факта противоправности действий ответчика. Аналогичный механизм работает и в судах общей юрисдикции при рассмотрении исков пострадавших работников или посетителей здания, опирающихся на вступивший в силу приговор суда по ст. 219 УК РФ. Более того, согласно ст. 1068 ГК РФ, юридическое лицо возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых обязанностей, что делает компанию конечным плательщиком даже при наличии уголовного дела против конкретного инженера по технике безопасности.

Таким образом, современный институт ответственности выстроен по принципу матрешки: от внутреннего порицания (дисциплинарного) к государственному штрафу (административному) и, при наличии тяжкого вреда, к личному лишению свободы (уголовному), сопровождаясь при этом обязанностью полного возмещения причиненного вреда.

Эффективность всей системы зависит не от жесткости санкций верхнего уровня, а от неотвратимости применения базовых уровней контроля, предотвращающих нарастание рядового нарушения в техногенную катастрофу.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
7. Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 35. — Ст. 3649.
8. Федеральный закон от 22.07.2008 № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 30 (ч. 1). — Ст. 3579.
9. Постановление Правительства РФ от 16.09.2020 № 1479 «Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации» (ред. от 03.02.2025).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 № 14 (ред. от 18.10.2022) «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем».
11. Обзор судебной практики разрешения судами споров, связанных с применением мер административной ответственности в области пожарной безопасности (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2024).
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.03.2025 № 305-ЭС24-18902 по делу № А40-11234/2024 (о преюдициальном значении постановлений по делам об АП в арбитражном процессе).
13. Актуальная практика применения ст. 219 УК РФ и ст. 20.4 КоАП РФ: Аналитический обзор Генеральной прокуратуры РФ. — М., 2025. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Особенности правового статуса дочерних акционерных обществ с преобладающим государственным участием

Еремян Артём Алексеевич, студент

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Государственный контроль над крупными корпоративными группами доходит до второго и третьего уровня владения через дочерние общества, тогда как их правовое положение описано в законодательстве фрагментарно. Цель — определить специфику правового положения дочерних акционерных обществ, подконтрольных обществам с преобладающим участием государства, и обосновать критерий косвенного контроля; применены формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Установлено, что нормы о дочерности в Гражданском кодексе и Законе об акционерных обществах описывают отношения контроля безотносительно к публичному характеру участия, а специальные требования адресованы прямому владению. Сопоставление актов выявило разрыв между директивным управлением на уровне основного общества и формальным критерием в 50 процентов, применяемым к дочерним заказчикам. Предложено закрепить расчет эффективной доли публичного участия и связать с ним распространение требований о закупках, дивидендной политике и раскрытии на общества второго и последующих уровней владения. Выводы применимы при подготовке внутренних документов холдингов с государственным участием и при определении круга адресатов специальных требований.

Ключевые слова: дочернее акционерное общество, преобладающее государственное участие, косвенный контроль, директивы акционера, корпоративное управление, публично-правовые обременения, ответственность основного общества.

Specifics of the legal status of subsidiary joint-stock companies with predominant state participation

State control over large corporate groups in Russia reaches the second and third levels of ownership through subsidiaries, while their legal position is regulated only in fragments. The aim is to identify the specific features of the legal status of subsidiary joint-stock companies controlled by companies with predominant state participation and to justify a criterion of indirect control; formal-legal, comparative and systemic methods are applied. The provisions on subsidiaries in the Civil Code and in the Law on Joint-Stock Companies describe control relations without regard to the public nature of participation, while special requirements are addressed to direct ownership. A gap is shown between directive management at the level of the parent company and the formal fifty per cent threshold applied to subsidiary procurement customers. The paper proposes to calculate the effective share of public participation and to link the scope of special requirements to it.

Keywords: subsidiary joint-stock company, predominant state participation, indirect control, shareholder directives, corporate governance, public law obligations, liability of the parent company.

Введение

Государственный контроль в российской экономике редко ограничивается первым уровнем владения: закрепленные за уполномоченными органами пакеты акций сосредоточены в основных обществах, тогда как производственные активы, выручка и договорные обязательства формируются в их дочерних и «внучатых» обществах, которые для контрагентов выступают самостоятельными участниками оборота.

Дочерность в пункте 1 статьи 67.3 Гражданского кодекса Российской Федерации связана с возможностью определять решения общества «в силу преобладающего участия в его уставном капитале» [1]. Публичный характер капитала основного общества здесь не учитывается. Состав контролируемых государством групп при этом менялся быстро: по данным В. Ю. Патенковой, из перечня стратегических акционерных обществ с государственным участием исключены порядка 70–80 % таких обществ [3]. На примере ОАО «РЖД» К. Ю. Чугунова показала, что общества с государственным участием внедряют корпоративные практики и апробируют новеллы корпоративного законодательства раньше, чем этого требует закон [9].

И. С. Шиткина относит компании с государственным участием к особой группе субъектов, регулирование и корпоративное управление которых не исчерпываются общими нормами об акционерных обществах [10]. Е. А. Суханов указывает на «наделение таких обществ некоторыми публично-правовыми задачами и полномочиями», сближающее их с публично-правовыми компаниями [5].

Нерешенным остается вопрос о том, где заканчивается публичный элемент статуса при переходе от основного общества к дочернему. А. М. Цирин рассматривал сходную задачу применительно к антикоррупционным запретам, ограничениям и обязанностям в дочерних организациях государственных корпораций и компаний [8]. Для дочерних обществ акционерных обществ сопоставимого критерия законодательство не содержит. Требования закупочного, приватизационного и корпоративного ре-

гулирования опираются на несовпадающие основания. Цель работы — определить особенности правового статуса дочерних акционерных обществ, подконтрольных обществам с преобладающим государственным участием, и обосновать критерий косвенного контроля для распространения на них публично-правовых требований.

Признаки дочернего общества и публичный характер преобладающего участия

Признак дочерности сформулирован в пункте 1 статьи 67.3 Гражданского кодекса Российской Федерации через три основания: преобладающее участие в уставном капитале, договор и иную возможность определять принимаемые обществом решения [1]. Статья 6 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ воспроизводит эту конструкцию и добавляет имущественное последствие: «Акционеры дочернего общества вправе требовать возмещения основным обществом (товариществом) убытков, причиненных по его вине дочернему обществу» [7]. Ни одна из норм не различает случаи, когда преобладающее участие принадлежит частному инвестору и когда оно принадлежит обществу, подконтрольному Российской Федерации или субъекту Российской Федерации.

Специфика дочернего акционерного общества с преобладающим государственным участием возникает поэтому за пределами норм о дочерности — в законодательстве о приватизации, в актах об управлении находящимися в федеральной собственности акциями и в закупочном регулировании, каждое из которых очерчивает собственный круг адресатов.

И. С. Шиткина и Е. А. Суханов сходятся в том, что участие государства меняет правовое положение акционерного общества [5; 10]. Расхождение касается источника таких изменений: специальное регулирование и сложившаяся практика управления либо закрепленные законом специальные корпоративные права государства и публично-правовые задачи [5]. Для дочернего общества второй подход дает более узкий результат, поскольку публично-правовые задачи закрепляются за конкретным обществом

и не переносятся на группу автоматически. К. Ю. Чугунова описывает третий вариант, при котором статус дочернего общества складывается из внутренних документов основного общества и его корпоративных практик [9].

Изменение перечня стратегических обществ влияет на объем публичных требований ко всей группе, а не только к обществу, включенному в перечень [3]. Исключение основного общества из такого перечня не сопровождается отдельной оценкой положения его дочерних обществ.

А. М. Цирин предложил критерии распространения антикоррупционных запретов, ограничений и обязанностей государственных корпораций и компаний на их дочерние организации [8]. Логика этих критериев опирается на функцию дочерней организации в группе и на характер выполняемой задачи. Перенос такой логики на дочерние общества акционерных обществ законодателем не выполнен.

Правовой статус дочернего общества в группе с государственным участием складывается из двух слоев. Первый — общие корпоративные нормы, одинаковые для любого дочернего общества. Второй — требования, обращенные к основному обществу и достигающие дочернего через решения его органов управления. Второй слой подвижен и меняется при каждом изменении перечней, критериев и порогов участия. Устойчивость статуса обеспечивается уставом и внутренними документами самого дочернего общества, а не его местом в структуре собственности.

Пороги участия и распространение публично-правовых требований на дочерние общества

Особенности правового положения акционерных обществ, акции которых находятся в собственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации

или муниципальных образований, установлены статьей 39 Федерального закона от 21.12.2001 № 178-ФЗ и адресованы прямому владению, а не структуре группы (в редакции от 15.12.2025) [6].

Круг адресатов специальных требований каждый акт определяет самостоятельно, и дочернее общество попадает в него лишь тогда, когда акт прямо его называет. Общая норма о дочерности подобного указания не содержит.

Постановление Правительства Российской Федерации от 25.02.2025 № 220 относит к числу адресатов общество, которое «является дочерним и (или) зависимым обществом акционерного общества», названного в этом акте [4]. Дополнительным условием выступает осуществление деятельности в субъектах Российской Федерации, где введены максимальный или средний уровни реагирования согласно Указу Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 757 [4]. Максимальный уровень введен в Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областях. Критерий здесь территориальный и функциональный, числового порога доли он не устанавливает.

Закупочное регулирование использует прямой количественный критерий: к заказчикам отнесены хозяйственные общества с долей участия Российской Федерации свыше 50 процентов и их дочерние хозяйственные общества, в уставном капитале которых указанным лицам принадлежит более половины долей. Тот же порог заложен в подготовленный Правительством Российской Федерации порядок согласования отдельных закупок с координационным органом, где дочерние хозяйственные общества названы заказчиками наряду с государственными корпорациями и компаниями. Пороги не совпадают между собой.

Основания, по которым требование закрепляется за дочерним обществом, сведены в таблице 1.

Таблица 1. Основание и порог участия, при которых требование распространяется на дочернее общество

Норма	Адресат требования	Порог участия
Пункт 1 статьи 67.3 ГК РФ	основное и дочернее общество	преобладающее участие, числовой порог отсутствует
Пункт 4 статьи 6 Закона об акционерных обществах	общество, приобретшее голосующие акции	более 20 процентов голосующих акций
Статья 39 Закона о приватизации	общество, акции которого в публичной собственности	прямое владение, порог не установлен
Пункт 1 постановления Правительства РФ от 25.02.2025 № 220	дочернее и (или) зависимое общество	порог не установлен, применяются критерии

Источник: составлено по [1; 4; 6; 7].

Единый количественный признак в приведенных актах отсутствует. При доле Российской Федерации 60 процентов в основном обществе и доле основного общества 50 процентов в дочернем эффективная доля публичного участия равна 30 процентам. Закупочный критерий в таком случае не выполняется, хотя решения дочернего общества определяет основное общество. Корпоративное

раскрытие устроено иначе: общество, приобретшее более 20 процентов голосующих акций, «обязано незамедлительно опубликовать сведения об этом в порядке, определяемом Банком России и федеральным антимонопольным органом» (пункт 4 статьи 6) [7]. Требование о раскрытии срабатывает раньше требований, связанных с контролем.

Таблица 2. Применимость элементов режима общества с государственным участием к основному и дочернему обществу

Элемент режима	Основное общество (акции в публичной собственности)	Дочернее общество основного общества
Голосование представителя по письменным директивам	применяется	опосредованно, через позицию основного общества
Рекомендации Росимущества по подготовке годовых собраний	адресованы обществу	прямо не адресованы
Особенности по статье 39 Закона о приватизации	применяются	не применяются
Ответственность по статье 6 Закона об акционерных обществах	в качестве основного общества	в качестве дочернего общества

Источник: составлено по [2; 6; 7].

Директивный механизм замыкается на основном обществе: представитель Российской Федерации на общем собрании акционеров действует на основании письменных директив и доверенности, а методические рекомендации по реализации позиции акционера — Российской Федерации в отношении сроков подготовки годовых собраний по итогам 2025 года обращены к обществам с государственным участием [2]. До дочернего общества позиция акционера доходит через голосование основного общества на его общем собрании.

Направления уточнения статуса дочерних обществ и условия их результативности

Действующий инструментарий состоит из директив представителям Российской Федерации, методических рекомендаций Росимущества и типовых внутренних документов, рекомендованных обществам с государственным участием [2]. Рекомендации по срокам подготовки и проведения годовых собраний по итогам 2025 года адресованы обществам, не включенным в специальный перечень [2]. Дочерние общества в этих документах отдельного адресата не образуют. Результативность инструментария зависит поэтому от того, воспроизведет ли основное общество позицию акционера в документах дочернего общества.

Пока такая трансляция остается вопросом усмотрения менеджмента основного общества, единый стандарт корпоративного управления внутри группы недостижим.

Предлагается закрепить расчет эффективной доли публичного участия как основание распространения специальных требований на общества второго и последующих уровней владения. Механизм действия состоит из трех элементов:

- эффективная доля определяется перемножением долей по цепочке владения, начиная с федерального, регионального или муниципального пакета;
- если расчетное значение превышает установленную величину, дочернее общество включается в круг адре-

сатов требований о закупках, дивидендной политике и раскрытии;

- основному обществу вменяется обязанность отражать позицию акционера во внутренних документах дочернего общества.

Исходные сведения для расчета содержатся в раскрываемой структуре акционеров публичных обществ и в реестрах публичного имущества.

Расширение круга адресатов затрагивает общества со значимым частным и региональным капиталом, включая случаи участия Республики Башкортостан и города Москвы. Порог требует проверки по отраслям; до ее проведения предложение сохраняет характер направления.

Многоуровневые цепочки владения преобладают в нефтепереработке и электроэнергетике. 57,6 % акций ПАО «Башнефть» принадлежит ПАО «НК Роснефть», 25 % — Республике Башкортостан, а эффективный контроль Российской Федерации оценивается в 56 %. В ПАО «Мосэнерго» 53,8 % акций контролирует дочерняя структура ПАО «Газпром», 26,4 % находятся в собственности города Москвы. Расчет эффективной доли в таких группах опирается на уже раскрываемые сведения. Для обществ, не раскрывающих состав акционеров, потребуется получение данных от основного общества.

Второе направление касается ответственности: возмещение убытков, причиненных дочернему обществу по вине основного, предусмотрено статьей 6 Закона об акционерных обществах [7]. Применение нормы затруднено тем, что убыток от исполнения указания основного общества трудно отделить от отраслевой задачи группы. Уточнение состоит в обязательном документировании указаний, адресованных дочернему обществу, и в переносе функциональных критериев, предложенных А. М. Цириным для дочерних организаций государственных корпораций, на дочерние общества акционерных обществ [8].

Если расчет эффективной доли будет закреплён в акте об управлении находящимися в публичной собственности акциями, круг обществ, обязанных соблюдать закупочные и дивидендные требования, расширится за счет второго и третьего уровней владения.

Заключение

Правовой статус дочернего акционерного общества, подконтрольного обществу с преобладающим государственным участием, складывается из общих норм о дочерности и требований, адресованных основному обществу; собственного правового режима такие общества не имеют. Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации и Закона об акционерных обществах описывают отношения контроля безотносительно к публичному характеру участия. Специальные требования привязаны к прямому владению либо к несовпадающим основаниям. Различие оснований создает случаи, когда фактический контроль публичного собственника не сопровождается публичными обязанностями дочернего общества.

Выводы применимы при подготовке внутренних документов холдингов с государственным участием, при

определении круга адресатов закупочных и дивидендных требований и при оценке ответственности основного общества. Пределы выводов заданы кругом рассмотренных актов и отдельными группами, по которым доступны сведения о структуре владения.

Дальнейшие исследования уместны в трех направлениях: отраслевые значения эффективной доли, судебная практика по возмещению убытков дочернему обществу и сопоставление с регулированием дочерних организаций государственных корпораций. Требуется изучения и то, как изменение перечней стратегических обществ отражается на положении дочерних обществ. Отдельного изучения требует региональный уровень участия.

Функциональный критерий охватывает общества, значимые для выполнения публичной задачи, при невысокой доле участия в капитале, и этим дополняет количественный подход.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.09.2026).
2. Методические рекомендации по реализации позиции акционера — Российской Федерации в отношении сроков подготовки и проведения годовых заседаний общих собраний акционеров по итогам 2025 года (ГОСА 2026) в акционерных обществах с государственным участием // Официальный сайт Росимущества. URL: <https://rosim.gov.ru/documents/> (дата обращения: 20.09.2026).
3. Патенкова В. Ю. Контроль за деятельностью акционерного общества: правовое регулирование: монография. М.: Юстицинформ, 2023. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/perechen_akcionernyh_obschestv_s_gosudarstvennym_uchastiem/ (дата обращения: 20.09.2026).
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 25.02.2025 № 220 «Об определении критериев, которым должно соответствовать акционерное общество для применения положений Федерального закона «Об акционерных обществах», связанных с принятием решений общим собранием акционеров». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_499545/ (дата обращения: 20.09.2026).
5. Суханов Е. А. Систематизация юридических лиц. М.: Статут, 2026. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/akcionernye_obschestva_s_gosudarstvennym_uchastiem/ (дата обращения: 20.09.2026).
6. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (ред. от 15.12.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35155/8ed016c49665aa6a8a3ed2f0c-639fa325224a71a/ (дата обращения: 20.09.2026).
7. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/10105712/8b7b3c1c76e91f88d33c08b3736aa67a/> (дата обращения: 20.09.2026).
8. Цирин А. М. Критерии распространения антикоррупционных запретов, ограничений и обязанностей, установленных в отношении государственных корпораций и компаний, на их дочерние организации // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 174–181.
9. Чугунова К. Ю. Особенности формирования воли дочерних обществ акционерных обществ с преобладающим государственным участием (на примере ОАО «РЖД») // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 10. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/perechen_akcionernyh_obschestv_s_gosudarstvennym_uchastiem/ (дата обращения: 20.09.2026).
10. Шиткина И. С. Правовое регулирование и корпоративное управление компаниями с государственным участием: особенности, проблемы и пути их решения // Предпринимательское право. 2014. № 2.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 39 (642) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 07.10.2026. Дата выхода в свет: 14.10.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.